

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
«КРЫМСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»

**V МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
ПОСВЯЩЕННАЯ 30-ЛЕТИЮ
ГБУРК «КРЫМСКИЙ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»**

*Этнография Крыма XIX–XXI вв.
и современные этнокультурные процессы*

(г. Симферополь, 21–23 сентября 2022 г.)

Материалы и исследования

ВЫПУСК 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АНТИКВА
Симферополь
2023

УДК 394(477.75)
ББК 63.529(6Крм)
Э 91

К 30-летию Крымского этнографического музея

Рекомендовано к изданию научно-методическим советом ГБУРК
«Крымский этнографический музей» (протокол № 7 от 25 июля 2022 г.)

Редакционная коллегия:

Лантев Ю. Н. — директор ГБУРК «Крымский этнографический музей»;
Науменко Л. А. — заместитель директора ГБУРК «Крымский этнографический музей»;
Науменко А. В. — методист по музейно-образовательной деятельности отдела информации и культурно-просветительной работы ГБУРК «Крымский этнографический музей»

Научный редактор — *Науменко В. Е.*, кандидат исторических наук, и.о. декана исторического факультета, доцент кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

ISBN 978-5-6048817-0-5

Э 91 **Этнография Крыма XIX–XXI вв. и современные этнокультурные процессы** : V Международная научно-практическая конференция, посвященная 30-летию ГБУРК «Крымский этнографический музей» (г. Симферополь, 21–23 сентября 2022 г.) : сборник докладов / Крымский этнографический музей. — Симферополь : ООО «Антиква», 2023. — 172 с.

V Международная научно-практическая конференция «Этнография Крыма XIX–XXI веков и современные этнокультурные процессы» состоялась в Симферополе 21–23 сентября 2022 г. и была посвящена 30-летию Крымского этнографического музея.

Сборник посвящен проблемам этногенеза, этнической истории и традиционной культуре этнических общностей Крыма, современным этнокультурным процессам, проблемам музееведения и формирования коллекций.

В сборник включены доклады участников V Международной научно-практической конференции.

УДК 394(477.75)
ББК 63.529(6Крм)

ISBN 978-5-6048817-0-5

© ГБУРК «Крымский этнографический музей», 2023
© Оформление (оригинал-макет).
ООО «Антиква», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Баранова Е. М. Выездные выставочные проекты Крымского этнографического музея в 2014–2021 гг.	6
Бариева М. Р. Крымскотатарское девичье головное покрывало «шербенти». Обзор коллекции Крымского этнографического музея	15
Гайворонская О. Б. Роль Крымского этнографического музея в гармонизации межнациональных отношений в Крыму	22
Демидович В. В., Науменко А. В. Культурно-образовательные мероприятия Крымского этнографического музея.....	27
Дмитриев В. А. Образы научного знания в этнографической экспозиции (на примере культуры северо-западного Кавказа)	34
Ельяшевич В. А. Исторические караимские общины на Крымском полуострове и время их появления	41
Ломакина М. А. Акварель К. Ф. Богаевского «Татарский домик в Карасубазаре»	52

<i>Миронова Н. В., Спирина И. В.</i> Коллекция открыток с видами Крыма начала XX — начала XXI вв. в собрании Крымского этнографического музея	64
<i>Науменко Л. А.</i> К вопросу создания музея украинской вышивки имени В. С. Роик.....	74
<i>Носкова И. А.</i> Мебель в интерьере немецких поселенцев Крыма в конце XIX — середине XX вв. (на основе коллекции Крымского этнографического музея).....	84
<i>Османов Э. Э.</i> Квартальная специализация ремесленников Бахчисарая во второй половине XIX в.	91
<i>Прохоров Д. А.</i> Традиционный костюм евреев-ашкеназов и караимов Российской империи в источниках XIX века	99
<i>Пуздровская М. А.</i> Коллекция предметов бытовой и кухонной утвари белорусов первой половины XX века, переданная в дар Крымскому этнографическому музею в 2022 году	108
<i>Рув В. Л.</i> Помещичье землевладение в Крыму в конце XVIII — начале XX вв. (на примере Ягмурчинской дачи у Симферополя).....	118
<i>Сластникова Л. А.</i> Вклад С. С. Некрасова в комплектование фондов Этнографического отдела Русского музея.....	127
<i>Таратухина Е. Е.</i> Образы древнеславянских богинь в вышивке XIX–XX вв. (по материалам коллекции Крымского этнографического музея)	135
<i>Филиппова Н. А.</i> Лапти, чуни, сапоги... Из коллекции Крымского этнографического музея. Роль обуви в русской народной культуре	150
Список сокращений.....	161
Сведения об авторах	162

Е. М. Баранова

ВЫЕЗДНЫЕ ВЫСТАВОЧНЫЕ ПРОЕКТЫ КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В 2014–2021 гг.

Е. М. Baranova

EXTERNAL EXHIBITION PROJECTS OF THE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM IN 2014–2021

***Аннотация.** В статье анализируются выездные выставочные проекты Крымского этнографического музея в период 2014–2021 гг. Выставки разделены по тематическим направлениям. Указана хронология реализации проектов, места экспонирования, характер представленных предметов из фондовой коллекции музея и их количественный состав.*

***Ключевые слова:** выставочный проект, экспозиция, коллекция предметов, этнография, Крым, традиции, культура, народ.*

***Annotation.** The article analyzes external exhibition projects of the Crimean Ethnographic Museum in the period of 2014–2021. Exhibitions are divided into thematic areas. The chronology of the project implementation, places of exposure, nature of presented items of the museum's stock collection and their quantitative composition, are indicated.*

***Keywords:** exhibition project, exposition, collection of objects, ethnography, Crimea, traditions, culture, people.*

Крымский этнографический музей основан в 1992 г. на правах филиала Крымского республиканского краеведческого музея (с 2006 г. – ГБУ РК «Центральный музей Тавриды»). С сентября 2009 г. музей работает как самостоятельное юридическое лицо [1, с. 26].

Одним из направлений работы музея является экспозиционно-выставочная деятельность, в процессе которой создаются новые выставки и экспозиции, что, в свою очередь, повышает доступность и значимость собственных музейных коллекций, способствуя их введению в научный и культурный оборот [5, с. 429].

В 2014 г., с момента вхождения Крыма в состав Российской Федерации, в Крымском этнографическом музее активизировалась работа по межмузейному обмену.

За период с 2014 по 2021 г. музеем при поддержке Министерства культуры Республики Крым были успешно реализованы четыре выездных выставочных проекта, среди которых выставки «Мелодия на полотне», «Народы Крыма», «Русский народный костюм», «Немцы Крыма. Страницы истории». Для экспонирования были использованы 2076 предметов из коллекции Крымского этнографического музея, в том числе 1733 предмета из основного фонда, 121 предмет из научно-вспомогательного фонда, 222 предмета временного хранения. Общее количество посетителей выездных выставок составило 12 724 человека.

Одним из основных проектов музея, направленных на популяризацию культурно-исторического наследия народов Крыма, можно считать выставочный проект «Народы Крыма», который, начиная с 2016 г., был представлен в музейных учреждениях различных регионов Российской Федерации, в числе которых Омский государственный историко-краеведческий музей (г. Омск, 2016 г.), Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова (Ростовская область, станица Вёшенская, 2017 г.) (Рис. 1), Музей Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск, 2017 г.) (Рис. 2), Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (г. Вологда, 2018 г.), Белгородский государственный музей народной культуры (г. Белгород, 2019 г.), Елабужский государственный историко-культурный музей-заповедник (Республика Татарстан, г. Елабуга, 2020 г.).

Данный проект представляет гордость собрания Крымского этнографического музея, его уникальную коллекцию вещевых, фотографических, документальных памятников конца XIX — середины XX вв., характеризующих этнокультурные традиции народов Крыма. Выставка «Народы Крыма» дает представление о традиционной культуре этносов, проживающих на полуострове. Посетители могут познакомиться с культурами как многочисленных народов нашего региона, таких как русские, украинцы, крымские татары, армяне, белорусы, так и этносов и этнических групп, численность которых не превышает 200 человек и которые проживают только на территории Крыма (крымчаки) [6].

Чтобы подчеркнуть взаимовлияние культур народов Крыма как региона, на территории которого проживают по результатам переписи населения Крыма 2014 г. представители 175 народов и этнических групп, в выставочном ряду в качестве отдельного экспозиционного комплекса представлены полотна разных народов Крыма. Являясь надежным историческим источником, в котором отражена традиционная культура, полотне может рассказать о религиозных и социальных различиях, этнической специфике, семейном укладе, особенностях быта и нормах поведения того или иного этноса. В семейной и календарной обрядности оно выступало в качестве дара, оберега, покрывала, украшения, символа праздника и имело знаковую функцию [9].

Показателем высокого профессионализма крымских мастеров-ремесленников является медная посуда. Она отличалась разнообразием и оригинальностью форм, высоким качеством изготовления и неповторимым орнаментом. Наиболее распространенным видом медной посуды были «гугумы» – сосуды для воды. Их широко применяли в быту крымские татары, караимы, крымчаки, греки и армяне. Украшались гугумы чеканным орнаментом с изображением птиц, рыб, кипарисов и цветов [10]. Все это разнообразие было представлено в экспозиции музея.

Гармоничным дополнением выставки служили исторические фотографии из фондов Крымского этнографического музея, посвященные быту народов Крымского полуострова.

Общее количество представленных предметов на выставке «Народы Крыма» составило 1605 единиц, из них 1385 – предметы основного фонда, 66 – научно-вспомогательного фонда, 154 – предметы временного хранения.

С целью популяризации традиционной украинской вышивки в 2016 г. на основе собственной музейной коллекции и с привлечением работ заслуженной вышивальщицы, Героя Украины Веры Сергеевны Роик (1911–2010) и её учениц был создан проект «Мелодия на полотне», который успешно реализован совместно с Невинномысским историко-краеведческим музеем (Ставропольский край, г. Невинномысск) (Рис. 3). Он был посвящен 105-й годовщине со дня рождения В. С. Роик [3, с. 128]. Уникальность музейной коллекции украинской вышивки Крымского этнографического музея заключается в том, что в силу исторических особенностей заселения полуострова, в ней представлены изделия, изготовленные в тради-

ционных стилях и техниках практически всех регионов Украины, а также отдельных областей России и Беларуси. На примере этих экспонатов посетители выставки имеют возможность рассмотреть, как эти различные стили и техники проявились в вышивке первой половины XX в., выполненной уже в Крыму переселенцами.

Коллекция вышитых изделий Крымского этнографического музея дает возможность познакомиться с растительными, орнитоморфными, антропоморфными, эпиграфическими (текстовыми) и геометрическими орнаментальными мотивами, раскрыть их магический смысл. В древности орнаменты отражали элементы символики различных культов, выступали в виде своеобразных заговоров, которые должны были защищать человека от невзгод, приносить ему счастье и благополучие. На протяжении веков точный смысл таких символов терялся, уступая место декоративному аспекту, но в целом традиция использования символики в вышивке никогда не исчезает [4, с. 443].

Изюминкой коллекции вышитых изделий музея на выставке «Мелодия на полотне» стали работы самой Веры Сергеевны Роик и её учениц.

С декабря 1944 г. по август 1952 г. семья В. С. Роик проживала в городе Невинномысске, где она работала учителем рукоделия 8–10 классов в женской средней школе №1 и вела кружок вышивки при местном Доме пионеров. Именно здесь началась её педагогическая и воспитательная деятельность [2, с. 155].

Благодаря работам В. С. Роик и на основе коллекции вышитых изделий нашего музея удалось наиболее полно показать чарующий мир славянских узоров, раскрыть глубокий смысл символов, прикоснуться к мудрости многих поколений.

Всего на выставке экспонировался 131 предмет, из них 81 предмет основного фонда, 1 предмет научно-вспомогательного фонда и 49 предметов, находящихся на временном хранении в собрании музея.

В связи с пополнением коллекции Крымского этнографического музея предметами, отражающими традиционную русскую культуру, был подготовлен новый проект «Русский народный костюм», который демонстрировался на базе Исторического музея ГАУК РК «Музей-заповедник «Судакская-крепость» (г. Судак, 2020 г.) (Рис. 4). Вниманию посетителей были представлены традиционные костюмы многих регионов России – Новгородской, Орловской,

Курской и других областей, относящиеся к концу XIX — середине XX вв. и выполненные из шерсти, льна, конопли, шелка, парчи и атласа (Рис. 5). Это поневы, сарафаны, юбки, платки, кокошники, пояса, декоративный текстиль, которые служат не только уникальной источниковедческой базой для исследователей, но и представляют большой познавательный интерес для самых взыскательных посетителей [7]. Всего на выставке экспонировалось 198 предметов основного фонда нашего музея.

В 2021 г., к 80-летию депортации немцев из Крыма, музеем был подготовлен новый выставочный проект «Немцы Крыма. Страницы истории», который экспонировался в том же Историческом музее музея-заповедника «Судакская-крепость». На выставке демонстрировались предметы второй половины XIX — начала XXI вв., характеризующие особенности материальной и духовной культуры крымских немцев: предметы культа, элементы одежды, атрибуты семейных праздников и религиозных обрядов, текстильные изделия, кухонная утварь, столовая посуда (Рис. 6). Отдельный раздел выставки был посвящен немецким архитектурным сооружениям на полуострове, а также истории бывшей немецкой колонии Судак-Крепость (ныне территория г. Судака), семейным архивам [8]. Выставку дополнил тематический фотоиллюстративный материал из фондовой коллекции самого музея-заповедника «Судакская-крепость». Общее количество экспонируемых предметов составило 142 единицы, из них 69 предметов основного фонда, 54 предмета научно-вспомогательного фонда и 19 предметов временного хранения.

Крымский этнографический музей с целью популяризации собственной коллекции и сохранения нематериального культурного наследия полуострова и в дальнейшем будет продолжать работу в данном направлении.

Литература

1. Баранова Е. М. Экспозиционно-выставочная работа Крымского этнографического музея в 2009–2016 годах // Этнография Крыма XIX–XXI веков и современные этнокультурные процессы: материалы исследования: IV Международная научно-практическая конференция, посвященная 25-летию ГБУРК «Крымский этнографический музей» (г. Симферополь, 28–30 сентября 2017 г.); вып. 4. / Крымский этнографический музей. – Симферополь: ООО «Антиква», 2021. – С. 26–31.

2. Науменко Л. А. Наследие В. С. Роик // Песни, вышитые нитками: альбом вышивок и узоров Веры Роик / Составитель Вадим Роик. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского, 2018. – С. 152–156.

3. Науменко Л. А. Этнокультурное наследие украинцев в Крыму: создание музея украинской вышивки им. В. С. Роик // Роль музеев в презентации и актуализации знаний по истории и культуре народов и национальных групп и осуществление межкультурной коммуникации: сборник по итогам заседания Южного филиала Научного совета исторических и краеведческих музеев Российской Федерации в г. Симферополь 2–4 октября 2019 г. (Приложение к сборнику «Материалы научно-методических семинаров по актуальным вопросам развития музейного дела в регионе» ГБУРК «Центральный музей Тавриды»). – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. – С. 124–130.

4. Таратухина Е. Е. Орнаментальные мотивы и символика украинской вышивки (по материалам коллекции КРУ «Этнографический музей») // Этнография Крыма XIX–XXI веков и современные этнокультурные процессы: материалы исследования: – Вып. 3. / Отв. ред. М. А. Араджиони, Л. А. Науменко. – Симферополь: СГГ, 2012. – С. 443–455.

5. Юренева Т. Ю. Музееведение: Учебник для высшей школы. – М.: Академический проект, 2003. – 560 с.

6. Электронный ресурс: <https://crimea24tv.ru/content/etnograficheskaya-vystavka-iz-kryma-otkrylas-v-elabuzhskom-muzee/>

7. Электронный ресурс: <https://crimea-news.com/culture/2020/07/29/683346.html>

8. Электронный ресурс: <https://travelcrimea.com/novosti/20210807/2014180.html>

9. Электронный ресурс: <https://hantimansiysk.bezformata.com/listnews/sokrovisha-krima/58180061/>

10. Электронный ресурс: <https://cultinfo.ru/news/index.php?CODE=from-the-crimea-to-vologda-in-the-regional-capital>

*Рис. 1. Фрагмент выставки «Народы Крыма».
Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова. Архив КЭМ*

*Рис. 3. Открытие выставки «Мелодия на полотне».
Невинномысский историко-краеведческий музей. Архив КЭМ*

*Рис. 2. Открытие выставки «Народы Крыма».
Музей Природы и Человека. Архив КЭМ*

*Рис. 4. Открытие выставки «Русский народный костюм».
Исторический музей музея-заповедника «Судакская крепость». Архив КЭМ*

Рис. 5. Фрагмент выставки «Русский народный костюм». Исторический музей музея-заповедника «Судакская крепость». Архив КЭМ

Рис. 6. Фрагмент выставки «Немцы Крыма. Страницы истории». Исторический музей музея-заповедника «Судакская крепость». Архив КЭМ

М. Р. Бариева

**КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ДЕВИЧЬЕ
ГОЛОВНОЕ ПОКРЫВАЛО «ШЕРБЕНТИ».
ОБЗОР КОЛЛЕКЦИИ
КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

M. R. Barieva

**CRIMEAN TATAR MAIDEN
HEADSCARF SHERBENTI: A REVIEW
OF THE COLLECTION
OF THE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM**

Аннотация. В статье представлены результаты исследования крымскотатарских девичьих головных покрывал шербенти из собрания Крымского этнографического музея, отражена история формирования коллекции, обозначены основные вышитые орнаментальные мотивы. Анализ коллекции выполнен на основе деления её на две группы, в зависимости от времени изготовления: вторая половина XIX — первая четверть XX вв. и 1920 — начало 1940-х гг. Впервые в научный оборот вводится ранее не опубликованный материал.

Ключевые слова: Крымский этнографический музей, девичье головное покрывало, шербенти, крымские татары.

Annotation. The article presents the results of a study of the Crimean Tatar maiden head coverings sherbenti from the collection of the Crimean Ethnographic Museum, reflects the history of the formation of the collection, identifies the main embroidered ornamental motifs. The analysis of the collection is presented on the basis of its division into two groups depending on the time of manufacture: the second half of the XIX — first quarter of the XX centuries and the 1920s — early 1940s. For the first time, previously unpublished material is introduced into scientific circulation.

Key words: Crimean Ethnographic Museum, maiden head covering, sherbenti, Crimean Tatars.

Элементы крымскотатарского женского костюма изобилуют вышивкой. Её можно увидеть на платье, нарукавниках, курточках, обуви. Особенно часто вышивальными узорами украшали различные головные уборы, среди которых девичьи покрывала шербенти. Слово «шербенти» с иранского языка переводится как «шер» – сокращенное от «шариат» и «бенти» – дочь, то есть «покрывало дочери по закону» [3]. Известный исследователь традиционной культуры крымских татар Б. А. Куфтин переводил его как «шар» – врач и «бенти» – связь, то есть покрывало, связующее семьи жениха и невесты [7, с. 52]. Такая интерпретация также не случайна, поскольку шербенти, действительно, было важным атрибутом свадебного обряда.

Такой головной платок девушка начинала носить с подросткового возраста, когда уже могла быть обручена. После церемонии покрытия головы девушки надевали на голову фес, поверх накидывали платок шербенти из ткани юфкъя – тонкой хлопчатобумажной кисеи, которую привозили из Закавказья или Турции [1]. Шербенти украшали вышивкой на узких концах в технике «татар-ишлеме» – татарской глухой двусторонней глади хлопчатобумажными, шелковыми или металлизированными нитями.

Орнамент вышивки обычно состоял из трех-пяти повторяющихся мотивов изогнутой ветви – эгри дал, в основе которой лежала S-образная линия-стебель с различными цветами, плодами и листьями. Центральными элементами композиции, чаще всего, являлись изображения символов женского (роза «гуль») и девичьего (миндаль «бадем») начал. В коллекции Крымского этнографического музея представлены шербенти с цветочными (роза, тюльпан, условно трактуемые цветы) и плодово-ягодными (гранат, плоды шиповника) орнаментами. Лиственные мотивы присутствуют в каждом изделии и отличаются своим разнообразием: заостренные пальмовидные, мелкие каплевидные, в виде веточек папоротника и хвои и др.

Коллекция головных покрывал шербенти из нашего музея всего насчитывает девять единиц хранения. Первые вышитые девичьи платки в количестве четырех единиц поступили в фонды музея в 1993 г. в результате этнографической экспедиции старшего научного сотрудника Энвера Абдуллаева в г. Генчешек Херсонской области [6, с. 13]. Изделия были изготовлены в Крыму во второй половине XIX — начале XX вв. Шербенти, относящиеся к этому периоду, де-

монстрируют высокий уровень технического исполнения вышивки, а также богатейшее орнаментальное и цветовое разнообразие.

Одно из покрывал (КП-473, ДП-208) изготовлено из тонкой кисейной ткани. Его орнамент образован трижды повторяющимся стилизованным растительным узором в виде волнистого побега (мотив «эгри-дал») с двумя крупными цветками розы «гуль», бутонами и веточками с маленькими каплевидными листьями и в виде колосков. Цветки розы и бутоны выполнены металлизированной золотной нитью двусторонней гладью в технике «татар ишлеме», остальная часть композиции – шелковыми нитями различных цветов.

Мотив «эгри-дал» в виде изогнутого стебля ветки, на котором могут одновременно расти разные цветы и плоды, изображается на женских в основном девичьих головных покрывалах, символизируя начало зарождения жизни [4]. Восемь из девяти изделий из коллекции Крымского этнографического музея имеют орнаментальную композицию с использованием этого мотива в различных вариациях, что подтверждает его широкое применение.

Использование в качестве центрального, связывающего всю композицию, орнамента розы «гуль» характерно для шербенти периода второй половины XIX — начала XX вв. Вышитые изображения этого цветка на головных покрывалах имеют различия: роза может выступать единственным крупным цветочным элементом композиции (КП-475, ДП-210) (Рис. 1), образовывать пару с идентичным цветком, растущим на одной ветке, располагаясь в зеркальной симметрии друг к другу (КП-473, ДП-208), или может быть частью непрерывной волнообразной композиции, которую У. Боданинский определил как мотив «туташ-гуль» (КП-472, ДП-207; КП-483, ДП-212) (Рис. 2) [5]. Роза также изображалась в виде распустившегося цветка или в сочетании с бутоном «гуль-гондже».

Весьма популярным в крымскотатарском орнаментальном искусстве является изображение тюльпана «ляле». Несмотря на то, что тюльпан в крымскотатарской символике является мужским знаком и изображается, чаще всего, на мужских аксессуарах, либо на женских головных покрывалах «марама», в коллекции музея имеется шербенти с изображением этого цветка. Изделие (КП-470, ДП-209) было изготовлено в Крыму в конце XIX — начале XX вв. Вышитая орнаментальная композиция в виде изогнутого стебля со спиралевидным началом соединяет в себе мелкие листья миндале-

видной формы, веточки в виде колосков, круглые ягоды и три цветка тюльпана. Традиционно основная часть композиции вышита металлизированной серебряной нитью, также были использованы шелковые нити различных цветов.

Применение золотной или серебряной металлизированной нити характерно для вышитых шербенти, имеющих датировку в пределах второй половины XIX — начала XX вв. Изделие (КП-483, ДП-212), бытовавшее в с. Терек-Эли Симферопольского уезда (ныне с. Трехпрудное Симферопольского района) отличается обильным использованием металлизированной нити с редкими вкраплениями нити мулине или шелковой нити.

В 1999–2000 гг. коллекция музея пополнилась пятью платками шербенти, относящимися к 1920 — началу 1940-х гг. Образцы головных покрывал, изготовленных в этот период времени, были выполнены по большей части на более плотной хлопчатобумажной ткани фабричного производства. Такие изделия отличаются простыми орнаментальными композициями и практически полным отсутствием металлизированной и шелковой нитей в вышивке. Несмотря на отсутствие металлизированных нитей, что связано с прекращением восточного импорта, местные мастерицы находили способы декорирования изделий блестящими элементами, заменяя их на продукцию из России. Как отмечает П. Я. Чепурина, качество таких нитей было на порядок хуже [8]. В коллекции Крымского этнографического музея есть шербенти (КП-2802, ДП-758), украшенное вышивкой с использованием металлизированной нити «телли», известной в русскоязычной литературе как «бить» или «пощенка». Тонкая плоская металлическая нить «телли», часто применяемая при изготовлении декоративных полотенец «эвджияр» и женских тканых головных покрывал «марама», в данном случае имеет иной внешний вид, нежели материал, используемый до 1920-х гг.

Одно из головных покрывал (КП-2801, ДП-757) в коллекции музея было декорировано вышивкой в виде трех повторяющихся мотивов «эгри-дал» с полураскрытыми стилизованными цветами, маленькими каплевидными листиками и ветками с изогнутыми узкими листьями. Основной рисунок вышивки выполнен нитями «мулине», однако, сердцевина некоторых мелких цветков скудно украшена металлизированной серебряной нитью.

Кроме вышитых цветочных орнаментов в коллекции представлен экземпляр шербенти (КП-2802, ДП-758) с изображением

плодов граната. Широко распространенный в крымскотатарском орнаментальном искусстве мотив граната «нар», символизирующий плодородие и достаток, обычно изображался в виде плода с большим количеством зерен [2]. Однако существенное упрощение орнаментальных композиций вышивки, связанное в целом с постепенным упадком вышивального искусства, видоизменило изображение этого мотива. Прежняя детализация в виде многочисленных зерен, раскрывающая суть символа, исчезла, уступив место более простому и быстрому исполнению.

Шербенти (КП-2812, ДП-767) с вышивкой в виде изогнутой ветви с двумя розами и однобокими крупными листьями с заостренными концами изготовлено с применением и шелковой и металлизированной нитей. Невысокое качество исполнения вышивки демонстрирует либо упадок технологий вышивального искусства в этот период времени, либо первые попытки молодой крымскотатарской девушки овладеть мастерством самостоятельно.

Узкие концы каждого головного покрывала шербенти из коллекции Крымского этнографического музея украшает не только вышитая композиция растительного орнамента, но и служащая рамкой-каймой вышивка в виде полосы. Кайма имела как декоративную, так и практическую функцию, из-за чего её швы часто обтачивали края изделия. Мастерицы подбирали определенный шов, гармонирующий с общим рисунком вышивки. Края изделий украшались швами «сычан тиш», «кьаснакъ», «эмеру», волнистой полосой «су», петельным швом, зигзагообразными линиями и т.д.

Упрощение технологических приемов вышивки, ухудшение качества используемых материалов было связано с общим кризисом кустарного производства, последовавшим за установлением Советской власти в Крыму. Постепенное вытеснение традиционного крымскотатарского костюма фабричной одеждой обозначило невостребованность продукции традиционного женского рукоделия. Сохранившиеся на протяжении веков и обусловленные исламскими канонами традиции изготовления и ношения головных покрывал оказались забытыми. И если «марама», головное покрывало замужней женщины, пожилые крымские татарки продолжали носить еще определенное время, то молодые девушки на фотоснимках того времени все чаще запечатлены в фабричной одежде без национальных признаков.

Шербенти, хранящиеся в Крымском этнографическом музее, были изготовлены не только в разные временные периоды, но и в

разные исторические эпохи. Эти изделия стали не просто элементом девичьего наряда, но и материальным свидетельством своего времени, отразившим резкие изменения условий жизни, связанные с революционными событиями и складыванием новых устоев.

Литература

1. Абдураманова С. Н. Крымскотатарское головное покрывало в коллекции Бахчисарайского музея-заповедника: каталог / С. Н. Абдураманова, Н. М. Акчурина-Муфтиева; под ред. Н. М. Акчуриной-Муфтиевой. – Симферополь: ДОЛЯ, 2015. – 96 с.
2. Аблаева У. О. Шапки, фески, шали. Головные уборы и головные украшения крымских татар. Эволюция комплекса с XVII до нач. XXI вв. – Самарканд: МИЦАИ, 2022. – 246 с., илл.
3. Акчурина-Муфтиева Н. М. Декоративно-прикладное искусство крымских татар XV — первой половины XX вв.: монография. – Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2008. – 392 с.
4. Акчурина-Муфтиева Н. М., Соломянная А. А. Классификация растительной орнаментики в крымскотатарском текстиле XIX— начала XX веков / Н. М. Акчурина-Муфтиева, А. А. Соломянная // Крымские диалоги: культура, искусство, образование. – 2019. - № 5. – С. 49–53.
5. Боданинский У. А. Собрание сочинений. Том I. Научное наследие. – Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 272 с.
6. Мамутова Ш. А. Формирование фондов Крымского этнографического музея по обрядам и обычаям крымских татар конца XIX — начала XX века / Ш. А. Мамутова // X Таврические научные чтения: сборник материалов. Ч. 2. – Симферополь, 2009. – С. 13–19.
7. Рославцева Л. И. Одежда крымских татар конца XVIII — начала XX в.: Историко-этнографическое исследование. – М.: Наука, 2000. – 104 с.
8. Чепурина П. Я. Татарская вышивка / П. Я. Чепурина // Искусство. – М.–Л. – 1935. – № 2. – С.103–108.

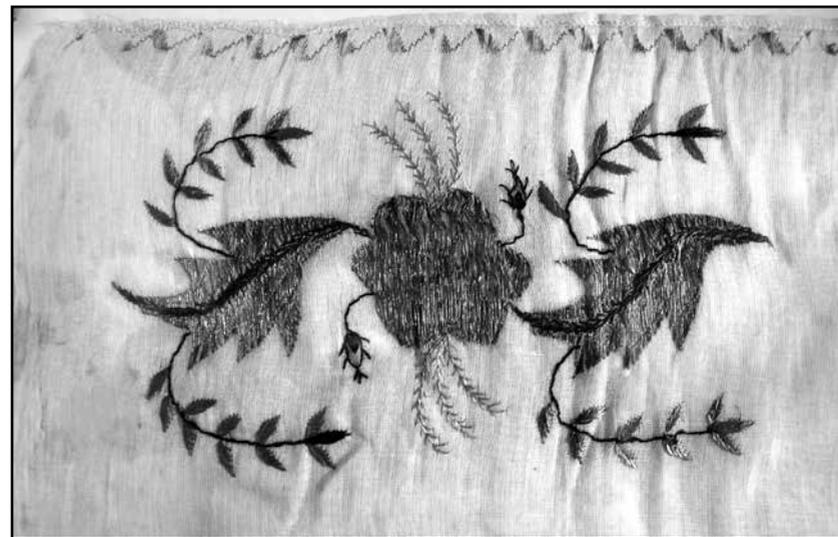

Рис. 1. Головное покрывало шербенти. Крым, вторая половина XIX в. КП-475, ДП-210. Из коллекции КЭМ

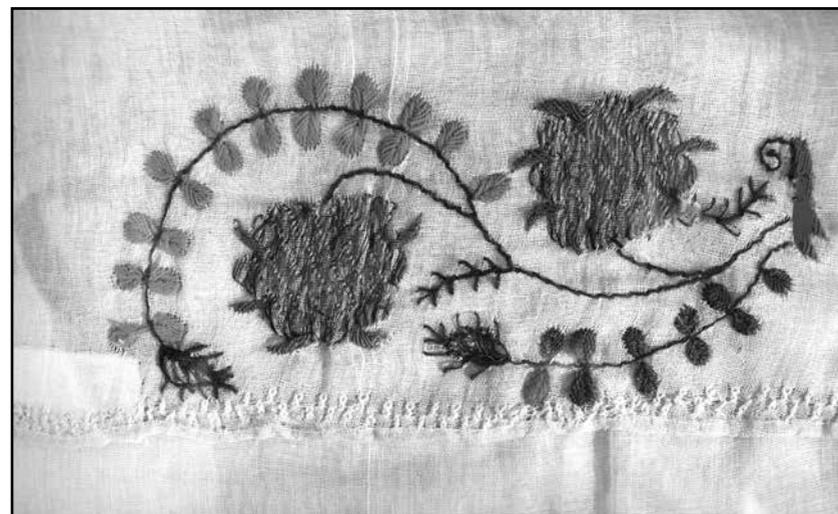

Рис. 2. Головное покрывало шербенти. Крым, вторая половина XIX в. КП-472, ДП-207. Из коллекции КЭМ

О. Б. Гайворонская

РОЛЬ КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КРЫМУ

O. B. Gaivoronskaya

THE ROLE OF THE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM IN THE HARMONIZATION OF INTERETHNIC RELATIONS IN CRIMEA

Аннотация. В статье сделан краткий обзор научно-исследовательской, выставочной и просветительской работы Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Крымский этнографический музей» по гармонизации межнациональных отношений в Крыму.

Ключевые слова: музей, традиционная культура, выставки, методические семинары, сотрудничество, межнациональные отношения.

Annotation. The article provides a brief overview of the research, exhibition and educational work of the State Budgetary Institution of the Republic of Crimea «Crimean Ethnographic Museum» on the harmonization of interethnic relations in Crimea.

Keywords: museum, traditional culture, exhibitions, methodological seminars, cooperation, interethnic relations.

Одной из главных задач ГБУРК «Крымский этнографический музей» является воспитание подрастающего поколения в духе уважения к своей культуре и культуре соседних народов. В 80–90-е гг. XX в. в Крыму происходит процесс возвращения депортированных народов. Именно в это время возрастает интерес к этнической истории крымских народов, их традициям, праздникам и материальной культуре. Начинается возрождение культур народов Крыма, поддержанное правительственными программами и исследовани-

ями научно-просветительских организаций. В этот период активизируются национально-политические движения и создаются национально-культурные общества Крыма.

В 1992 г. в Симферополе был основан Крымский этнографический музей на правах филиала Крымского республиканского краеведческого музея. С 1 сентября 2009 г. музей получает статус юридического лица и становится самостоятельным [1]. С момента основания музея его научные сотрудники ведут активную научно-исследовательскую, собирательскую, выставочную и просветительскую работу. Крымский этнографический музей становится единственным музеем в Крыму, где представлена материальная и духовная культура разных народов и проходят их мероприятия.

Начиная с 2002 г., каждые 5 лет в стенах музея проходит научная конференция «Этнография Крыма XIX–XXI вв. и современные этнокультурные процессы», посвященная различным проблемам этнической истории Крыма, а также вопросам сотрудничества с национально-культурными обществами.

За время существования музея научными сотрудниками подготовлены более 200 стационарных и передвижных выставок, которые экспонировались в Крыму и за его пределами на праздниках, фестивалях национально-культурных объединений, семинарах, конференциях и других культурных мероприятиях. С 1999 г. в музее работает стационарная выставка «Мозаика культур Крыма», которая рассказывает о материальной и духовной культуре 25 народов Крыма [2]. Некоторые выставки, посвященные народам Крыма, были объединены в циклы: «Крымские мотивы» (армяне и крымские татары; болгары и греки) – г. Алушта, «Славянский узор» (русские, украинцы, белорусы; болгары, чехи, поляки) – г. Саки, «Азбука народных традиций» – г. Ялта и др. На разнообразных выставках музея представлена культура многих народов, проживающих в Крыму [3]. Наиболее интересные выставки прошедших лет: 2009 г. – «Вдохновение», памяти Веры Романовской; «Озарение», к 100-летию Зулейхи Бекировой; 2010 г. – «По велению души» (Амет Калафатов и его династия); «Крымский стиль» (Юлия Тулупова, Эльвира Османова, Эльдар Гусейнов и др.), «Семейные обряды восточных славян»; 2011 г. – «В вышивке народной мудрости и таланта», к 100-летию В. С. Роику, Героя Украины, мастера народного творчества; 2015 г. – фотовыставка «Архитектурные памятники армян Крыма» (фотограф Игорь Липунов), к

100-летию геноцида армян; 2019 г. – «Красота, рожденная в огне»; 2020 г. – «Русь православная», где были представлены вышитые православные иконы, выполненные участниками народной студии «Ажур» (г. Белогорск).

В 2020 г. ко Дню народного единства (4 ноября) научными сотрудниками музея была подготовлена фотовыставка «Крым – единство народов», посвященная истории проведения национально-культурных мероприятий в Крымском этнографическом музее. Каждый народ, проживающий в Крыму, имеет свои исторические традиции, свою самобытность, поэтому мероприятия музея, посвященные культуре крымских народов, нашли отражение в фотографиях. Эта выставка привлекла внимание крымчан и гостей полуострова.

16 ноября 2020 г. в Крымском этнографическом музее открылась выставка «Толерантность: искусство жить вместе», посвященная Международному дню толерантности. На выставке были представлены фотографии архитектурных памятников и культовых сооружений народов Крыма, выполненные фотохудожниками Игорем Сальниковым и Викторией Темной. Выставку посетили учащиеся средних и высших учебных заведений Симферополя.

Ежегодно в День этнографа (17 июля) для гостей и жителей Симферополя в Крымском этнографическом музее проходит фотовыставка «Народы Крыма», где представлены семейные фотографии конца XIX — 50-х гг. XX в. жителей Крымского полуострова: армян, болгар, греков, крымских татар, караимов, крымчаков, русских, украинцев, белорусов, евреев, немцев, чехов, эстонцев и др. В рамках торжественных мероприятий к празднованию Дня России 8 июня 2022 г. на центральном фасаде здания музея демонстрировалась выставка «Палитра красок народов Крыма», вызвавшая живой интерес у симферопольцев.

На многих выставках проводятся мероприятия для детей и молодежи, способствующие развитию интереса к родной культуре и уважения к культуре других народов. Особо следует отметить выставку «Хоро красок в убранстве болгар», которая проходила в стенах музея с 15 по 27 мая 2001 г. Каждый день выставки сопровождался культурной программой для посетителей музея, подготовленной научными сотрудниками и членами Крымского республиканского общества болгар им. Паисия Хилендарского. Это встречи с мастерами декоративно-прикладного искусства, театрализован-

ные представления по мотивам болгарского фольклора, знакомство с блюдами болгарской кухни [4].

Традиционными для музея стали праздники: русская «Масленица» – праздник проводов зимы, болгарские «Баба Марта» – праздник встречи весны, и «Бабин день» – праздник повитух, крымскотатарские «Наврез» – праздник встречи весны, и «Дервиза» – праздник урожая, молдавский весенний праздник «Мэрцишор». Они знакомят детей и взрослых с культурой этих народов и их традициями. Многие годы на базе «Информационно-методического центра межкультурного просвещения и толерантности» (основан в феврале 2005 г.) проводились встречи с представителями национально-культурных обществ, специалистами в области этнографии, уроки-лекции, научно-практические семинары, круглые столы, дискуссионные клубы, демонстрировались документальные фильмы о народах Крыма, а также организовывались методические семинары по преподаванию в школах Крыма спецкурса «Культура добрососедства» [5].

Крымский этнографический музей является консультационным центром для студентов ВУЗов и их преподавателей, исследователей истории и этнографии Крыма, мастеров декоративно-прикладного искусства. В стенах музея, школах и ВУЗах Симферополя научные сотрудники читают лекции и проводят мультимедийные презентации по культуре народов Крыма, а также мастер-классы по традиционным ремеслам.

30 ноября 2020 г. в Крымском этнографическом музее прошел методический семинар «Нематериальное культурное наследие народов Крыма» для студентов учебных заведений г. Симферополя. Участники семинара ознакомились с музейными коллекциями, представленными на постоянных экспозициях музея «Мозаика культур Крыма», «Русский самовар. Традиции чаепития», «Музей украинской вышивки им. В. С. Роик». Участники семинара прослушали лекции, касающиеся сохранения культурного наследия народов Крыма.

В рамках выполнения Государственного задания 19 апреля 2022 г. в Крымском этнографическом музее прошел методический семинар «Традиционный народный костюм как объект материального и духовного культурного наследия» для мастеров и любителей декоративно-прикладного искусства. В программе семинара были рассмотрены вопросы по сохранению традиционного народного

костюма, его символике и применению в современной жизни народов Крыма.

Вся деятельность научных сотрудников музея направлена на гармонизацию межнациональных отношений в Крыму, укреплению дружбы и сотрудничества между крымскими народами. Это издание литературы о народах Крыма, выставки, различные массовые мероприятия, участие в международных конференциях и круглых столах.

Литература

1. Крымский этнографический музей. Путеводитель // Сост. Лаптев Ю. Н., Науменко Л. А. – Симферополь: Антиква, 2018. – 40 с.
2. Баранова Е. М. Из истории развития КРУ «Этнографический музей»: реэкспозиция стационарной выставки «Мозаика культур Крыма» (2004–2006 гг.) // Этнография Крыма XIX–XXI вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. – Вып.3 / Отв. ред. М. А. Араджиони, Л. А. Науменко. – Симферополь: СГГ, 2012. – С. 19–25.
3. Развитие культурно-этнографического туризма в Крыму / сост. М. А. Араджиони, Ю. Н. Лаптев. – Симферополь, 2011. – 176 с.
4. Болгары Крыма в коллекции Крымского этнографического музея / Сост. О. Б. Гайворонская. – Симферополь: АнтикВА, 2008. – 112 с.
5. Гайворонская О. Б., Спирина И. В. Формы работы КРУ «Этнографический музей» по возрождению культуры болгар Крыма // Этнография Крыма XIX–XXI вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. – Вып.3 / Отв. ред. М. А. Араджиони, Л. А. Науменко. – Симферополь: СГГ, 2012. – С. 26–30.

В. В. Демидович, А. В. Науменко

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

V. V. Demidovich, A. V. Naumenko

CULTURAL AND EDUCATIONAL PROGRAMS OF THE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM

Аннотация. В статье рассматривается значение культурно-образовательных программ в музейной сфере, как одно из современных направлений общения с посетителем, которое способно расширить возможности музея для привлечения своей аудитории. Дано краткое описание культурно-образовательной деятельности Крымского этнографического музея на примере действующей программы «Музейный сундучок».

Ключевые слова: культурно-образовательная программа, музейная педагогика, мастер-класс.

Abstract: The article considered significance of cultural and educational programs in museum sphere, as one of modern communication direction with visitors, a way to expand the entertainment possibilities of museum. A brief description of cultural and educational activities of the Crimean Ethnographic Museum on example of the current program «Museum Chest» is given.

Keywords: cultural and educational program, museum pedagogy, master class.

Одна из основных целей деятельности Крымского этнографического музея заключается в сохранении материального и нематериального культурного наследия и распространении идей толерантности в обществе, межкультурного просвещения, взаимоуважения и сотрудничества различных этнических и конфессиональных групп Крыма. Традиционно проблема культурного наследия рассматривается главным образом в аспекте сохранения памятников прошлого, преимущественно посредством их музеефикации. На сегодняшний день, музеи выступают не только в традиционной роли хранителей

и трансляторов культурного наследия, но и становятся неотъемлемой частью современных социальных и экономических процессов [2].

Музей представляет собой структуру, которая достойно дополняет работу учебно-воспитательных учреждений, так как здесь можно не только углубить, но и закрепить имеющиеся знания, чему способствуют два важных фактора:

1) в центре музейного педагогического процесса всегда находится подлинник истории и культуры;

2) здесь проявляется феномен единства информационно-логического и эмоционально-образного воздействия на разум и чувства посетителей. В музее информация приобретает наглядность, образность, активизирует визуальное мышление, становится эффективным средством преемственности культуры и передачи социального опыта [3, с. 4].

Каждое культурное учреждение стремится соответствовать современным тенденциям и запросам своих посетителей, опираясь на определенные социокультурные особенности региона. На первый план выходят культуротворческие функции музеев, их способность не только сохранять, но и вырабатывать и актуализировать культурное наследие региона, то есть включать в современную культуру доступную для широкого круга посетителей информацию о наиболее значимых его культурных объектах и их интерпретации [1, с. 151].

ГБУРК «Крымский этнографический музей» является одним из ведущих культурно-просветительских и научных учреждений Крыма, поэтому одной из основных задач в деятельности музея является поиск разнообразных путей коммуникации с различными группами и слоями населения полуострова. Несомненно, работа с аудиторией дошкольного и школьного возрастов является достаточно важной в работе музея. На данный момент традиционной формой общения с посетителем музея выступает экскурсия, но как уже было сказано, ввиду необходимости следовать современным тенденциям музей начинает разрабатывать и новые формы работы и общения с посетителями. Одной из таких форм становится создание культурно-образовательной программы, которая предусматривает формирование у подрастающего поколения интереса к музейному пространству посредством вовлечения детской и подростковой аудитории в разнообразные творческие мероприятия.

На базе Крымского этнографического музея с 2010 г. реализуются разнообразные мастер-классы для детей. Первые годы это были культурно-образовательные мероприятия на различную тематику. Позднее они оформились в полноценную программу под названием «Музейный сундучок». Также в 2017 г. в музее был открыт Детский этнографический центр, интерьер которого способствует тому, чтобы погрузиться в игровую обстановку в ходе образовательных мероприятий.

Целью программы «Музейный сундучок» является ознакомление аудитории музея с традициями, бытом и культурой народов Крыма, воспитание патриотизма через популяризацию традиций, обычаев, устоев, воспитание уважительного отношения к традиционным ценностям всех крымских народов.

С момента открытия Детского этнографического центра в музее различные культурно-образовательные мероприятия посетили около 8 тысяч человек. Участниками мероприятий стали не только учащиеся школ и воспитанники детских садов, но и студенты, семинаристы, преподаватели, участники различных творческих объединений. Были разработаны и воплощены новые формы работы. Например, мероприятия-квесты: «Тайны приюта графини Адлерберг», «В поисках пропавшей Масленицы». В основе познавательного квеста «Тайны приюта графини Адлерберг» лежит экскурсия, посвященная истории здания музея, посетив которую её участники отправляются на поиски букв ключевого слова квеста. Участники разгадывают по пути загадки, связанные с различными экспозициями и историей здания музея. В финале квеста каждая команда должна собрать ключевое слово игры.

Большой интерес вызвал у посетителей масленичный квест, проводимый наряду с театрализованными представлениями в форме увлекательной игры с загадками, ребусами, веселыми заданиями на базе музейных экспозиций.

Воплотилась одна из идей по проведению мероприятия «Декоративно-прикладное искусство крымских немцев», в ходе которого дети знакомятся с основными видами немецкого народного творчества: художественной росписью, вышивкой, вязанием и изготовлением шпрухов (нем. «изречение») – картин с художественно оформленными надписями на религиозную или философскую тематику. Занятие завершается мастер-классом по изготовлению шпруха-открытки с изречением на немецком

языке. Данное мероприятие наибольший интерес вызывает у школьников специализированных классов с упором на изучение иностранных языков. Продолжилась работа и по основным направлениям программы уже полюбожившимся юным посетителям музея, таким как «Крым – наш общий дом», «Традиции чаепития», «Народная игрушка», «Праздники народов Крыма», «Гуляй, Масленица!» (Рис. 1).

Крымский этнографический музей активно сотрудничает с руководителями детских площадок, предлагая программу летних мероприятий для учащихся начальной школы. Наибольшей популярностью среди посетителей такого летнего школьного лагеря неизменно пользуются мастер-классы по изготовлению народных игрушек, игровые мастер-классы, чаепитие у самовара.

Общая статистика по количеству посетителей культурно-образовательных мероприятий помогает оценить, насколько успешной является данная программа музея и как на численность посетителей повлияло открытие Детского этнографического центра. Например, в 2015 г. культурно-образовательные мероприятия посетило 1122 человека, в 2016 г. – 988 человек, а после оформления программы «Музейный сундучок» и открытия Детского центра численность участников мастер-классов возросла уже до 2342 человек, в 2018 и 2019 гг., соответственно, 2581 и 2408 человек. В 2020 г. мероприятия посетило 1087 человек, в 2021 г. – 1698 человек (Рис. 3).

Из этого мы можем сделать вывод о том, что оформление программы и открытие центра положительно отразилось на посещаемости музея. Снижение количества посетителей начиная с 2020 г. связано с пандемией коронавирусной инфекции, которая оказала существенное влияние на деятельность музея в данном направлении.

Если говорить о статистике посещения в период проведения летних площадок, то количество участников культурно-образовательных мероприятий также существенно возросло с открытием Детского этнографического центра. Для сравнения приводим статистику: в 2015 г. мероприятия посетили 24 группы (487 человек), в 2016 г. – 17 групп (432 человека), в 2017 г. – 23 группы (414 человек). После открытия центра в декабре 2017 г. количество посетителей летней площадки в последующие годы и вплоть до настоящего времени держится на значительно более высоком уровне (Рис. 4).

Оформление программы «Музейный сундучок» и открытие Дет-

ского этнографического центра удачно отразилось на посещаемости музея. Более систематическое посещение музея учащимися и воспитанниками образовательных учреждений, на наш взгляд, способствует качественному воплощению идей программы, позволяет проводить сложные мастер-классы с поэтапной их реализацией. Для этого необходимо сочетание различных факторов: системная работа с преподавателями и популяризация музея среди населения.

Литература

1. Ган О. Н. Проектная деятельность музея как способ актуализации историко-культурного наследия // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 3 (20). – С. 151–154.
2. Шабанова А. А. Культурно-образовательная деятельность музеев: понятие и формы (на примере Белгородского государственного художественного музея). // Научный электронный архив. Режим доступа: URL: <http://econf.rae.ru/article/5891>.
3. Нагорский Н. В. Музейная педагогика и музейно-педагогическое пространство // Сборник материалов к областному семинару «Музейная педагогика в современном дополнительном образовании». – 2013. – С. 4–5.

Рис. 1. Мероприятие «Гуляй, Масленица», организованное совместно со студентами Крымского университета культуры, искусств и туризма. Архив КЭМ

Рис. 2. Изготовление обрядовой куклы «Конь-огонь» в рамках культурно-образовательного мероприятия «Народная игрушка». Архив КЭМ

Рис. 3. Динамика посетителей культурно-образовательных мероприятий музея

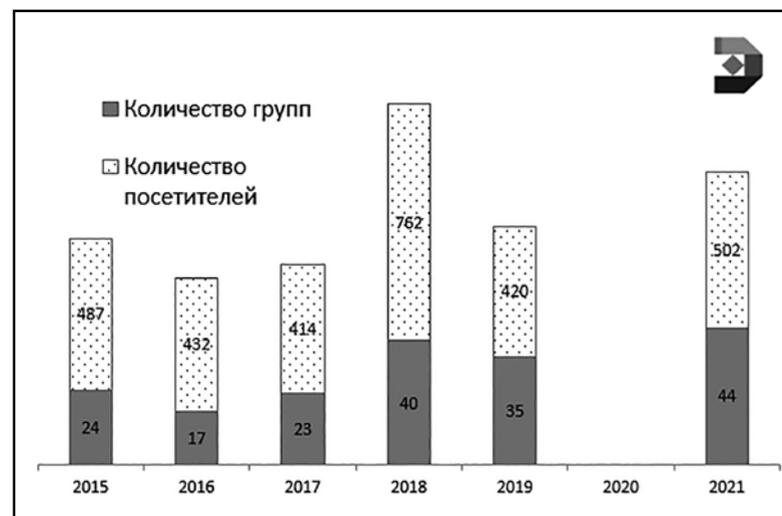

Рис. 4. Статистика посещения культурно-образовательных мероприятий в период проведения летних площадок

В. А. Дмитриев

**ОБРАЗЫ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ
В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПОЗИЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТУРЫ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА)**

V. A. Dmitriev

**IMAGES OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE
IN THE ETHNOGRAPHIC EXPOSITION
(BY THE EXAMPLE OF THE CULTURE
OF THE NORTH-WEST CAUCASUS)**

Аннотация. В статье предполагается представление музейной экспозиции как синтеза стихийного (оценка экспозиции посетителем) и организованного (предложенная музеем экспозиция и её концепция) знания. В принятии посетителем этнографического организованного знания имеют значение как использование музейных предметов в виде фактов действительности и науки, так и подготовка реконструкций, проходящих проверку методами науки и комплиментарных этническому сознанию. Характер образов научного знания дается на примере региональной культуры народов Северо-Западного Кавказа.

Ключевые слова: музейная экспозиция, этнографический музей, образы научного знания, Северо-Западный Кавказ.

Abstract. The article assumes the presentation of the museum exposition as a synthesis of spontaneous (exposition assessment by the visitor) and organized (exposition proposed by the museum and its concept) knowledge. In the visitor's acceptance of ethnographic organized knowledge, both the use of museum objects in the form of facts of reality and science, and the preparation of reconstructions that are tested by scientific methods and complementary to ethnic consciousness are important. The nature of the images of scientific knowledge is given on the example of the regional culture of the peoples of the North-Western Caucasus.

Keywords: museum exposition, ethnographic museum, images of scientific knowledge, Northwestern Caucasus.

В проектировании музейной экспозиции, имеющей содержательно-дидактический характер, особую проблему представляет оформление тех образов, которые предлагаются для усвоения сознанием посетителя информации, исходящей из научной концепции выставки. Эти образы отличны от так называемых художественных образов, создаваемых дизайнером экспозиции для её более благоприятного, эмоционального и комфортного восприятия посетителями, и стереотипов бытового сознания, опираясь на которые посетители воспринимают не только музейные материалы, но и весь мир, как реальный, так и воображаемый. Речь идет о распространении научного знания, его привнесении в обыденное сознание без вызывания в последнем отторжения.

Некую остроту решению данной проблемы придают аспекты современности, такие как свойственные эпохе постмодернизма неполное доверие к научным знаниям и видение музея как места оказания услуг и организации досуга.

В теоретическом аспекте научные образы являются порождениями синтеза научных понятий (и их производных) и стихийных впечатлений; в производимом отборе научных понятий есть две составляющие, стихийная и нестихийная [3, с. 18]. Музейная экспозиция, безусловно, является полем создания стихийных впечатлений для массового посетителя и такого же отбора им установок науки. Нестихийная организованная составляющая образа создается экспозиционерами как некоторое аккуратное предложение, спрос на которое еще не сформирован. Экспозиция – это частный и яркий пример гуманитарного образа мира, являющегося, по сути, текстом, который надо читать и понимать [9, с. 29]; научный образ – результат прочтения этого текста. Согласно гипотезы двойного кодирования А. Паивиио («предложения могут запоминаться как в вербальной, так и в образной форме»), образ и понятие представляют собой два равноценных способа отражения мира, но отличаются приемами внедрения в сознание людей. В этом плане музейная экспозиция представляет то место, где совмещаются понятия и образы, и понятия действуют через образы.

Общей предпосылкой для постановки и решения этой проблемы является доказательство того, что информация, получаемая в музее, является научным знанием, предоставляемым в специфической форме текстов, построенных на вещевой и вербальной основах [5, с. 23–33; 8, с. 233–242]. Информационность музейной экспозиции

зиции, построенной на вещевых данных, пока еще подкрепляется критериями подлинности экспонатов, достоверности комплексов и содержания текстов, но существует перспектива все более возможного сомнения публики в действенности этих критериев. Проблема доверия экспонату, музейной интерпретации и истинности музейного высказывания еще не является актуальной в общем плане, но уже затрагивает этнографические музеи, так как этническое сознание, выступая формой обыденного сознания, имеет свои критерии истинности, отличающиеся от принципов научного подхода. Особенно этот диссонанс будет проявляться в так называемых «живых» музеях, то есть тех, в которых постоянно происходит контакт носителей культурной традиции с музейными предметами, отнесенными к этой традиции музейными работниками или исследователями другого профиля. В несколько ином плане проблема истинности музейного высказывания – это еще и проблема качества деятельности внешних экспертов, в том числе этнофоров (для этнографических музеев), или согласования внутренних и внешних оценок музейного материала.

В источниковедении исторической науки существует различие между категориями правды (соответствие фактов тенденциям общественного развития) и истины (соответствие источника содержащейся в нем информации). Музейное сообщение размещается между ними, так как музейное высказывание, сформированное из материальных объектов, является фактом в силу их подлинности, но образованное этими фактами сообщение также является результатом деятельности музейных работников, то есть тенденциозным. Истинность музейного высказывания подтверждается фактологией музейного предмета, а его правдивость – результатами научного исследования в отношении единичного факта (музейного артефакта) к пласту (подсистеме) культуры, данным предметом поддерживаемым. Этих пластов всегда два: исторический, то есть система происхождения предмета и его имманентного использования до этапа музеефикации, и музеологический, представляющий систему осовременивания предмета после обретения им музейной ценности и экспозиционного использования.

Таким образом, обоснованная реконструкция культуры по имеющимся музейным предметам является не только результатом научного подхода, но и доказательством правдивости музейного сообщения. Затруднение состоит в том, что музейные предметы не

являются достаточными для реконструкции. Для нее требуется привлечение других источников и результатов многих исследований. Но, с другой стороны, для демонстрации состоявшейся реконструкции оптимальным полем является именно музейная экспозиция в силу подлинности музейного предмета и смоделированного в экспозиции научного образа реальности, о которой напоминает музейная экспозиция.

Сейчас много размышляют о кризисе этнографических музеев, подразумевая, очевидно, что в этом присутствует пример кризиса музейного жанра сохранения и презентации культурного наследия. В таком аспекте наряду с прочими существует проблема актуализации этнографического знания, представляемого музейными предметами, когда не только сохраняется его объективность, но и придается знанию принимаемая посетителями ценность. Учитывая, что ценность является категорией субъективной, можно, не отказываясь от этого её свойства, предложить для освещения этнографического материала синтез цивилизационного подхода и взглядов, присущих этническому сознанию, представляя этническую культуру как комплекс достижений. В этом нельзя избежать регионального видения, так как концепт достижения немыслим без обращения к экологическим связям культуры.

Вместе с тем мы должны сделать сообщение, имеющее общенаучный характер, но относящееся к музейному контексту и касающееся категории «факт». Это связано с тем, что факты считаются основанием науки и оправданием её выводов. Правда, так обстоит с естественно-научным знанием. Гуманитарное же знание опирается на сообщения, суждения и проверяется только критерием истины. Этнографическая наука более принадлежит к гуманитарному знанию, но имеет и признаки естественно-научного знания. Наличие такого синтеза показывает история связей этнографии с высшей школой, когда на протяжении последних трех столетий в российских университетах этнографию относили то к естественным, то к гуманитарным наукам. Подчеркнуть присутствие факта в музейной экспозиции является не только признаком научности экспозиции, но и акцией обращения к посетителю, поскольку на сегодня в массовом сознании гуманитарное знание является дискредитированным в силу политизированности ряда его дисциплин.

Отметим, что отказ от создания выводных фактов (факты науки) или от их (фактов действительности) обобщения и объедине-

ния в сообщениях было бы вообще отказом от научного подхода, что естественным образом блокируется тем, что в музее есть хотя бы какая-то концепция комплектования. От клейма политизированности этнографическим музеем не удастся избавиться, можно только превратить его в предмет определенной игры с акцентами на экспозиции или чем-то маскировать.

Факт действительности в этнографической экспозиции представлен любым единичным экспонатом в силу его вещности и возможности показать точку в пространственно-временном и историческом континууме, где вещь имела свое происхождение и ценность культурной реальности. Фактами не являются (точнее являются фактами другого поля существования) подделки и реконструкции вещей. Правильные реконструкции имеют ценность научного знания.

Все остальное имеет характер фактосуждений, то есть выявленных смыслов этих фактов, которые в экспозиции предлагается разделить посетителям, или тех образов, которые создаются авторами экспозиции (или же берутся из каких-то областей знания и в нужной степени трансформируются). Соответственно, все группы, комплексы и ассоциации вещей и их образов являются спорными и, очевидно, могут потребовать неоднократного повторного доказательства.

Смычка, достаточно полная, научного и массового сознания происходит на уровне обозрения факта (могут совпадать образы комплексов, но на это не следует полагаться, как и на развитие полученных образов у посетителя), но посетитель находится в пространстве фактосуждений. В этом пространстве рождается образ науки, безусловно, положительного свойства, связанный с тем, что музеем признается ценность этнографического факта и осуществляется его сбережение и актуализация.

Научные образы более высокого порядка целиком создаются из состоявшегося научного знания. От них требуется немного: быть отделенными от представлений массового сознания (аристократизм гуманитарной науки) и комплиментарными для массового сознания (общественная ценность гуманитарного научного знания). Относясь к ценностям этнографического знания, вряд ли можно говорить об их прогрессивности или перспективности, но постоянно приходится помнить об их актуальности. О последнем критерии можно сказать в данном случае только одно: комплиментарность

этнографического знания массовому сознанию должна превышать этнографическую парадигму.

Далее обращаемся к сфере этнокультуры народов Северо-Западного Кавказа, что оправдано его географической и культурной близостью к Крымской культурно-этнографической провинции.

Основное население Северо-Западного Кавказа в традиционном измерении составляли адыго-абхазские и тюркоязычные народы. Описание культуры народов региона создается в отходе от этнографической парадигмы в пользу регионального подхода. Геотерия региона определяется Причерноморьем Большого Кавказа и территорией Прикубанья. Комплиментарность этническому массовому сознанию создается представлениями о культурном донорстве адыгского и тюркского массивов в регионе Северо-Западного Кавказа.

С обращением к проблематике «Этнографии достижений традиционной культуры народов Северо-Западного Кавказа» региональный подход позволяет выделить следующие образы региона:

Вхождение Северо-Западного Кавказа в более крупные региональные общности Северного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья;

Сложные системы лесо-хлебного земледелия с садоводческо-виноградским компонентом и равнинно-предгорным скотоводством;

Освоение металлообрабатывающего промысла с его разнообразным наследием: металлургия и кузнечество железа, оружейное дело, ювелирные технологии с их продолжением в искусстве золотшвейного промысла;

Специализированное коневодство;

Комплекс одежды на основе черкески в мужском костюме с вторым кроем черкески в женском костюме, котурны в женской одежде;

Кодекс поведения социальной элиты с потенциалом перехода в общенациональный этикет.

Названные образы входят в этническую традицию и при этом шире нее, соответствуя критериям научного исследования.

Литература

1. Дмитриев В. А. Кавказ как историко-культурный феномен. Вклад горцев Северного Кавказа в мировую культуру // Россия и Кавказ. История, религия, культура. СПб.: ЗАО «Журнал «Звезда», «Довлатовский фонд». 2003. – С. 85–106.
2. Дмитриев В. А. Коллекции по культуре народов Кавказа и Крыма // Российский этнографический музей 1902–2002. Альбом. СПб, 2001. – С. 143–159.
3. Зеленов Е. И. Постигание образа мира. – СПб.: КАРО, 2012. – 336 с.
4. Никифоров А. Л., Соколова Т. Д. Правда и истина как ключевые понятия философии истории: к эпистемологической оценке исторических сочинений // Вопросы философии. – 2018. – № 12. – С. 81–85
5. Никишин Н. А. Музейные средства: знаки и символы // Музейная экспозиция. На пути к музею XXI века. – М.: Российский институт культурологии, 1997. – С. 23–33.
6. Пименов В. В. Этнографический факт // Этнографическое обозрение. – 1990. – №3. – С. 42–51.
7. Поляков Т. П., Зотова Т. А., Пустовойт Ю. В., Нельзина О. Ю., Корнеева А. А. Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». – М.: Институт Наследия, 2021. – 438 с.
8. Пшеничная С. В. «Музейный язык» и феномен музея // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Выпуск № 12. СПб.: СПб философское общество, 2001. – С.233–242.
9. Розов М. А. О соотношении естественнонаучного и гуманитарного познания (Проблема методологического изоморфизма). // Наука глазами гуманитария (Сост. В. А. Лекторский). – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 23–58
10. Сапиева С. К. Адыгство как вариант кавказкости и особенности его экспликации в художественном дискурсе. // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2017. – Вып. 3 (202). – С.67–73.

В. А. Ельяшевич

ИСТОРИЧЕСКИЕ КАРАИМСКИЕ ОБЩИНЫ НА КРЫМСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ И ВРЕМЯ ИХ ПОЯВЛЕНИЯ

V. A. Eliashevich

HISTORICAL KARAITE COMMUNITIES ON THE CRIMEAN PENINSULA AND THE TIME OF THEIR APPEARANCE

Аннотация. В данной статье рассмотрен вопрос о времени появления исторических караимских общин Крыма – самых ранних общин на Крымском полуострове, существовавших до его присоединения к Российской империи. Подробно рассмотрены наиболее ранние упоминания исторических караимских общин в письменных и эпиграфических источниках, а также возможные причины их возникновения, исходя из исторического контекста. Используются новые, ранее не публиковавшиеся материалы.

Ключевые слова: караимы, Крымский полуостров, община, первые упоминания, возникновение.

Annotation. In this article, we have considered the question of the time of the appearance of the historical Karaite communities of Crimea – the earliest communities on the Crimean peninsula that existed before its annexation to the Russian Empire. We have considered in detail the earliest mentions of historical Karaite communities in written and epigraphic sources, as well as possible reasons for their occurrence, based on the historical context. New, previously unpublished materials were used.

Keywords: Karaites, Crimean peninsula, community, first mentions, occurrence.

Крымский полуостров сыграл особую роль в истории караимского учения, зародившегося среди еврейской диаспоры Ближнего Востока в VIII в. н.э. По мере распространения учения караимов по ближневосточному региону были основаны крупные центры в Иерусалиме, Каире и Константинополе (Стамбуле). Еще позже миграционные процессы привели караимов на Крымский полуостров,

что, согласно письменным источникам, произошло не позднее последней четверти XIII в. Историческими местами их проживания до присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г. являлись города Солхат (Крым, Старый Крым), Каффа (Кефе, Феодосия), Чуфут-Кале, Мангуп-Кале и Гезлёв (Евпатория). Караимское население этих городов в совокупности представляло собой караимскую общину Крыма вплоть до конца XVIII в. В статье мы называем их историческими караимскими общинами на Крымском полуострове. Отдельно следует сказать про общину Таш-Джаргана, которая упоминается только в одном позднем источнике XIX в., как уже не существующая [12, с. 290]. Ввиду полного отсутствия сведений об этой общине только отметим, что она, вероятно, могла существовать и в прошлом.

В караимской историографии одним из самых обсуждаемых и актуальных вопросов является вопрос о времени появления караимских общин на полуострове. К сожалению, этот вопрос тесно связан с историческими фальсификациями и спекуляциями, возникшими в XIX в., которые мы не будем здесь рассматривать. В частности, мы не будем использовать данные Авраама Самуиловича Фирковича (1787–1872), датированные ранее XIII в., отсылая читателя к критическому труду на немецком языке Авраама Яковлевича Гаркави; в русскоязычной литературе этому также посвящены работы Дана Шапиры [24; 25; 26]. В нашу задачу входит краткий обзор всех исторических караимских общин Крыма и рассмотрение вопроса о времени их появления на основе достоверных источников. Эта тема уже изучалась историками, занимавшимися вопросами караимской истории, среди которых можно упомянуть М. Б. Кизилова и Д. А. Прохорова [13, с. 128–129; 14, с. 114–143; 17]. Однако, в свете находок последних лет она нуждается в дополнении.

После присоединения Крыма к Российской империи география караимских поселений на полуострове начинает меняться. В переписке караимской общины Крыма с Константинополем по вопросам календарной реформы 1791–1793 гг. уже отсутствует община Крыма (Солхата) [28, р. 394, 408, 455]. В то же время в Крыму было еще четыре караимские общины, проживавшие в Чуфут-Кале, Кефе, на Мангупе и в Гезлеве. По имеющимся сведениям, их численность составляла примерно 500 семей [4, с. 65]. Вскоре прекращает свое существование караимская община Мангупа, и в XIX веке караимы Крыма входят только с тремя общинами в Чуфут-Кале, Кефе и

Гезлеве. В статье рассмотрим в отдельности все пять исторических караимских общин Крыма в контексте их первого упоминания в источниках.

Старый Крым (Крым, Солхат). Самое раннее достоверное упоминание караимов здесь находим в книге караимского законоучителя Аарона бен Иосифа га-Рофе «Сефер га-Мивхар» («Книга избранного»), написанной в 1294 г. в Константинополе. Автор книги, которая представляет собой комментарии к ТаНаХу¹, и не имеет ничего общего с историей, между прочим, упоминает о том, как в 1279 г. в «месте, называемом Солхат» произошло расхождение в праздновании новолуния между евреями-талмудистами и караимами [19, л. 14]. Этот фрагмент, на который ссылаются многие авторы, насколько нам известно, еще не был переведен на русский язык, и потому приводим его полностью:

«И был со мной [такой случай]: четырнадцать лет назад до того [как я писал] это толкование, в [50]39 году², у раввинистов [было] новолуние месяца тишри, [в то время как] мы видели старую луну незадолго до восхода солнца. И показали мы это раввинистам, находящимся там, в месте, называемом Солхат» [19, л. 14]³.

Итак, история караимов в Крыму берет свое начало в Солхате (Крым) – административном центре крымского улуса Золотой Орды. Солхат являлся одним из пунктов торговой системы, соединяющей Европу и Азию, крупным по средневековым масштабам торговым городом Северного Причерноморья, что, вероятно, и послужило основанием для появления в нем караимской общины. По мнению историков, основанном на первых упоминаниях города в восточных письменных источниках, Солхат (Крым) был основан в 50–60-х гг. XIII в. [1, с. 25]. Соответственно, караимская община появилась в городе и, вероятно, на Крымском полуострове в этот период времени.

В книге уже упоминаемого нами А. С. Фирковича «Сефер Авнэ-зиккарон» («Книга «Камни памяти», 1874 г.) мы находим сведения, благодаря которым становится известна еще более ранняя дата в истории караимов Солхата. Речь идет о рукописи, хранившейся во времена А. С. Фирковича в кенасе Феодосии, которая соглас-

¹ Ветхий Завет.

² 1279 г. Новолуние месяца тишри – первый день 1279 г. Новый год по еврейскому календарю.

³ Перевод В. А. Ельяшевича.

но находящейся в ней приписке, была подарена в 1274–1275 гг. Шаббетаем, сыном Исаака из Азака, общине караимов Солхата. Интересно, что рукопись упоминается в нескольких источниках: в 1905 г. с ней ознакомился французский археолог и путешественник барон Жозеф де Бай, а в 1906 г. она подробно была описана учителем караимской религиозной школы Марком Симовичем Леви [8, с. 142–148]. Таким образом, несмотря на то, что первый раз эта рукопись упоминается А. С. Фирковичем, сомнений в её подлинности у нас практически нет. Город Азак (Тана, Азов) известен в истории Северного Причерноморья в связи с генуэзской и венецианской торговой экспансией XIII в., втянувшей его в международную торговлю. К сожалению, других сведений о караимах Азака (Азова) не имеется, но тем ценнее данные, опубликованные А. С. Фирковичем.

Сохранилось предание, не подтвержденное другими письменными источниками, что в период расцвета Солхата местная караимская община была очень многочисленной. В ней насчитывалось четыре кенасы, одна из которых вмещала до трех тысяч молящихся, и 17 религиозных школ [5, с. 70]. К сожалению, сведения об этой караимской общине слишком обрывочны, чтобы получить о ней хоть какое-то представление. К концу XVIII в. община уже практически прекратила свое существование. По имеющимся сведениям, к 1780-м гг. в Солхате (Крыму) проживал только один газзан⁴, смотритель кенасы, то есть общины как таковой уже не было [4, с. 65]. По свидетельству А. С. Фирковича, побывавшего в Крыму (Солхате) в 1839 г., в этом городе уже не было ни одного караима, а кенаса была частично разрушена [21, ам. 18, 20].

Феодосия (Каффа, Кефе). Практически одновременно с Солхатом на восточном побережье Крыма была основана генуэзская торговая колония Каффа, со временем ставшая крупнейшим городом на Крымском полуострове. Здесь также была караимская община, первые сведения о которой находим в дорожном дневнике баварского солдата Йоханна Шильтбергера, изданном в русском переводе под названием «Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год». В стране, называемой автором дневника Кипчак, упоминается три города: Солхат, Каффа и Киркьер, в одном из этих городов, а именно в Каффе, «есть два

рода Евреев, которые имеют две синагоги» [18, с. 57]. Несомненно, что под двумя родами евреев подразумеваются талмудисты и караимы⁵.

Благодаря любознательности крымского краеведа Василия Христофоровича Кондараки, посетившего караимскую кенасу Феодосии в 1867 г., мы знаем предположительную дату строительства караимской кенасы, увиденную им на одной из балок здания – 1292 г. Конечно, В. Х. Кондараки, не знавшему древнееврейского языка, мы не можем полностью доверять в этом вопросе, однако, косвенно эта дата подтверждается свитком Торы из феодосийской кенасы, которая, согласно описи, составленной в 1906 г., была пожертвована в 1301 г. [6, с. 123–124]. Таким образом, 1292 год является самой ранней датой в истории караимов Феодосии. Историки, предположительно, датируют основание колонии Каффы 1270-ми гг., соответственно, караимская община могла появиться в этом городе в 1270–1290-х гг. [10, с. 59].

Чуфут-Кале (Кырк-Йер). Следующим городом с караимской общиной стал Кырк-Йер, с XVII в. получивший название Чуфут-Кале. К сожалению, точных сведений о времени и обстоятельствах появления здесь караимской общины у нас нет. В письменных источниках первые упоминания иудейской общины Кырк-Йера (ягуди) сохранились в ханских ярлыках XV в. [20, с. 8–11]. Более ранние сведения о караимской общине Кырк-Йера находятся в эпитафиях караимского кладбища, известного под названием Иосафатова долина. Наиболее ранний надгробный памятник на кладбище датируется 1364 г. [16, с. 25]. В книге А. С. Фирковича «Сефер Авнэ-Зиккарон» самые ранние надгробия датируются 1370-ми гг. [21, ам. 11–17].

Следует сказать, что в ранних письменных источниках, начиная с ярлыка Хаджи-Герая 1459 г. и заканчивая описанием Эвлия Челеби 1666 г., конфессиональная принадлежность упоминаемых в них ягуди не указывается. То же самое относится и к караимскому клад-

⁵ Неверность русского перевода наглядно показал М. Б. Кизилев в книге «Крымская Иудея». В его переводе с средневерхненемецкого языка эта цитата звучит следующим образом: «В городе есть два вида евреев, у которых есть также две общины [синагоги]; в предместье находятся также четыре тысячи домов» (Кизилев М. Б. Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен и до наших дней. Симферополь, 2011. С. 186).

⁴ Священнослужитель в караимской терминологии.

бишу близ Чуфут-Кале, где самые ранние эпитафии еще не имеют характерных конфессиональных признаков. То есть каждый из этих источников в отдельности не может служить свидетельством присутствия в Чуфут-Кале именно караимов. Только комплексное оз-накомление со всеми существующими данными разных периодов дает нам представление о том, что иудейская община Чуфут-Кале была именно караимской.

Первые источники, свидетельствующие о проживании иудеев в Чуфут-Кале, а именно надгробные памятники 1360-х гг., совпадают по времени появления с завоеванием крепости, известной тогда еще под названием Кырк-Йер, татарами, что, по мнению историков, произошло между 1342 и 1363 гг. [2, с. 40]. Исходя из этого, можем предположить, что иудеи были втянуты в татарскую экспансию, проделав путь из татарского Солхата (но не генуэзской Каффы). Караимская община в Чуфут-Кале просуществовала до середины XIX в. «В 1858 году Чуфут-Кале опустел окончательно. И те немногочисленные жители, которых удерживала здесь крайняя бедность, выселились из него, кроме одного или двух семейств, которые охраняли древнюю караимскую синагогу и уцелевшие два-три дома, в которых принимались посещавшие Чуфут-Кале», – пишет караимский общественный деятель И. И. Казас в статье «О мерах для поддержания Чуфут-Кале» [9, с. 72–73].

Мангуп-Кале (Феодоро, Мангуп). В вопросе появления караимов на Мангупе мы находимся примерно в таком же положении, как и в случае с Чуфут-Кале. К самым ранним письменным источникам, сообщающим нам об иудейском присутствии на Мангупе, относятся османские податные книги (или дефтеры) XVI в., частично опубликованные Аланом Фишером [27, р. 151, 161]. Как и в других источниках периода Крымского ханства и Османской империи в дефтерах не указана конфессиональная принадлежность иудеев. Однако, мы располагаем свидетельством Эвлия Челеби 1666 г. о том, что все иудеи на Мангупе были караимского толка [22, с. 79]. Вместе с другими данными это свидетельство дает нам понимание того, что местная иудейская община, также как и в случае с Чуфут-Кале, была моноконфессиональной, то есть караимской. Подробно вопрос конфессиональной принадлежности иудейской общины Мангупа рассмотрен нами в книге «Караимы – последние жители Мангупа» [7, с. 73–83].

От письменных источников обратимся к эпиграфическому материалу, представленному на караимском некрополе Мангупа. По данным Н. В. Кашовской, проводившей многолетнее систематическое исследование некрополя, самый ранний памятник на нем датируется 1444 г. [11, с. 254]. Эта дата совпадает с периодом расцвета небольшого княжества Феодоро в Юго-Западном Крыму с одноименной столицей на Мангуп-Кале, который пришелся на первую половину XV в. [3, с. 358, 360]. Отсутствие более ранних свидетельств присутствия иудеев (караимов) на Мангупе дает нам основание предполагать, что появление здесь караимской общины напрямую связано с возникновением княжества Феодоро. Вероятно, караимы могли переселиться на Мангуп из Крыма (Солхата) и Кырк-Йера, находящимися во владении союзных феодоритам татар. По мнению Дана Шапиры, основанном на анализе памятника с греческим именем Эфросиния, караимскую общину в Феодоро основали беженцы из Константинополя после его захвата османами в 1453 г., однако, памятник 1444 г. свидетельствует о более раннем поселении караимов на Мангупе [29, р. 87]. Так или иначе, учитывая связи правящей династии Феодоро с Византией и, в частности, с Константинополем, где к этому времени уже была караимская община, ученые, занимавшиеся вопросами истории караимской общины Мангупа, склонны считать, что караимы переселились в Феодоро именно из Константинополя [11, с. 270].

Караимская община Мангупа под давлением внешних обстоятельств прекратила существование в 1793 г., о чем известно из песни «Мангуп тюркюсы» («Песня о Мангупе»), сочиненной выходцем из Мангупа, караимом по имени Сима [7, с. 118–121; 23]. Подробно этот вопрос также рассмотрен в книге «Караимы – последние жители Мангупа» [7, с. 118–124].

Евпатория (Гезлев, Козлов). Как бы мало мы не знали о времени и обстоятельствах появления караимских общин в Чуфут-Кале и Мангуп-Кале, еще меньше сведений о Евпатории или же, как называли этот город во времена Крымского ханства, Гезлеве. Единственным ориентиром служит обнаруженный А. С. Фирковичем на караимском кладбище Евпатории памятник, датированный 1593 г. Он не сохранился до наших дней, и о нем мы знаем исключительно из книги «Сефер Авнэ-Зиккрон» [22, ам.224]. Несмотря на это, никто из исследователей не подвергает сомнению его подлинность, так как абсолютно во всех случаях фальсификация заключалась в придании памятнику глубокой древности.

Дата на этом надгробии примерно совпадает по времени с основанием города Гезлев. По сведениям Эвлия Челеби, крепость Гезлев была заложена еще Тохтамышем в конце XIV в., строилась в течение длительного периода времени и последним упоминаемым им по имени строителем был хан Сахиб-Герая (1532–1551) [22, с. 49]. По предположению В. А. Кутайсова, строительство закончилось уже после правления Сахиб-Герая во второй половине XVI в. [15, с. 42]. Вероятно, караимы переселились в этот новый портовый город из других татарских владений, таких как Кырк-Йер (Чуфут-Кале) и Крым (Солхат), а позже и из покинутого ими в 1793 г. Мангупа. Еще одна волна переселения караимов в Гезлев была связана с Чуфут-Кале и относится к первой половине XIX в., когда караимы стали массово покидать это городище.

Подводя итоги, следует отметить, что самые ранние свидетельства присутствия караимов в Крыму относятся к концу XIII в. и происходят из восточной части полуострова, а именно городов Старый Крым (Крым, Солхат) и Феодосия (Каффа, Кефе), которые стали для караимов «воротами» на территорию полуострова (Рис. 1). Все ранние даты в истории каждой общины относятся ко времени основания или расцвета того или иного города, а в случае с Кырк-Йером (Чуфут-Кале), переходом города под власть новой политической силы. Всего с XIII в. и до конца XVIII в. на территории Крыма известны пять караимских общин в городах Крым (Солхат), Кефе (Каффа), Кырк-Йер (Чуфут-Кале), Мангуп-Кале и Гезлев (Евпатория). В 1793 г. караимы покинули Мангуп и примерно в это же время, то есть в конце XVIII в., прекратила свое существование караимская община Крыма (Солхата). После 1793 г. в Крыму осталось только три общины караимов: в Кефе, Чуфут-Кале и Гезлеве.

Литература

1. Гаврилов А. В., Майко В. В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). – Симферополь: «Бизнес-Информ», 2014. – 212 с.
2. Герцен А. Г. Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-кале. – Симферополь: «Таврия», 1993. – 128 с.
3. Герцен А. Г. Мангуп от «альфы» до «омеги» // МАИЭТ. – 2017. – Вып. XXII. – С. 348–368.

4. Дейнард Э. Массо Крым, то есть история крымских народов. – Варшава: Типография И. Гольдмана, 1878. – 232 с.

5. Ельяшевич Б. С. Караимский биографический словарь (от конца VIII в. до 1960 г.) // Материалы к серии «Народы и культуры». – Вып. XIV «Караимы». – Кн. 2. – Ч. 1. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухи-Маклая РАН, 1993. – 238 с.

6. Ельяшевич В. А. Феодосийская кенаса: история и архитектура // Караимы Феодосии: история, религия, культура. / Ред. и сост. В. А. Ельяшевич, М. Б. Кизилов. – Симферополь; Феодосия: Таврида, 2018. – С. 122–148.

7. Ельяшевич В. А. Четыре века на горной вершине Крыма. Караимский некрополь в балке Табана-Дере в контексте изучения истории мангупских караимов // Караимы – последние жители Мангупа / Ред.-сост. В. А. Ельяшевич, М. Б. Кизилов, И. С. Липунов. – Симферополь: ГАУ РК «Медиа-центр им. И. Гаспринского», 2021. – 160 с.

8. Ельяшевич В. А. Пятикнижие 1274 года. Об одной реликвии из феодосийской кенасы // Караимы Крыма: исторические очерки / Сост. В. З. Тиряки, В. А. Ельяшевич, А. В. Ефимов. – М.: ИВ РАН. 2022. – С. 142–148.

9. Казас И. И. О мерах для поддержания Чуфут-Кале // ИТУАК. – 1890. – № 10 – С. 61–73.

10. Катюшин Е. А. Феодосия. Каффа. Кефе. Исторический очерк. – Феодосия: ИД «Коктебель», 1998. – 157 с.

11. Кашовская Н. В. К итогам изучения караимского некрополя в ущелье Табана-Дере (Мангуп): проблемы хронологии и периодизации // МАИЭТ. – 2017. – Вып. XXII. – С. 239–277.

12. Кеппен П. И. Крымский сборник: о древностях южного берега Крыма и гор Таврических // СПб.: типография Императорской Академии Наук, 1837. – 409 с.

13. Кизилов М. Б. К истории малоизвестных караимских общин крымского полуострова // Тирош. Труды по иудаике. – 2003. – Вып. 6. – С. 127–140.

14. Кизилов М. Б. Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен и до наших дней. – Симферополь: ДОЛЯ, 2011. – 336 с.

15. Кутайсов В. А., Кутайсова М. В. Евпатория: Древний мир, Средние века. Новое время. – К.: ИД «Стилос», 2007. – 284 с.

16. Липунов И. С., Кизилов М. Б. Караимское кладбище в Иосафатовой долине. – Симферополь, 2017. – 264 с.

17. Прохоров Д. А. Историко-культурные объекты и особенности застройки городов Крымского полуострова в контексте истории караимов // МАИАСК. – 2015. – Вып. 7. – С. 237–255.

18. Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год / Перевел с немецкого и снабдил примечаниями Ф. Брун // Заметки Императорского Новороссийского университета. – 1867. – Т. I. – Вып. 1–2. – С. 56–153.

19. Рофе, Аарон бен Йосеф. Мивхар. Гезлев (Евпатория), 1835.
20. Смирнов В. Татаро-ханские ярлыки из коллекции ТУАК // ИТУАК. – 1918. – № 54. – С. 1–19.
21. Фиркович А. С. Сефер Авнэ-Зиккарон. – Вильна: типография С. I. Fiна и А. Г. Розенкранца, 1872. – 254 с.
22. Челеби Эвлия. Книга путешествий. Крым и сопредельные области. – Симферополь: ДОЛЯ, 2008. – 272 с.
23. Шапира Д. «Песнь о Мангупе» 1793 года: неизвестный источник по истории караимов Крыма // Вестник Еврейского университета. – 2002. – № 7 (25). – С. 283–294.
24. Шапира Д. Йицхак Сангари, Сангарит, Бецалель Штерн и Авраам Фиркович: история двух поддельных надписей // МАИЭТ. — 2003. – Вып. 10. – С. 535–555.
25. Шапира Д. Нынешнее состояние ряда приписок к колофонам на библейских рукописях из первого собрания А. С. Фирковича // Материалы Одиннадцатой Ежегодной Международной конференции по иудаике / ред. К. Ю. Бурмистров, Р. М. Капланов, В. В. Мочалова. – М., 2004. – Ч.1.– С. 102–130.
26. Harkavy A. Altjüdische Denkmäler aus der Krim, mitgetheilt von Abraham Firkowitsch (1839–1872) und geprüft von Albert Harkavy. – Sankt-Peterburg, 1876. – 288 p.
27. Fisher A. The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century // HUS. – 1981. – Vol. 6. – No. 2. – P. 135–170.
28. Mann J. Texts and Studies in Jewish History and Literature. – Philadelphia, 1935. – Vol. II. – 1600 p.
29. Shapira D. A Karaim Poem in Crimean-Tatar from Mangup: a Source for Jewish-Turkish History // Studies in Jewish-Turkish Relations Throughout the Ages. – 2001. – P. 79–98.

*Рис. 1. Карта исторических караимских общин Крымского полуострова с датами первых упоминаний.
Рис. Д. В. Давыдова*

*Рис. 2. Чуфут-Кале. Надгробный памятник 1364 г.
Самый ранний караимский памятник на территории Крыма.
Фото В. А. Ельяшевича*

М. А. Ломакина

**АКВАРЕЛЬ К. Ф. БОГАЕВСКОГО
«ТАТАРСКИЙ ДОМИК В КАРАСУБАЗАРЕ»**

М. А. Lomakina

**WATERCOLOR BY K. F. BOGAEVSKY
«TATAR HOUSE IN KARASUBAZAR»**

Аннотация. Представлена акварель К. Ф. Богаевского «Татарский домик в Карасубазаре», выявленная в фондах Феодосийской картинной галереи им. И. К. Айвазовского, которая относится к циклу работ, посвященных архитектурным строениям Карасубазара и графической работе П. И. Голландского «Старая кофейня (Ламброзо) в Карасубазаре. 9 июня 1927 г.». Выполнен искусствоведческий анализ памятника, проведен архитектурно-исторический анализ строения и подобных ему зданий в графических работах авторов 40-х гг. XIX в.

Ключевые слова: К. Ф. Богаевский, акварель, архитектурные строения, П. И. Голландский, графика.

Annotation. The watercolor by K. F. Bogaevsky "Tatar house in Karasubazar, identified in the funds of the I. K. Aivazovsky Feodosiya Art Gallery, which belongs to the cycle of works devoted to the architectural structures of Karasubazar and the graphic work of P. I. Gollandskye "Old Coffee House (Lambroso) in Karasubazar. June 9, 1927". An art history analysis of the works was carried out, an architectural historical analysis of the structure and similar structures in the graphic works of the authors of the 40s of the XIX century was carried out.

Keywords: K. Ph. Bogaevsky, watercolor, architectural structures, P. I. Gollandsky, graphics.

В конце XV — первой половине XVI вв. на территории Крымского ханства появляется несколько административных и экономических центров, одним из которых становится город Карасубазар (ныне г. Белогорск), который находится на торговом пути из Юго-Западного Крыма в Восточный Крым. В городе развивалась торговля, ремесла, строились торговые ряды, караван-сарай, бани, кофейные

дома. С перенесением торговых маршрутов в конце XVIII в. Карасубазар утрачивает свои административные и экономические позиции, также уменьшилась численность городского населения: «Число торговых складов, или ханов, больших и малых, 23, лавок — 310, кофеен — 23, частных жилищ — 915» [1, с. 111]. Но расположение торговых рядов и кафе не менялось, они располагались вдоль центральной улицы города и прилегающих к ней площадей.

В фондах Феодосийской картинной галереи им. И. К. Айвазовского хранится акварель К. Ф. Богаевского «Татарский домик в Карасубазаре» [2, с. 263], написанная в 1926 г. Она относится к циклу работ, посвященных архитектурным строениям Карасубазара. В начале 20-х гг. XX в. К. Ф. Богаевский получил от Крымского комитета по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и народного быта (далее — КрымОХРИС) задание нарисовать историко-архитектурные памятники Феодосии, Судака, Алупки, Бахчисарая, Карасубазара. На акварелях карасубазарского цикла художник изобразил участки исторической застройки города, а также отдельные историко-архитектурные памятники, большая часть которых сохранилась до наших дней в руинированном виде или же была полностью утрачена. Колорит рассматриваемого цикла акварелей отличается нежностью светлых тонов — охристых, серо-зеленоватых, изумрудных, подчеркивающих старину внешнего вида изображенных сооружений; интерьеры выполнены в сиренево-сером, лиловом цвете затемненного внутреннего пространства [2, с. 250]. На акварели «Татарский домик в Карасубазаре» изображена усадьба традиционной планировки и национальной татарской архитектуры (Рис. 1). Основное здание — жилой дом с высоким цоколем, открытой навесной галереей, расположенной вдоль всего фасада здания. Дом покрыт черепичной крышей вальмовой конструкции. Выносной карниз над галереей поддерживается деревянными столбами. Галерея ограждена деревянной решеткой, снизу укреплена гнутыми карнизными балками. На нее выходят большие окна с решетчатыми переплетами, вероятно, помещениями зимней веранды. Хозяйственные помещения цокольного яруса с широкими дверями, маленькими окошками, забранными решетками, так называемыми кефессами. Двор усадьбы закрыт глухим забором, к нему примыкают дворовые постройки [2, с. 262]. Элементы конструкции, декора, планировки усадьбы и самого дома подобны другим постройкам Карасубазара, например, постройкам караван-сарая Нижний Таш-хан.

В 1927 г. П. И. Голландский, как научный специалист по охране памятников старины и искусства при уполномоченном Главнауки в Крыму, осуществил несколько поездок по городам и поселкам полуострова, делая зарисовки привлекших его внимание видов Крыма и произведений зодчества. Среди рисунков памятников Карасубазара, выполненных П. И. Голландским, можно найти параллели с акварелями карасубазарского цикла К. Ф. Богаевского. 9 июня 1927 г. П. И. Голландский зарисовал усадьбу, которую подписал «Старая кофейня (Ламброзо) в Карасубазаре» [3, с. 64] (Рис. 2). Строение абсолютно идентично усадьбе, которую изобразил К. Ф. Богаевский на своей акварели. Обе постройки изображены с одного и того же ракурса, что позволяет с полной уверенностью заключить, что перед нами одно и то же строение, которое, благодаря подписи П. И. Голландского, возможно идентифицировать. Среди рисунков П. И. Голландского находится изображение кофейни в городской застройке, более масштабного строения, с выносной галереей на втором этаже, поддерживаемой высокими столбами – «Старая кофейня у входа во двор Хан-Джами в Евпатории. 27 июля 1927 г.» [3, с. 80] (Рис. 3). Здание выполнено в традиционном стиле, оно органично включено в городскую топографию.

Итак, как писал П. С. Паллас в 1793–1794 гг., в Карасубазаре было множество кофеен (23). Путешественники, посетившие Крым в конце XVIII — начале XIX вв., отмечают эти характерные для полуострова постройки как неприменную часть градостроительной структуры. Кофейни располагались, в основном, в центральной части города, вблизи рынков и городских площадей. П. И. Сумароков, посетивший Крым в 1799 г., писал, что в Акмечети было 12 кофейных домов [4]. В XIX в., когда в застройке крымских городов традиционная архитектура все более уступает место зданиям европейской архитектуры, сохранившиеся старые кофейни придают им восточный колорит.

Интересно рассмотреть работы немецкого художника Вильгельма Кизеветтера, прожившего на полуострове два года (1845–1847 гг.) и оставившего множество картин и зарисовок быта, архитектуры крымских жителей, выполненных детально, с большой долей идеализации, даже с любовью к изображаемому материалу. Есть предположение, что жизнь, быт и культура крымских татар так захватили художника, что он даже собирался или принял ислам.

Кофейня, изображенная В. Кизеветтером – довольно крупное сооружение, стоящее на торговой площади. Вальмовые черепичные крыши построек поддерживаются деревянными колоннами галерей. Любопытна одна деталь этих строений – деревянные ставни дверных проемов, которые днем служат навесами и, вероятно, закрывающиеся в ночное время. В целом карасубазарская постройка выглядит более масштабной, что не удивительно для рыночной площади крупного торгового центра.

Внутренний вид кофейни представлен на другой работе – литографии В. Кизеветтера (Рис. 4). В углу помещения изображен большой камин с двумя топками и дымосборником, выводящим дым наружу. Помещение уставлено топчанами для отдыха и приема пищи. Тесное расположение топчанов дает возможность расположиться в кофейне многим посетителям. Помещение освещено ярким светом из открытого дверного проема, через который виден двор и стены ограды и построек. Посетителей такой кофейни В. Кизеветтер изображает отдельно: за небольшим столиком, под сенью галереи, у зарешеченного окна трое посетителей пьют кофе, двое держат чашки, а третий, в раздумье, поднял голову и смотрит вдаль. Каждый персонаж наделен художником своим характером. В целом передается состояние покоя и отдыха.

В произведениях художников, сопровождавших путешественников по Крыму, либо самих посетивших полуостров, отражены характерные черты архитектуры рассматриваемых построек, сохранившихся до XIX–XX вв. Так на литографии Карло Боссоли 1842 г. на изображении общего вида Белогорска представлены постройки традиционной архитектуры с двухскатными и вальмовыми четырехскатными крышами, покрытыми черепицей, с галереями на втором этаже, поддерживаемыми гнутыми деревянными кронштейнами [5, с. 39].

Возвращаясь к «татарскому домику» К. Ф. Богаевского и к его архитектурным особенностям, важно еще раз подчеркнуть традиционность постройки, которой свойственен целый ряд характерных деталей. Необходимо также сказать о приемах строительства таких сооружений. Многие из подобных зданий, как мы знаем, были построены в XVII–XVIII вв. На основании этого можно предположить, что и «татарский домик» (кофейня) и дома караван-сарая, изображенные К. Ф. Богаевским в Белогорске [2, с. 254–255], [2, с. 258–259] (Рис. 5–6), жилые и общественные здания в Бахчисарае возведены из камня.

В то же время путешественники и исследователи отмечают и другой способ строительства жилых домов и общественных построек. Например, П. И. Сумароков писал: «Жилища устраиваются ими из нетесаного камня или из плетня, в пьльцах утвержденного, которые как клетки, переносятся в означенное место; обмазываются с обеих сторон или покрываются либо черепицею, либо землею. В комнатах полы устланы коврами, подушки представляют низкие вокруг диваны, окна защищены решетками или заслоняются от холода войлоками, оклеенною бумагою, и стекла совсем не в употреблении» [4, с. 188]. Исследователь крымской жилой архитектуры Б. А. Куфтин также говорит о таком способе строительства, который является каркасным, с применением деревянных связей, которые укрепляют саманные постройки из глиняного кирпича; при возведении каменных зданий использовался тот же фахверковый способ конструкции, то есть деревянными балками прокладывалась каменная кладка [6]. В условиях Крыма такой метод постройки позволяет избежать или снизить степень разрушения зданий при землетрясениях. Кроме того, применение дерева имеет и свое эстетическое значение, в частности, во внешних частях сооружений. Деревянные элементы выносных галерей, нависающих над глухим цокольным ярусом, поддерживаемых тонкими колоннами, украшенными резьбой, гнутые консольные балки чрезвычайно украшают здания, придавая им индивидуальность и выделяя их среди более скромной одноэтажной жилой застройки.

Как показывает изобразительный материал и, прежде всего, акварели и рисунки К. Ф. Богаевского, такая архитектура характерна больше для общественных зданий (помещений караван-сарая, кофеен), но также для дворцовых построек. Например, на литографии М. Вебеля «Древний ханский дворец» конца 1840-х гг. изображено подобное традиционное татарское строение с характерной архитектурой и элементами [5, с. 48].

Просматривая художественно-изобразительный материал, посвященный видам Крыма, исторической топографии и архитектуре крымских городов и поселений, созданный талантливыми художниками, покоренными красотой природы полуострова и своеобразием культур местных народов, важно отметить следующее. Цикл работ К. Ф. Богаевского занимает свое определенное место. Эти акварели и рисунки представляют в основной своей массе пейзажи, в которых памятники архитектуры имеют главный смысл. Они позволя-

ют рассмотреть городские и сельские виды и постройки в деталях, перейти от общих панорам к отдельным объектам той или иной местности. Такую детализацию архитектурных памятников и объективную манеру передачи можно проследить лишь на немногих примерах работ других авторов. Конечно, это, прежде всего, было определено теми задачами, которые ставились перед художником. Однако К. Ф. Богаевский почти в каждой работе своего цикла передает и настроение, и характер окружающей местности, достигая этого с помощью живописных приемов. В то же время информативность его акварелей и рисунков очень высока. В сопоставлении с другим материалом получается приближенная к первоначальной картина внешнего вида того или иного архитектурного объекта.

Литература

1. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. – М.: Наука, 1999. – 246 с. (Научное наследство; Т. 27)
2. Ломакина М. А. Крымские древности в акварелях К. Ф. Богаевского: к 150-летию со дня рождения художника / Под ред. Е. А. Айбабиной, Д. А. Ломакина. – Симферополь: Н. Орианда, 2020. – 448 с. – (Серия: «Библиография крымоведения»; Вып. 30).
3. Петрова Э. Б. Павел Иванович Голландский и его крымская эпопея. – Феодосия: Коктебель; Симферополь: Н. Орианда, 2013. – 116 с. – (Палитра времени; Вып. 1).
4. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году / предисл. и комм. Т. М. Фадеевой. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2012. – 250 с.
5. Мальгина М. Виды Крыма первой половины XIX века: каталог литографий из собрания Крымского республиканского краеведческого музея. – Симферополь: СОНАТ, 2006. – 153 с.
6. Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. – М.: Тайнинский печатник, 1925. – 58 с.

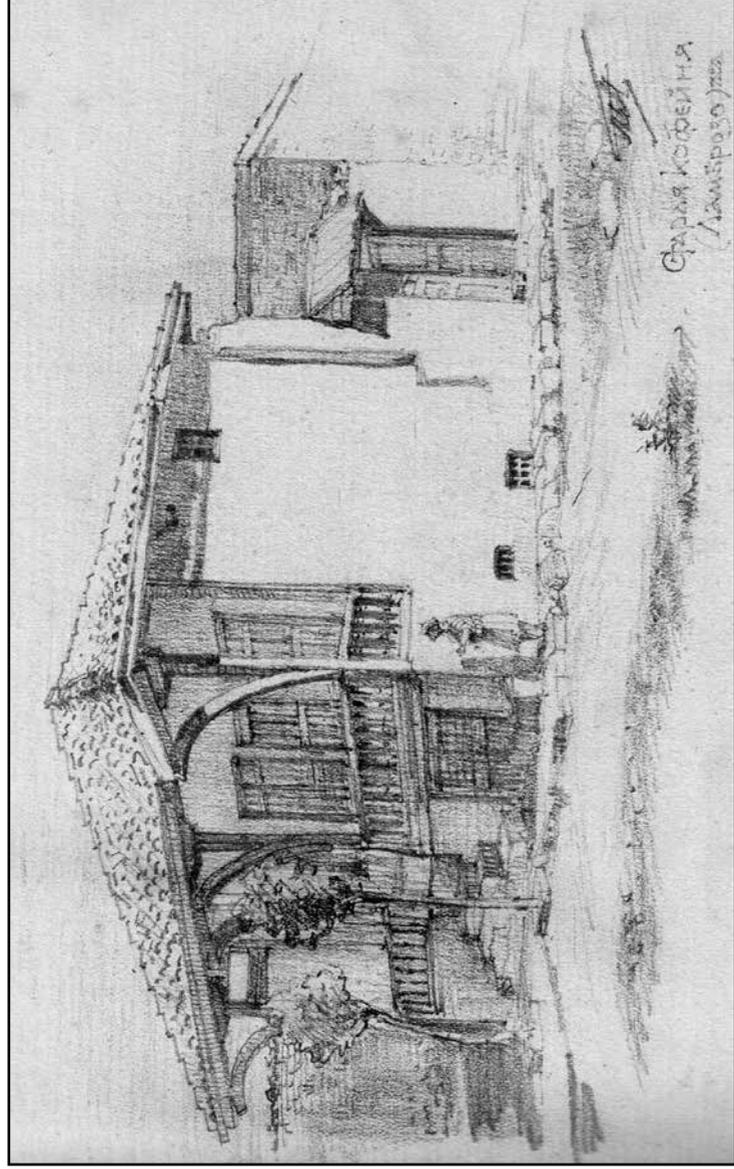

Рис. 1. К. Ф. Богачевский. «Татарский домик в Карасубазаре». 1926 г. ФКГА

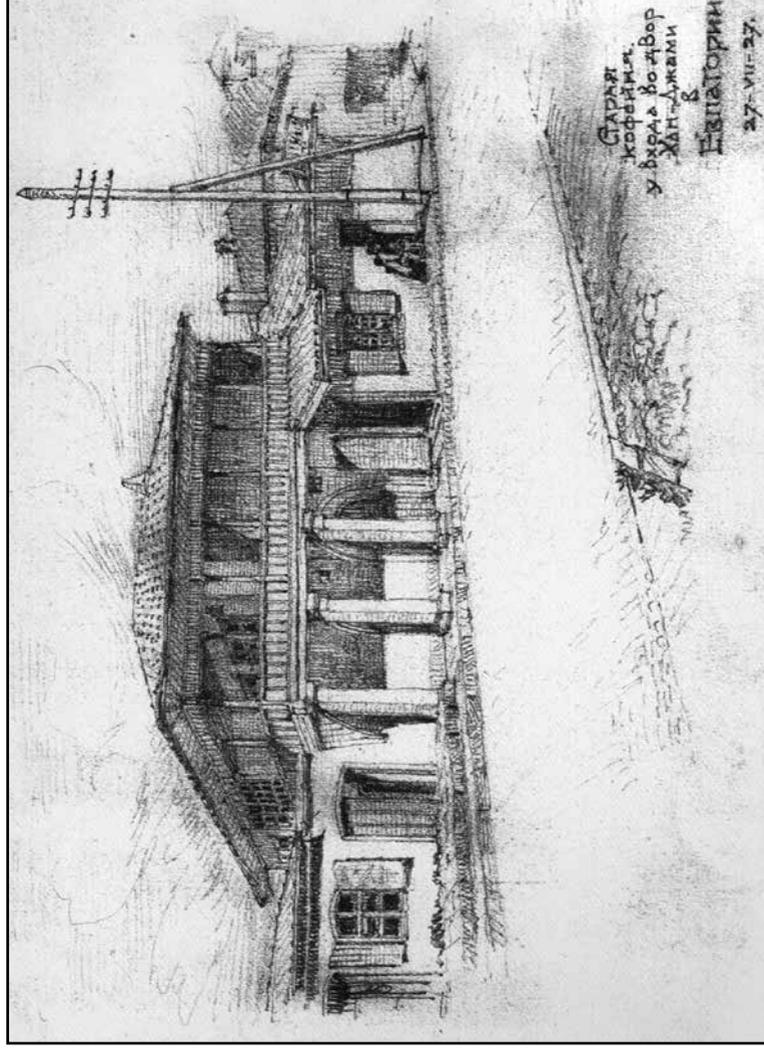

Рис. 2. П. И. Голландский. «Старая кофейня (Ламброзо) в Карасубазаре. 9 июня 1927 г.». ЦМТ

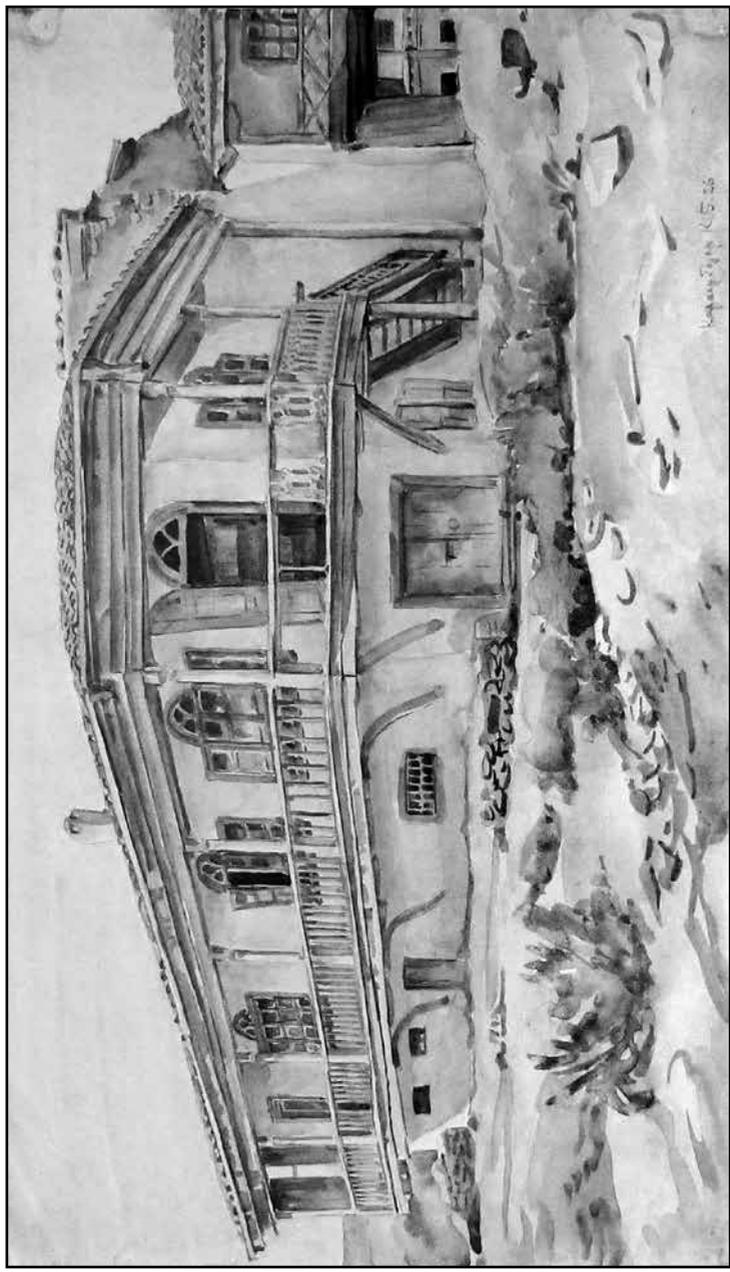

Рис. 3. П. И. Голландский. «Старая кофейня у входа во двор Хан-Джами в Евлатории». 27 июля 1927 г. ЦМГ

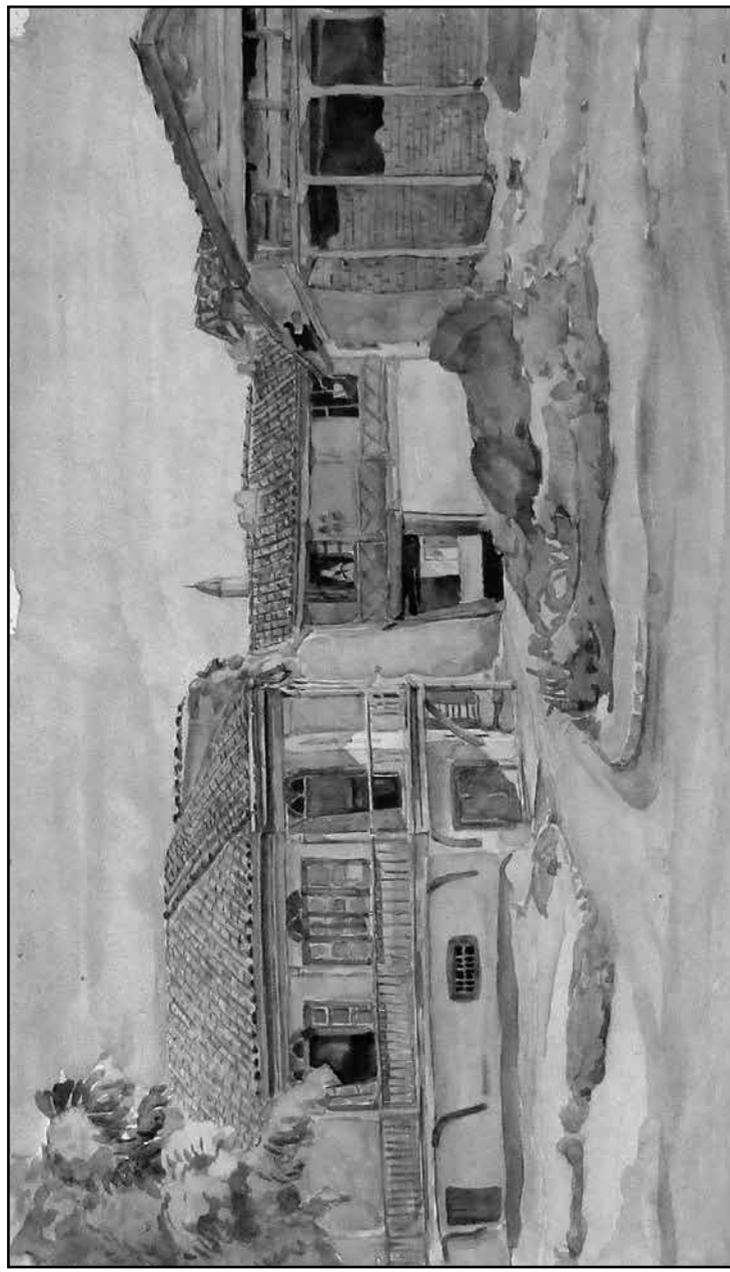

Рис. 4. В. Кизеветтер. Внутренний вид кофейни в Акмечети. 1845-47 гг. Литография

Рис. 5. К. Ф. Богоевский. «Карасубазар. Татарский дом с деревянным балконом». 1926 г. ФКГА

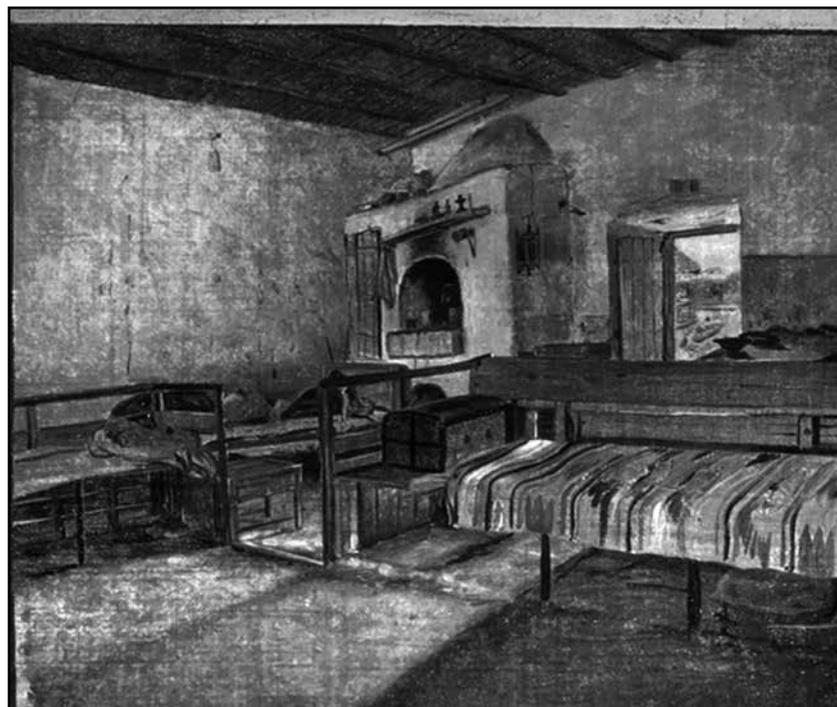

Рис. 6. К. Ф. Богоевский. «Карасу-базар. Старый заезжий двор Ташхан». 1926 г. ФКГА

Н. В. Миронова, И. В. Спирина

**КОЛЛЕКЦИЯ ОТКРЫТОК С ВИДАМИ КРЫМА
НАЧАЛА XX — НАЧАЛА XXI ВВ.
В СОБРАНИИ КРЫМСКОГО
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

N. V. Mironova, I. V. Spirina

**THE COLLECTION OF POSTCARDS
WITH VIEWS OF CRIMEA
IN EARLY XX — EARLY XXI C.
(BY MATERIALS OF CRIMEAN
ETHNOGRAPHIC MUSEUM)**

Аннотация. В статье представлен обзор коллекции открыток с видами Крыма начала XX — начала XXI вв. из собрания Крымского этнографического музея. Раскрывается история развития известных издательств, художников и фотографов. Рассматриваются наиболее интересные открытки.

Ключевые слова: музей, коллекция, видовые открытки.

Annotation. This article provides an overview of the Crimean's Ethnographic Museum collection of postcards with views to visit in Crimea in early XX — early XXI c. The history of development of publishing houses, painters and photographers is revealed. The most interesting postcards are considered.

Key words: museum, collection, view postcards.

Целью создания музеев в Российской Федерации являются выявление, собирание, хранение, изучение и публикация музейных предметов и музейных коллекций (ст. 27 ФЗ от 26 мая 1996 г. № 54 «О музейном Фонде РФ»). На сегодняшний день, практически в каждом музее имеются открытки, которые, несмотря на свою сравнительно недолгую историю, являются ценным источником информации о крупных исторических событиях, жизни и быте народов, народном творчестве, развитии искусства, видах различных местностей и т.д.

В России открытка получила название «открытое письмо» и официально была введена Министерством внутренних дел с 1 января 1872 г. Таким образом, появилось общепринятое короткое название «открытка». В 1874 г. на почтовом конгрессе в г. Берн (Швейцария) был учрежден Всемирный почтовый союз и подписана Всеобщая почтовая конвенция. Со вступлением в этот союз России в 1875 г. на открытках появились надписи на двух языках – русском и французском [4].

Монопольное право на выпуск открыток более десятилетия принадлежало Почтовому ведомству. «Бланки открытых писем частного изготовления» были разрешены министром внутренних дел России 19 октября 1894 г. [4, с. 17]. Первые русские иллюстрированные открытки появились, как считают, в 1894 г. в Риге [1, с. 3], а в 1895 г. были выпущены карточки с фотографическими видами Санкт-Петербурга и Москвы [4, с. 17].

Открытки делятся по своему внешнему виду на поздравительные, видовые, художественные, историко-событийные, политические, патриотические и фотооткрытки. В фондах Крымского этнографического музея представлено большинство из перечисленных видов открыток, в том числе видовые с изображением населенных пунктов, значимых туристических объектов и памятников Крыма. Всего коллекция насчитывает 197 единиц хранения, из них 186 основной и 11 научно-вспомогательный фонды.

Открытки также делятся по типам – почтовые и не почтовые. Почтовая имеет на лицевой стороне изображение, которое занимает всю её площадь; пространство тыльной стороны предназначено для письменного текста, почтового штемпеля, адресов отправления и назначения. Марка может быть напечатана на открытке типографским способом или наклеена непосредственно перед отправлением. Не почтовая открытка не имеет специально отведенного места для адреса и наклеивания марки. На некоторых из них есть надпись: «Отправлять только в конверте».

Открытка является не только иллюстративным материалом, но и важным историческим источником. На протяжении всей истории развития почтовой карточки художниками создавались изображения для открыток.

Самая ранняя известная открытка с крымскими видами прошла почту 4 ноября 1899 г. На лицевой стороне её был изображен фонтан И. К. Айвазовского – одна из достопримечательностей г. Фе-

досии. По почтовым штемпелям определено, что открытки с видами Симферополя появились в 1902 г. [5].

Открытки с видами Крыма в собрании Крымского этнографического музея можно разделить на два вида – фотооткрытки (191 ед.) и художественные (6 ед.).

К художественным относится открытка «Крым. Бахчисарай» известного художника А. П. Остоумовой-Лебедевой (КП-1364, ИИ-75), выпущенная крупным российским издателем крымских видовых открыток – Общиной св. Евгении. Это издательство сыграло исключительную роль в становлении отечественной открытки и пропаганде художественной фотографии. В 1882 г. по инициативе российских деятелей искусства был создан попечительский совет сестер милосердия Красного Креста, переименованный позднее в Общину св. Евгении. Попечительницей этой благотворительной организации была Евгения Максимилиановна Ольденбургская, внучка императора Николая I. В её честь и была названа община. Евгения Максимилиановна тратила немалые личные средства на благотворительность, но находились и другие щедрые дарители. Чтобы получить дополнительные деньги, община приступила к издательской деятельности, в том числе к выпуску иллюстрированных открыток. Впоследствии эта деятельность принесла ей значительный доход, который использовался на обустройство больницы и жилья для сестер милосердия, принимавших активное участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. [4, с. 18].

Среди художественных открыток с видами Крыма в коллекции Крымского этнографического музея стоит выделить открытки, выпущенные издательством «Советский художник» (г. Москва) с репродукциями картин художников И. Ф. Титова «В Никитском саду. Крым», 1953 г. (КП-5582, ИИ-277), «Санаторий Мечта. Симеиз», 1958 г. (КП-5584, ИИ-279) и Л. С. Герасимова «Крым. Аю-Даг вечером», 1958 г. (КП-5583, ИИ-278); издательства Министерства связи СССР «Крым. В парке Ялты», 1961 г., художник И. В. Знаменский (КП-5574, ИИ-269); «Крымгосиздата», по заказу Советской Филателистической Ассоциации, «Крым. Ореанда. Парк. Вид к беседке» (КП-3093, ИИ-196).

В начале XX в. с развитием фотографии получили распространение фотооткрытки. Они отличаются от художественных открыток тем, что их иллюстрации представляют собой фотографии, а некоторые часто раскрашивались вручную, что повышало их сто-

имость. Для фотооткрыток использовались работы разных авторов и разного времени, в том числе в коллекции музея есть открытка «Крым. У Ай-Тодора. Виноградники в имении Великого Князя. С натуры С. М. Прокудин-Горский», датированная 1910 г. (КП-977, Ф-162) (Рис. 1–2). Интересна она тем, что Сергей Михайлович Прокудин-Горский – известный русский фотограф, по образованию химик, делал цветные фотографии в Крыму для Общины св. Евгении, используя собственный способ тройной экспозиции [2]. Известно, что 2 мая 1905 г. он получил разрешение фотографировать снаружи и изнутри все дворцы Южного берега Крыма, за исключением Ливадийского дворца [3, с. 15]. Летом и в начале осени того же года фотограф посетил Крым и сделал большое количество фотографий [3]. Благодаря их высокому качеству, сделанным по технологии самого С. М. Прокудина-Горского, и возможностям Общины св. Евгении в области полиграфии, эти карточки до настоящего времени сохраняют свою яркость и четкость передачи цветов [2, с. 120–135].

Издание открыток в Крыму носило сезонный характер, так как было рассчитано на запросы отдыхающих в течение всего курортного сезона. В фондах Крымского этнографического музея хранятся открытки дореволюционных зарубежных издательств, выпущенные в разных городах России. Известно большое количество карточек с видами городов и пейзажей Крыма, вышедших из-под прессы типографии Акционерного общества «Гранберг» в г. Стокгольм (Швеция); в нашей коллекции их насчитывается 21 единица. Помимо собственных негативов, это издательство занималось изготовлением открыток с фотографиями мастеров из разных уголков Европы [5]. Из зарубежных издательств в коллекции представлены также открытки издательства Штенгель (г. Дрезден, Германия; 1 ед.) (КП-968, Ф-153) и издательства Аксель Элиассонь (г. Стокгольм, Швеция; 1 ед.) (КП-981, Ф-166). Среди открыток, выпущенных в России, выделим продукцию издательств Торгового дома Эккель и Калах (г. Москва; 12 ед.), Коммерческого агентства «СВЯЗЬ» (г. Москва; 3 ед.), Контрагентства печати (г. Москва; 1 ед.) и уже вышеупомянутое издательство Общины св. Евгении (г. Санкт-Петербург; 1 ед.).

Наряду с этими известными и зарекомендовавшими себя издательствами во многих городах России существовали мелкие издатели. Так, в Крыму изданием открыток занимались местные типографии и владельцы писчебумажных магазинов, которым из-

дательство открыток приносило дополнительный доход. В коллекции музея встречаются открытки издательств Дмитрия Николича (г. Ялта; 10 ед.), А. Я. Бер-ра (г. Севастополь; 3 ед.), И. Вассермана (г. Феодосия; 2 ед.), Н. А. Вязнова (г. Севастополь; 2 ед.), «Абиль-тарь» (г. Бахчисарай; 2 ед.), Ц. М. Шлугера (1 ед.) и З. В. Несвитайлова (1 ед.) в Ялте и Алушке, соответственно, С. Сиямиди (п. Новый Свет; 1 ед.), Писчебумажного магазина «Трудь» сестер Вольфонь (г. Керчь; 1 ед.) и Книжного писчебумажного магазина З. О. Рогана (1 ед.).

В фондах музея встречаются открытки местных издательств, которые сотрудничали с зарубежным Акционерным обществом Гранберг в Стокгольме из-за высокого качества выходящих там открыток. Речь идет об издательствах Художественного магазина И. П. Руденкова в Симферополе, Е. В. Кохманского в Ялте, И. И. Иванова в Ялте и Ф. Н. Плетнева в Севастополе.

Среди советских издательств видовых открыток, часть которых уже названа выше, хотелось бы выделить Крымское отделение СоюзФото, издательство Крымгосиздатторга, издательство артели им. Караева, Фабрику массовой фотопечати треста «Укрфото», издательства артели имени 9 мая и Фотокомбината «Союзторгреклама» Министерства торговли СССР и др.

В 1920-х гг. в связи с голодом и природными катаклизмами появляются благотворительные открытки. Так, в фондах нашего музея есть две открытки с призывом «Все на помощь пострадавшим в Крыму от землетрясения» издательства Комиссии Крым ЦИКа. Они называются «Крым. Ялта. Выгрузка хлеба для пострадавших» (КП-1334, Ф-208) и «Крым. Гурзуф. Табаководы живут под открытым небом» (КП-1363, Ф-225) (Рис. 3–4).

В коллекции открыток с видами Крыма начала XX — начала XXI вв. наибольшее количество фотографий (120 ед.) посвящено Южному берегу Крыма (Ялта, Алушка, Алушта, Гурзуф, Форос, Симеиз и т.д.) с запечатленными на них городами, набережными, пристанями, городскими купальнями, садами и скалами. На 29 открытках изображены виды г. Симферополя и его окрестностей — здания, улицы, усадьбы, дачи, соборы, городские ставки. Чуть меньше фотографий посвящены Севастополю, Балаклаве, Инкерману (18 ед.), Бахчисараю (13 ед.), Евпатории (7 ед.), Феодосии (5 ед.) и Керчи (5 ед.).

Интересны так называемые видовые открытки мультивью-грюсс,

содержавшие несколько изображений городских достопримечательностей и незамысловатое послание «С приветом из...». Этот жанр открыток зародился в Германии в конце XIX — начале XX вв. Открытки с «приветом» не потеряли актуальность и после революции. «Привет из Крыма» перешел на советские карточки, ставшие символом долгожданного отдыха во всесоюзной здравнице. В нашей коллекции шесть открыток представлены в этом жанре: «Привет из Ялты», 1962 г. (КП-3086, Ф-771), «Воспоминание о Крыме», 1930-е г., «ВАРЯ», 1935 г. (1627 НВ) и «Привет из Крыма», 1942 г. (1620 НВ; 1621 НВ; 1626 НВ).

Таким образом, разнообразная коллекция открыток с видами Крыма начала XX — начала XXI вв. Крымского этнографического музея представляет научный интерес для этнографов, краеведов и коллекционеров, так как позволяет проследить историю развития различных уголков Крымского полуострова, историю издательств, известных художников и фотографов.

Литература

1. Белецкий Я. М., Глезер Г. Н. Рассказы об открытках. — М.: Радио и связь, 1986. — 144 с.
2. Наумова Е. Творчество С. М. Прокудина-Горского как отражение образа дореволюционной России // Альманах «Этнодиалоги». — 2019. — № 1 (57). — С. 120–135.
3. Носков А. В. По заказу Красного Креста // Журнал любителей открыток «ЖУК». — 2007. — № 3. — С. 15.
4. Файнштейн Э. Б. В мире открытки. — М.: Планета, 1976. — 130 с.
5. Яшный Д. В. Почтовые карточки с видами Крыма в исторической ретроспективе (1899–1917) // УЗ ТНУ им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». — 2011. — Т. 23(63). — № 1. — С. 171–181.

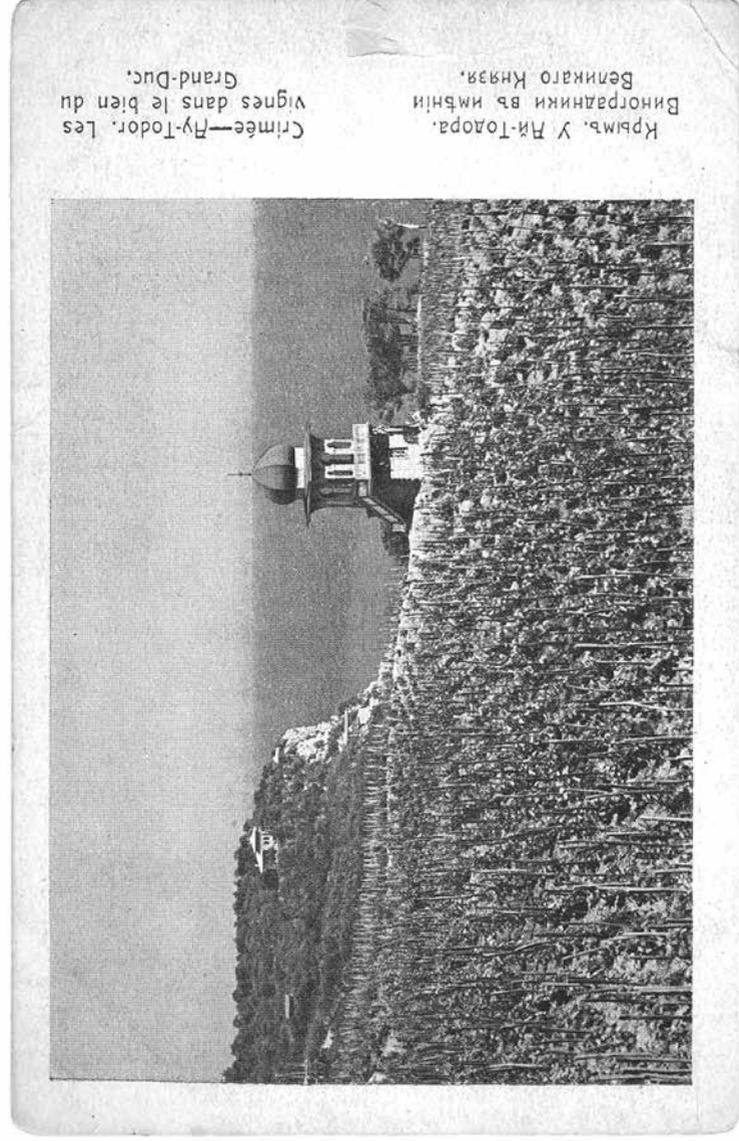

Рис. 1. «Крым. У Ай-Тодора. Виноградники в имени Великого Князя». Сь натуры С. М. Прокудинъ-Горскій. КП-977, Ф-162. Из коллекции КЭМ

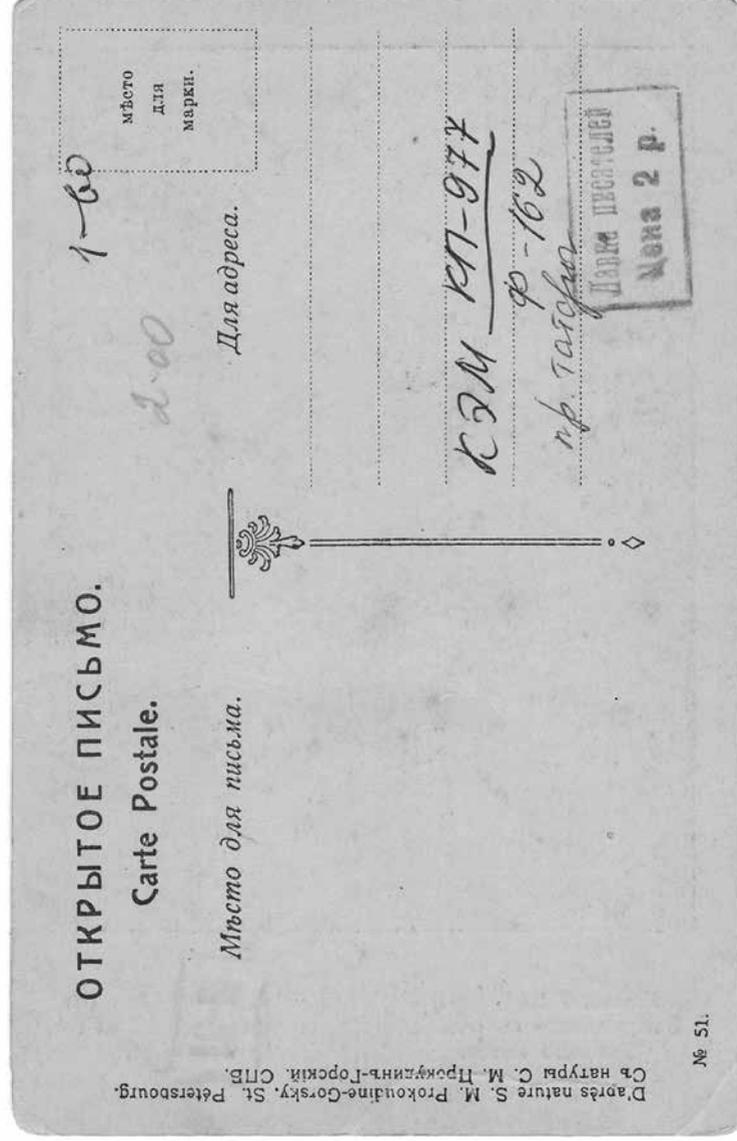

Рис. 2. Оборот открытки. КП-977, Ф-162. Из коллекции КЭМ

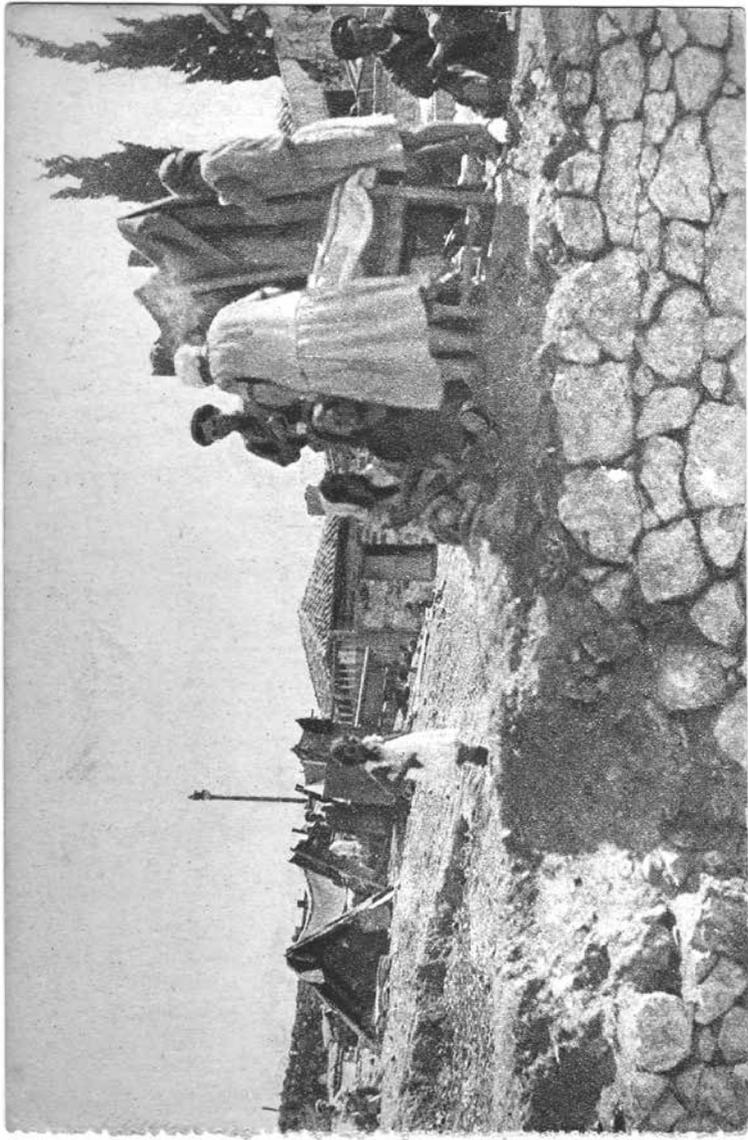

Рис. 3. «Крым. Гузуф. Табаководы живут под открытым небом».
КП-1363, Ф-225. Из коллекции КЭМ

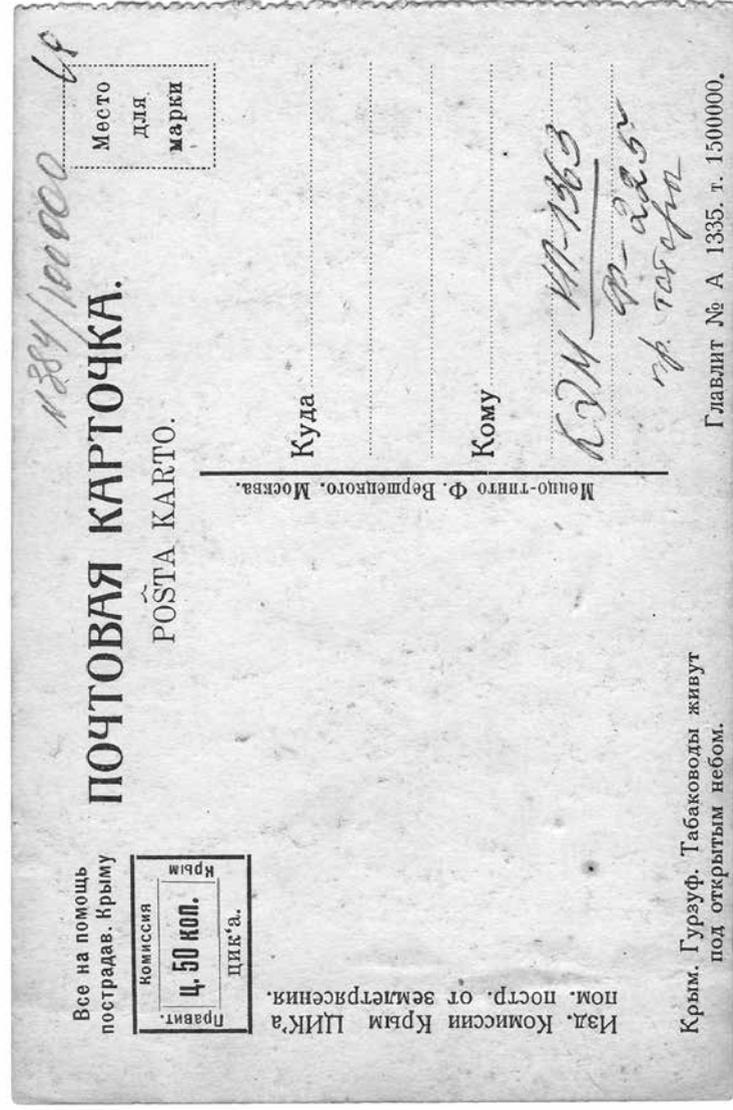

Рис. 4. Оборот открытки. КП-1363, Ф-225. Из коллекции КЭМ

Л. А. Науменко

К ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ УКРАИНСКОЙ ВЫШИВКИ ИМЕНИ В. С. РОИК

L. A. Naumenko

TO THE QUESTION OF CREATING A MUSEUM OF UKRAINIAN EMBROIDERY NAMED AFTER V. S. ROIK

Аннотация. В статье впервые дается хронология создания Музея украинской вышивки им. В. Роик с использованием архивных документов Крымского этнографического музея. Анализируются предпосылки его появления, результаты деятельности и значение для культурной сферы Республики Крым.

Ключевые слова: Вера Роик, Музей украинской вышивки, украинская культура.

Annotation. The article presents for the first time chronology of the Museum's of Ukrainian Embroidery named after V. Roik creation, using archival documents of the Crimean Ethnographic Museum. Prerequisites of creation and results of activities of the structure, as well as the significance for cultural sphere of the Republic of Crimea, are analyzed.

Key words: Vera Roik, Ukrainian Embroidery Museum, Ukrainian culture.

В культурной жизни Крыма 14 декабря 2012 г. состоялось знаковое событие: в структуре Крымского этнографического музея был открыт Музей украинской вышивки им. В. С. Роик. Идею создания музея в свое время высказывала еще сама В. Роик. При её активном участии в 1963 г. был создан Музей декоративно-прикладного искусства народных умельцев Крыма при Областном Доме народного творчества, в 1967 г. – Передвижной салон самодельной живописи, которые просуществовали до 1974 г. [5, с. 113–115; 1, с. 7].

К созданию музея в новом формате вернулись после смерти вышивальщицы в 2010 г. В личном разговоре с сыном Веры Роик – Вадимом

Роик, директор Крымского этнографического музея Ю. Н. Лаптев высказал идею создания Музея украинской вышивки им. В. Роик на базе Крымского этнографического музея. Суть проекта заключалась в том, чтобы на примере коллекции музея показать образцы старинных вышивок различных регионов Украины как преемственность традиций работы самой В. Роик и её учениц. Это начинание было поддержано общественностью Крыма, тем более что в 2011 г. планировались мероприятия к 100-летию со дня рождения мастерицы.

Министерство культуры Автономной Республики Крым 16 марта 2011 г. издает приказ «О проведении мероприятий, посвященных памяти Героя Украины, вышивальщицы Роик В. С. и в связи со 100-летием со дня рождения». Согласно ему был создан оргкомитет и утвержден широкий перечень мероприятий, которые должны были пройти в различных учреждениях культуры – выставки, вечера памяти, тематические мероприятия, круглые столы. И здесь же, в этом документе, ставится задача директору Крымского этнографического музея Юрию Николаевичу Лаптеву создать Музей украинской вышивки в структуре КРУ «Этнографический музей» в 2011–2012 гг. [2]. Судя по формулировкам в приказе, в это время еще не прорабатывался вопрос формата самого музея. Речь шла лишь об экспозиции, посвященной украинской вышивке, либо музею на правах отдела, филиала, но не звучало имя В. Роик. Тем не менее, это первое официальное упоминание о создании Музея украинской вышивки.

Прослеживая хронологию событий на основе документального материала, хранящегося в Крымском этнографическом музее, можно сказать, что предложение о присвоении имени В. Роик Музею украинской вышивки впервые прозвучало в письме Генерального директора государственной организации «Всеукраинский информационно-культурный центр» В. Е. Ермачкова и Председателя правления Крымской организации Национального союза художников Украины Н. С. Моргуна к Председателю Верховного Совета Автономной Республики Крым В. К. Константинову, где они просят о создании Музея украинской вышивки им. В. С. Роик как филиала Крымского этнографического музея (16 марта 2011 г.) [2]. Именно здесь предлагается форма будущего музея.

Рассмотрев эту просьбу, Председатель Постоянной комиссии Верховного Совета Автономной Республики Крым по культуре С. П. Цевков направляет письмо в Министерство культуры Автономной Республики Крым с просьбой проработать этот вопрос (8.04.2011 г.). Директор Крымского этнографического музея Юрий Николаевич

Лаптев 15 марта 2011 г. получает письмо из Министерства культуры Автономной Республики Крым с просьбой подготовить ответ о возможности создания Музея украинской вышивки на правах филиала Крымского этнографического музея [2]. Можно сказать, что с этого момента началась кропотливая работа по созданию музея.

Согласно Концепции развития Крымского этнографического музея, предполагалось создание Галереи декоративно-прикладного искусства народов Крыма, где Музей украинской вышивки стал бы первым этапом в реализации этого проекта. Началась работа по созданию концепции музея, его структуры, велась работа по решению художественно-технического оформления. Для юридического закрепления идеи по созданию Музея украинской вышивки нужно было решение Верховного Совета Автономной Республики Крым.

28 апреля 2011 г. Ю. Н. Лаптев пишет письмо на имя С. П. Цекова с просьбой принятия Постановления Верховного Совета Автономной Республики Крым о создании Музея украинской вышивки на правах отдела КРУ «Крымский этнографический музей» [2]. 18 мая 2011 г. выходит Постановление Верховного Совета Автономной Республики Крым «О сохранении культурного наследия В. С. Роик». В первом пункте этого документа говорится о создании Музея украинской вышивки имени В. Роик. Далее следует формулировка: «Рассмотреть вопрос о создании Музея украинской вышивки им. В. Роик в составе КРУ «Крымский этнографический музей» без увеличения общей численности сотрудников данного учреждения» [2]. На этом этапе окончательно сформировалось видение того, каким будет Музей украинской вышивки в составе Крымского этнографического музея как постоянно действующая экспозиция.

Министр культуры Автономной Республики Крым А. А. Плакида в письме от 14 июня 2011 г. просит Лаптева Ю. Н. дать свои предложения в План мероприятий по созданию Музея украинской вышивки, подчеркивая, что тот создается без увеличения общей численности сотрудников [2]. Директор Крымского этнографического музея, понимая какая предстоит работа, все-таки не отказывается от идеи создания отдела «Музей украинской вышивки» в структуре Крымского этнографического музея. Это прописывается в Плане мероприятий, где в самом конце вносится пункт о «Создании в структуре КРУ «Этнографический музей» отдела «Музей украинской вышивки» [2]. Таким образом, Крымский этнографический музей приступил к осуществлению задуманной идеи.

Старшим научным сотрудником КРУ «Этнографический музей» Еленой Евгеньевной Таратухиной была разработана концепция Музея украинской вышивки [6, с. 103–110]. Главной целью его создания являлась популяризация и сохранение украинской культуры в Крыму через демонстрацию наиболее распространенного вида декоративно-прикладного искусства – вышивку. К 2011 г. собрание декоративного текстиля по культуре украинского народа музея уже представляло собой сформированную коллекцию. Уникальность её заключалась в том, что в музее хранились изделия, вышитые в традиционных техниках и стилях практически всех регионов Украины [4, с. 125]. Вышивку предполагалось показать на элементах одежды, рушниках, предметах декоративного убранства дома. Отдельным комплексом должен был демонстрироваться декоративный текстиль – вышитые занавески, подзоры, скатерти, наволочки, картины, которые были в каждом украинском доме.

Неоценимой стала работа по сбору фотографического материала для верхнего пояса оформления экспозиции. Коллекция музея не обладала такого рода документами. Стояла задача собрать фотографии, показывающие процесс изготовления тканого изделия. Для этого была организована работа с музеями Украины, где по нашим предположениям могли храниться такие изображения. Сотрудники музея обратились в Черниговский исторический музей им. В. В. Тарновского и в Музей Ивана Гончара с просьбой о помощи, и коллеги любезно предоставили необходимый материал [2].

Кроме сугубо музейной работы нужно было решить ряд вопросов, касающихся организации помещения, в котором предполагалось разместить экспозицию, а также вопрос передачи предметов, принадлежащих самой В. Роик. Поэтому предстояла еще и работа с семьей вышивальщицы.

В письме директора Крымского этнографического музея Ю. Н. Лаптева министру культуры Автономной Республики Крым А. А. Плакиде от 12 декабря 2011 г. № 615 мы находим перечень тех работ, которые были проделаны к концу 2011 г. [2]. Если учитывать, что в июне 2011 г. Министерство культуры АРК только запрашивало от Крымского этнографического музея список мероприятий по созданию Музея украинской вышивки, то сделано было немало. И прежде всего осуществлен ремонт помещений, проведена в них сигнализация. Сформировано отдельное направление в коллекции музея – фонда Музея украинской вышивки. Велась постоянная кро-

потливая работа с семьей В. Роик, а именно с её сыном В. М. Роик, по подбору необходимых предметов для оформления модуля, воссоздающего интерьер дома вышивальщицы. Шел отбор вышитых изделий самой В. Роик для экспонирования.

Акцентирую внимание на одном из пунктов перечня проделанных мероприятий на конец 2011 г. – воссоздание исторического дверного проема в здании Крымского этнографического музея, бывшего приюта для девочек графини А. М. Адлерберг. Директор Крымского этнографического музея Ю. Н. Лаптев, работая с архивными документами по зданию музея, обратил внимание на то, что исторический вход в приют находился в центре строения. Когда прорабатывался вопрос о создании Музея украинской вышивки им было предложено сделать отдельный вход в новую экспозицию, тем самым восстановить исторический. В 2011 г. разрабатывается вся необходимая для этого проектная документация, а в 2012 г. в рамках работ по реставрации фасада здания Крымского этнографического музея, восстанавливается исторический вход в здание музея. В результате над дверным проемом открыта ниша для иконы времени приюта для девочек графини Адлерберг. Ю. Н. Лаптев обращается с просьбой к митрополиту Симферопольскому и Крымскому Лазарю в содействии определения какая икона могла быть установлена на входе (исх. 332 от 11.07. 2012 г.). В день открытия Музея украинской вышивки 14 декабря 2012 г. икона Покрова Божьей Матери торжественно помещается на прежнее место.

С января по май 2012 г. велась подготовительная работа по созданию музея [4, с. 125]. Прорабатывался вопрос экспозиционного оборудования, использования фотоматериалов, экспозиционная группа работала с коллекцией музея, решался вопрос недостающих экспонатов для показа задуманной идеи, велись переговоры о закупке предметов.

Финансирование создания Музея украинской вышивки полностью осуществлялось за счет средств из бюджета Автономной Республики Крым, частично из средств, заработанных Крымским этнографическим музеем. Эти средства были ограничены. Чтобы решить возникающие финансовые проблемы, администрация Крымского этнографического музея обращается к депутатам городского совета г. Симферополя, депутатам Верховной Рады Украины от Республики Крым, Героям Украины, проживающим на полуострове, политикам, бизнесменам, предпринимателям с просьбой о материальной по-

мощи для создания Музея украинской вышивки в Крыму. В марте 2012 г. было составлено и разослано 120 таких писем. Об этом в своем отчете министру культуры АРК А. А. Плакиде пишет заместитель директора Крымского этнографического музея Л. А. Науменко (письмо от 18.06.2012 г. № 296) [2]. Казалось, что для такого большого дела, связанного с сохранением и популяризацией культурного наследия Украины, должны были найтись люди, которые смогли бы внести свой хотя бы небольшой вклад в реализацию данного проекта. Но, как показывают архивные документы музея, быть причастным к этому событию не захотел никто! Музей получил единственный ответ – от Национального производственно-аграрного объединения «Массандра», о невозможности осуществления материальной помощи (вх. № 128 от 3.05.2012 г.). Тем не менее, в течение 2011–2012 гг. были выделены около 254 тыс. гривен из бюджета АР Крым, в том числе 94 тыс. на ремонт, 142 тыс. на изготовление оборудования и приобретение оформительских материалов, 18 тыс. на установку видеонаблюдения и сигнализации, а также 40 тыс. грн. со специального счета музея на ремонт и укрепление материальной базы.

В день рождения Веры Сергеевны Роик, 25 апреля 2012 г., состоялась большая пресс-конференция по перспективам создания Музея украинской вышивки им. В. Роик. В пресс-конференции приняли участие министр культуры АРК А. А. Плакида, директор КРУ «Этнографический музей» Ю. Н. Лаптев, В. М. Роик. Обсуждались вопросы финансирования музея, пополнения его коллекции, привлечения дополнительных материальных средств, оборудования и структуры экспозиции. После окончания пресс-конференции журналистам показали отремонтированные помещения будущего музея и предметы собранной коллекции [2]. Пресс-конференция завершила подготовительный этап и обозначила начало экспозиционных работ.

1 июня 2012 г. директор Крымского этнографического музея издает приказ «О создании музея украинской вышивки им. В. С. Роик» [2]. В нем определяется экспозиционная группа: Науменко Л. А. – заместитель директора (руководитель группы), Таратухина Е. Е. – с.н.с. отдела фондов (автор концепции), Глазунова С. А. – с.н.с. сектора декоративно-прикладного искусства и традиционных ремесел, Кравченко В. В. – м.н.с. научно-исследовательского отдела этнической истории и традиционной культуры восточных славян, Павлюченко О. В. – м.н.с. сектора декоративно-прикладного искусства и традиционных ремесел, Мельниченко Е. А. – заведующий отделом

хозяйственно-технического обеспечения, Храмов А. В. – подсобный рабочий отдела хозяйственно-технического обеспечения. С этого момента началась плотная работа по созданию экспозиции нового музея. Монтировалось оборудование, велась работа с предметным материалом, составлялись экспликационные тексты и этикетаж.

При разработке экспозиционного оборудования, кроме больших закрытых модулей, нужно было продумать и оборудование для декоративного текстиля, которое давало бы возможность на небольшом пространстве показать максимально большое количество изделий.

Для коллектива Крымского этнографического музея это была первая такая работа по систематизации и музейной подаче декоративного текстиля. Поэтому было создано специальное оборудование – витрины с выдвигаемыми ящиками. Так сложилось, что собрание Крымского этнографического музея обладает большими коллекциями декоративного текстиля советского периода. Интерьерная вышивка занимала одно из важных мест в городском и сельском быту середины XX в. Главная причина столь большой популярности данного вида народного искусства связана с извечным желанием людей создавать уют и украшать свой дом, привнося в него ощущения радости, гармонии и счастья. Занятию рукоделием способствовали сохранившиеся еще в народной культуре древние традиции вышивки, а вместе с ними и высокий статус вещей, сделанных своими руками. В наши дни бытовая вышивка прошлого столетия имеет большую этнографическую ценность, являясь одной из характерных особенностей быта ушедшей эпохи, требующей сохранения и дальнейшего изучения.

Кроме старинного текстиля вышитые изделия В. Роик было решено показывать таким же образом – в витринах с выдвигаемыми ящиками, что давало возможность увеличить количество представленных работ. Еще одной инновацией в оформлении экспозиции стал верхний пояс витрин из исторических черно-белых фотографий, показывающих процесс изготовления тканей.

Открытие Музея украинской вышивки состоялось 14 декабря 2012 г. Дата была выбрана не случайно. Именно в этот день в 1992 г. Совет Министров Крыма принял постановление «О создании Крымского этнографического музея на правах филиала Крымского Республиканского краеведческого музея». Создание Музея украинской вышивки для культурной общественности Крыма было громким событием. Из запасников были изъяты лучшие образцы культурного наследия украинского народа и представлены в новой экспозиции.

Крымский этнографический музей получил еще одну выставочную площадку, где можно достойно экспонировать предметы, характеризующие культуру украинцев в Крыму.

В настоящий момент Музей украинской вышивки им. В. Роик включает три выставочные площадки: зал «Истории украинской вышивки – от создания полотна до готового изделия», мемориальную комнату выдающейся вышивальщицы и сменную экспозицию работ современных крымских мастериц. В экспозиции музея представлено 357 предметов из фондов Крымского этнографического музея и 151 предмет, взятый на временное хранение у семьи В. С. Роик.

Площадка Музея стала тем местом, где проводятся мероприятия, связанные с популяризацией украинской культуры в Крыму и творчества В. Роик. Активное участие в этом принимал сын Веры Сергеевны – В. М. Роик, Украинская община Крыма и сотрудники Крымского этнографического музея [3, с. 152–156].

Таким образом, Музей украинской вышивки – это не только выставочный проект, направленный на создание, распространение и сохранение материального культурного наследия украинского народа, но и то место, где посредством культурных мероприятий развиваются творческие способности и прививается познавательный интерес к древнейшему направлению декоративно-прикладного искусства – вышивке.

Литература

1. Готовчиков Н. А. Феномен Веры Роик. – Симферополь, 2022. – 63 с.
2. Документальный архив Крымского этнографического музея.
3. Науменко Л. А. Наследие В. С. Роик // Песни, вышитые нитками: альбом вышивок и узоров Веры Роик. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2018. – С. 152–156.
4. Науменко Л. А. Этнокультурное наследие украинцев в Крыму: создание музея украинской вышивки им. В. С. Роик // Роль музеев в презентации и актуализации знаний по истории и культуре народов и национальных групп и осуществление межкультурной коммуникации. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2020. – С. 124–130
5. Роик В. С. Мелодии на полотне. Воспоминания. Вышивки. Отзывы. Симферополь. – КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2012. – 446 с.
6. Творчество В. С. Роик в контексте развития декоративно-прикладного искусства Украины. Материалы научно-практической конференции (апрель, 2006 г.). – Симферополь, 2012. – 111 с.

*Рис. 1. Рабочий момент создания экспозиции –
Мельниченко Е. А., Храмов А. В. Архив КЭМ*

*Рис. 2. Лаптев Ю. Н. с гостями открытия
Музея украинской вышивки. Архив КЭМ*

Рис. 3. Семья В. С. Роук. В центре В. М. Роук. Архив КЭМ

*Рис. 4. Экспозиционная группа. Слева направо – Храмов А. В.,
Науменко Л. А., Таратухина Е. Е., Лаптев Ю. Н., Павлюченко О. В.,
Мельниченко Е. А., Кравченко В. В., Лагода Е. А., Глазунова С. А.
Архив КЭМ*

И. А. Носкова

**МЕБЕЛЬ В ИНТЕРЬЕРЕ
НЕМЕЦКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ КРЫМА
В КОНЦЕ XIX — СЕРЕДИНЕ XX ВВ.
(НА ОСНОВЕ КОЛЛЕКЦИИ
КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)**

I. A. Noskova

**FURNITURE IN THE INTERIOR
OF THE GERMAN SETTLERS
OF THE CRIMEA AT THE END
OF THE 19 — MIDDLE OF THE XX CENTURIES
(BASED ON THE COLLECTION
CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM)**

Аннотация. В статье рассмотрены особенности меблировки в интерьерах домов немецких поселенцев Таврической губернии в конце XIX — середине XX вв. На основе коллекции Крымского этнографического музея, в исследовании также описано внутреннее убранство дома, дана краткая характеристика предметов мебели немецких поселенцев. Коллекция классифицирована по способам производства (кустарное и фабричное).

Ключевые слова: коллекция, немцы, Таврическая губерния, мебель, дерево, Крымский этнографический музей, материальная культура, экспозиция.

Annotation. The article discusses the features of furnishing in the interiors of the houses of German settlers in the Tauride province in the late XIX — mid XX centuries. Based on the collection of the Crimean Ethnographic Museum, the study also describes the interior of the house, gives a brief description of the pieces of furniture of the German settlers. The collection is classified according to the methods of production (handicraft and factory).

Keywords: collection, Germans, Tauride province, furniture, wood, Crimean Ethnographic Museum, material culture, wardrobe, table, chairs.

Путешественники и исследователи, посещавшие Крым в XIX в., неоднократно отмечали чистоту и опрятность домов немцев. Следует отметить две основные черты, характеризующие интерьер жилого помещения немецких поселенцев полуострова конца XIX — первой половины XX вв.: богатое разнообразие мебели (сундуки, стулья, столы, комоды, диваны, посудные шкафы) и многообразие декоративных вышивок. В частности, для интерьера были характерны настенные коврики, салфетки, скатерти, накомодники, а также надписи религиозного и нравоучительного содержания [1, с. 32].

В экспозиционном комплексе Крымского этнографического музея (далее – КЭМ) «Мозаика народов Крыма» (зал «Немцы») представлены фрагменты интерьеров кухни-столовой и гостиной комнаты (зала, «хорошей комнаты») (Рис. 1).

Как правило, помещения в трех-четырёхкомнатных домах крымских немцев были расположены не последовательно, а «крестом», вокруг печи. Гибридный тип печи («голландки» и «русской печи») делит пространство интерьера двух комнат в «немецком» экспозиционном зале КЭМ. Часто печи в домах немцев украшались незадействованным сюжетом в виде натюрморта или пейзажа. Поэтому представленная в экспозиции печь была украшена вазой с фруктами.

Неотъемлемым атрибутом мебели на немецкой кухне был посудный шкаф (буфет), а также стол и стулья. В буфете выставлялась посуда для повседневного пользования. Посудный шкаф в экспозиции датирован серединой XX в. [2]. Он был изготовлен мебельным мастером Георгием Яковлевичем Суппес, который после депортации из Крыма проживал в г. Карпинск Свердловской области. Шкаф темно-коричневого цвета состоит из двух частей. Верхняя часть представляет собой небольшой шкаф с двумя стеклянными дверцами. В нижней части слева расположены четыре выдвижных ящика с круглыми ручками, справа – один выдвижной ящик и дверца. Обе секции украшены фигурной резьбой и соединены между собой двумя шарообразными колонками.

Еще один посудный шкаф, бытовавший ранее в немецкой семье, хранится в фондах КЭМ [3]. Предмет кустарного производства, датируется серединой XX в. Также, как и экспозиционный вариант, буфет был украшен резными панелями и состоял из двух частей. Верхняя – со стеклянными дверцами для хранения посуды, отделанная по верху карнизом. Нижняя часть шкафа имеет глубокие глухие дверцы без ящиков. Интересная особенность – весь шкаф

был окрашен голубой масляной краской ПФ-115. В 1950-х — начале 1960-х гг., ввиду отсутствия большого выбора лакокрасочных материалов в СССР, старую мебель часто окрашивали алкидными эмалями в нехарактерные для дерева цвета.

В интерьере кухни (зал «Немцы») также представлен стол кустарного производства начала XX в., ранее бытовавший в семье крымских немцев. [4]. Предмет прямоугольной формы, окрашен в темный цвет. По широкому краю верхней части мебельного изделия расположен выдвигной ящик, углы столешницы закруглены. Фигурные ножки стола соединены между собой проногами. Предмет кустарного производства.

Обеденный стол представлен и в гостиной комнате «немецкой» экспозиции [5]. В отличие от «кухонного», он имеет круглую форму. Изготовлен на одной из фабрик Австро-Венгрии в конце XIX в., окрашен черной краской, сверху покрыт лаком. Ножки стола фигурные.

В мебельной коллекции немецких поселенцев присутствует два вида стульев. Особенно стоит отметить так называемый «венский» стул [6], изготовленный в 1910 г. Фонды музея он пополнил в 2006 г. за счет покупки у одного из крымских коллекционеров. Именно такая модель была очень популярна в немецких домах в конце XIX — начале XX в. «Венской» обычно называют мебель из гнутой под паром буковой древесины. Такую технологию в середине XIX в. изобрел австрийский мастер Михаэль Тонет, чья мебельная мастерская находилась в Вене. По структуре «венский» стул сборный, состоит из шести гнутых на пару деталей, десяти винтов и двух шайб. Популярность данного элемента мебели во многом была связана с легкостью, прочностью и удобством при транспортировке, простотой в употреблении и невысокой ценой. Привилегию на изготовление гнутой мебели получила австрийская фирма «Братья Тонет», которая вплоть до 1917 г. имела представительства в крупных городах России [7]. Множество предметов этой фабрики были в богатых домах немецких поселенцев Таврической губернии. Коллекционный стул изготовлен из светлой породы дерева, покрыт темным лаком. Форма спинки в виде двух перекрещивающихся дуг вверху и одной дуги внизу. Сиденье прямоугольной формы с закругленными углами. Слегка изогнутые и круглые в сечении ножки крепятся при помощи шурупов к нижней части стула.

В экспозиционном интерьере немецкой гостиной (залы) находятся еще два стула совершенно другой модели [8]. Предметы датируются серединой XIX в., были изготовлены в Германии, работа ручная. Спинка стульев резная с растительным орнаментом, отделка выполнена черной тисненой кожей. По краям спинки металлическая обивочная кнопка. Сидение трапециевидной формы, его оббивка черной тисненой кожей также по краям закреплена с помощью кнопок. Ножки в виде рустованных колонн с растительным орнаментом, по краям соединены проногами — передними боковыми и поперечными. Стулья изготовлены в стиле испанского барокко XVII в. и бытовали в богатой немецкой семье Крыма. Для музея эти предметы имеют большое значение, поскольку именно с них 10 декабря 1992 г. начался отсчет богатой немецкой коллекции КЭМ.

Еще один часто встречающийся в домах зажиточных немцев предмет — фисгармония. Этот музыкальный инструмент, в первую очередь, дополнял интерьер дома, а уже затем служил немецким поселенцам инструментом, под звуки которого во время воскресных чаепитий и рождественских праздников исполнялись народные песни. В экспозиции КЭМ «Мозаика народов Крыма» (зал «Немцы») представлена ножная фисгармония, произведенная в Санкт-Петербурге в конце XIX — начале XX вв. фирмой «Циммерман» [9]. Экспонат деревянный коричневого цвета в виде шкафчика с выступающей вперед черно-белой клавиатурой, с закрытой крышкой. Имеет подставку для нот, расположенную на стилизованном «балкончике» с башнями фигурной формы, в виде фигурной доски с резным орнаментом из двух веток с листьями [10].

Украшением гостиной комнаты (зал «Немцы») является детская колыбель-качалка, которая в 2004 г. была привезена из научной экспедиции в бывшую немецкую колонию Аблеш (ныне с. Пруды Советского района Республики Крым) [11]. Немцы использовали в быту как напольные люльки-качалки, наподобие крымскотатарского «бешика», так и подвесные люльки, бытовавшие в основном в семьях русских крестьян. Однако, крымские немцы в быту использовали, преимущественно, первый вариант детской кроватки. Коллекционная колыбель-качалка прямоугольной цилиндрической формы. Каркас люльки сделан из массива дерева, округлые стенки — из гнутой фанеры. Ножки — две изогнутые деревянные дуги-качалки, сделанные по типу полукру-

глых полозьев для удобства укачивания. В верхней части люльки, по бокам на каркасе, установлены небольшие деревянные ручки для качания. Колыбель покрыта коричневой краской. Экспонат датируется серединой 1930-х гг. и был выполнен на кустарном производстве.

Еще одна напольная детская колыбель-качалка, также бытовавшая ранее в семьях немецких поселенцев колонии Аблеш, хранится в фондах КЭМ [12]. Она выполнена из кованого железа. Визуально напоминает деревянный описанный выше экспонат. Металлическая колыбель-качалка после реставрации 2005 г. была окрашена в черный цвет. Состоит из прямоугольного основания и двух боковин. Последние украшены кованным орнаментом в виде завитков. Ножки каждой боковины прикреплены к дуге качалки.

Как правило, детская колыбель располагалась в интерьере спальни комнаты. Еще одним атрибутом такого помещения был платяной шкаф, в котором хранили постельное белье и одежду. В коллекции КЭМ такой платяной шкаф представлен в светло-коричневом цвете с двумя дверками [13]. В нижней части расположены два выдвижных ящика с металлическими ручками. Верх шкафа оформлен резным фронтоном, боковые стороны украшены вертикальными бордюрами. Экспонат датирован началом XX в. и пополнил немецкую коллекцию музея за счет закупки у симферопольского коллекционера С. А. Родионова. Платяной шкаф кустарного производства сегодня дополняет экспозицию «Эстонцы». Это не случайно, поскольку в начале XX в. эстонские поселенцы Крыма часто заказывали у немецких мастеров предметы мебели и всячески подражали немецким колонистам в ведении хозяйства и оформлении жилища [14].

Часто в спальню комнату возле кровати устанавливали туалетный столик. Такой предмет мебели хранится в фондах КЭМ. Изделие фабричного производства (Германия) начала XX в., ранее бытовало в семье немецких поселенцев [15]. Деревянный резной столик украшен рисунками в виде вставок с изображением барышень под стеклом. Внизу полочка на высоте 18 см. С трех сторон столика резная вертикальная планка высотой 4 см. К этой же стороне на двух фигурных ножках прикреплен еще один столик квадратной формы со стеклянным отверстием, круглой резной перемычкой и ажурным резным украшением. Предмет мебели покрыт морилкой, поверх нее лаком. Как правило, подобный туалетный столик счи-

тался излишеством и находился в основном в домах богатых немецких поселенцев.

Всего в коллекции мебели крымских немцев КЭМ собрано 16 предметов. Большинство из них закуплены у коллекционеров. Часть предметов пополнила коллекцию в результате научных экспедиций в бывшие села крымских немцев, которую проводил в период с 1992 по 2005 гг. научный сотрудник, а ныне директор Крымского этнографического музея Юрий Николаевич Лаптев. Все собранные в немецкой коллекции предметы мебели являются важным историко-этнографическим экспонатом, характеризующим традиционный быт немцев, проживавших на территории Крымского полуострова в XIX–XX вв.

Литература

1. Лаптев Ю. Н. Традиционная бытовая культура немцев в Крыму (XIX – 20-е гг. XX в.) // Немцы в Крыму. – Симферополь: «Таврия-Плюс». – С. 22–37.
2. Фонды Крымского этнографического музея. КП-2789, ИБ-1004.
3. Там же. НВ-2905.
4. Там же. КП-3901, ИБ-1799.
5. Там же. КП-3974, ДП-1866.
6. Там же. КП-3899, ИБ-1979.
7. Гайворонская О. Б. Венский стул конца XIX – начала XX вв. из фондов ГБУРК «Крымский этнографический музей» // Электронный ресурс: <http://ethnocrimea.ru/ru/stati-i-materialy/4638923873565.html>
8. Фонды Крымского этнографического музея. КП-15, ДП-8; КП-16, ДП-9.
9. Там же. КП-3460, ИБ-1480.
10. Шаврова Н. А. Немецкая фисгармония конца XIX – начала XX века из коллекции Крымского этнографического музея / Электронный ресурс: <http://ethnocrimea.ru/ru/stati-i-materialy/30052018-g-nemetskaja-fisgarmonija-kontsa-xix-nachala-xx-veka-iz-kollektsii-kollektsii-krymskogo-etnograficheskogo-muzeja.html>
11. Фонды Крымского этнографического музея. КП-10137, ИБ-5680.
12. Там же. КП-5385, ИБ-2232.
13. Там же. КП-3903, ИБ-1801.
14. Информатор Ирина Петручек (Сальман), председатель Общественной организации «Местная национально-культурная автономия эстонцев городского округа Симферополь» // Полевые записи И. А. Носковой, сделанные в период 2022–2023 гг.
15. Фонды Крымского этнографического музея. КП-1910, ИБ-794.

Рис. 1. Экспозиционный комплекс «Немцы Крыма».
Выставка «Мозаика культур Крыма». Из архива КЭМ

Э. Э. Османов

КВАРТАЛЬНАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ РЕМЕСЛЕННИКОВ БАХЧИСАРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

E. E. Osmanov

AREA SPECIALIZATION OF BAKHCHISARAY ARTISANS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Аннотация. Крымские татары традиционно занимались ремесленным производством, основанном на использовании местного и привозного сырья. К числу наиболее развитых видов производства принадлежала выделка кожевенных изделий и обработка металлов, главным образом холодного и огнестрельного оружия. Ремесленное кустарное производство Бахчисарая развивалось при ограниченном рынке и приняло форму замкнутых цеховых организаций, которые подробно нормировали условия труда и сбыта.

Ключевые слова: Бахчисарай, ремесленный центр, кожевенное производство, цеховые корпорации, ремесленное училище, квартальная специализация.

Annotation. This article analyzed the dynamics of growth and development as a major center of Bakhchisarai handicraft production, its specialization as a producer of copper utensils and tanning. Crimean Tatars supported the local traditions of craft production, based on the use of local and partly imported raw materials. The authors have identified the causes of demand for domestic and foreign markets. Masters distributed in various blocks according to the craft. Bakhchisaray began to lose its importance as a major craft center as craftsmen cannot compete with production in other cities.

Keywords: Bakhchisaray, craft center, master, leather production, craft corporations, trade school, area specialization.

Бахчисарай – бывшая столица Крымского ханства, с вхождением Крыма в состав Российской империи превратился в уездный город Таврической губернии. Значительная часть городского населения

занималась ремеслами и торговлей, в меньшей степени садоводством и огородничеством.

В городе насчитывалось 32 цеховые ремесленные корпорации. Бахчисарай являлся одним из главных ремесленных центров крымских татар и особенно ценился производством медной посуды и выделкой кож. Местные мастера вырабатывали прекрасные замши, шагрени, сафьяны. Бахчисарайские сафьяны имели самые разнообразные цвета: темно-бордовый, палево-желтый, красный, фиолетовый, черный, голубой, светло-зеленый, к тому же были мягкими как атлас. Самыми известными из кожевенных товаров были крымские седла, они отличались легкостью, удобством и красотой отделки. Их вывозили в больших количествах [8, с. 347].

Путешествовавший по Крыму в 1793 г. академик П. С. Паллас насчитал в Бахчисарае 13 кожевенных заводов, 24 обувных лавки, 23 лавки с татарскими ножами, 5 оружейных лавок, 7 лавок резчиков по дереву, 6 кузниц и др. [9, с. 57]. В 1847 г. в городе функционировало 7 водяных мельниц и 23 кустарных производства, в том числе 15 сафьянных фабрик, 8 свечных и мыльных заводов. Работало 113 башмачников, 44 столяра, 43 сапожника, 39 войлочников, 38 кузнецов, 34 медника и жестянщика, 30 бондарей, 17 шапочников и 16 портных [7, с. 243].

К середине XIX в. Бахчисарай начал терять свое значение как крупного ремесленного центра. Начиная с 1861 г. прослеживается разорение кустарного производства. Главная причина этого в самих ремесленниках, которые не выдерживали конкуренции с производствами в других городах. С 1899 по 1905 гг. число производственных точек уменьшилось с 326 до 258, причем общий оборотный капитал за это время увеличился.

Распространению и процветанию ремесел в Бахчисарае способствовало отсутствие иных занятий, дающих заработок большинству населения в торгово-промышленных городах. В Бахчисарае торговля была незначительной. Сами условия жизни заставляли население города искать средства к существованию в занятии ремеслами. Была необходима поддержка и возможность их развития. Таким средством могло стать ремесленное училище, которое не только обучало будущих мастеров, но и давало бы возможность существующим ремеслам совершенствоваться [1, л. 16]. Ради сокращения расходов первоначально предполагалось открыть училище с четырьмя мастерскими, через 5–6 лет число ремесел должно было

возрасти. Открытие в Бахчисарае ремесленного училища давно предполагалось местным самоуправлением, но не могло быть реализовано из-за нехватки средств. Экономическое состояние города, источники его доходов были незначительны. Их не хватало даже на покрытие обязательных расходов и самых неотложных нужд. Поэтому Городское Управление решило обратиться к помощи Правительства, не отказываясь при этом принять посильное участие в содержании училища, предоставив для этого помещение с отоплением и освещением, что соответствовало примерно 30% его содержания.

Учреждение ремесленных училищ было отнесено к ведению Министерства Народного просвещения, с расходами на устройство «школы слесарного мастерства» в 30 000 руб., со штатным содержанием в 2770 руб. заведующему и 600 руб. мастеру [4, л. 14].

В 1896 г. в одной из газет Городская Управа вывесила объявление о наборе 30 учеников не моложе 15 лет, с обязательным сроком обучения 4 года. В училище планировали открыть следующие специальности: столярно-плотничное, башмачно-сапожное, скорняжно-портняжное, выделки тонких кож сафьяна, замши и дубление. Обучение должно было быть бесплатным. Начиная со второго года обучения «половина средств от продажи изделий будет поступать в пользу ученика, в зависимости от выполненного им объема работы. Ежегодные испытания учеников в знании того или другого ремесла будут проходить в присутствии директора народных училищ, городского головы, попечителя училища, учителей» [5, л. 5].

В последней четверти XIX в. в Бахчисарае уже насчитывалось 577 торгово-промышленных заведений, в том числе 15 кожевенных заводов, 39 сапожных, 18 шорных, 17 шубных, 8 войлочных и 6 шапочных мастерских, 13 лавок с медной посудой, 9 бондарен и др. [6, с. 22].

Мастера распределялись по различным кварталам согласно видам ремесла. Вместо окон по всему фасаду шли ставни, запиравшиеся на ночь и открывавшиеся утром таким образом, чтобы верхняя часть образовывала навес, а нижняя – прилавок. Так, например, в кварталах Табана, Сырлы-Чешме и Абит-Эфенди концентрировалось наибольшее количество мастеров по выделке сафьяна. Изделия из кожи использовались для седла, упряжей и пр. Сафьян имел большой сбыт в Крыму, еще больше его продавалось за пределами полуострова. В Бахчисарае кожевенные заводы были построены вдоль р. Чурук-Су и начинались недалеко от Ханского дворца.

Здание завода обычно было двухэтажным, фахверковым. В начале XIX в. этим ремеслом занимались не менее 2 000 человек, к середине столетия их осталось 380, из них 130 в качестве рабочих. Способы и орудия выделки были устаревшими. Чтобы придать блеск уже окрашенному сафьяну, применяли валик грубого стекла, которым натиралась кожа. Для отделки таким способом куска небольшой кожи требовались не менее 1,5 часов усиленной работы. В среднем один рабочий мог выделать 2 бараньи или козьи кожи в течение рабочего дня. Такой отсталостью в способах выделки объяснялась невозможность конкуренции кустарного ремесла с фабричным производством и постепенное его сокращение [2, л. 2].

ФИО	Название квартала	Расположение
Темир Кая Кемаль-оглу	Абит-эфенди	в своем строении
Люман Аджи Неджмедин-оглу	Табана	в своем строении
Эбубекир Аджи Мурадасиль-оглу	Сырлы-Чешме	в своем строении

Сапожные мастерские располагались в таких крупных приходах, как Хан-Джами, Орта-Джами, Абит-Эфенди. В середине XIX в. мастеров и подмастерьев было 346 человек, к началу XX в. их осталось около 200. Для оборудования лавки сапожника нужно было не так уж много денег. Шили бахчисарайские сапожники мужские и женские сапоги, туфли, домашнюю обувь и др. [3, л. 3–6].

ФИО	Квартал	Расположение	Профессия
Абибулла Куртамет-оглу	Хан-Джами	в строении Смаила	сапожный мастер
Мустафа Сеит-Ягья-оглу	Хан-Джами	в строении Аджи Джелыла	башмачный мастер
Эмир Вели Сеит Мустафа-оглу	Хан-Джами	в строении Алима	сапожный мастер
Сале Сеттар-оглу	Хан-Джами	в строении Мамут Усеин-оглу	сапожный мастер

Михаил Емельянович Чернышев	Орта-Джами	в строении города	сапожный мастер
Сулейман Мемет-оглу	Хан-Джами	в строении вакуфа	сапожный мастер
Сима Эль Чифанов Аппак	Хан-Джами	в строении караимского вакуфа	сапожный мастер

Мастера шубники и шапочники занимались производством в кварталах Арслан-ага, Шах-Болат и Орта-Джами. В этом ремесле были заняты 67 человек. Часть из них занималась дублированием овчин, остальные – шитьем тулупов, полушубков и татарских шапок. В строении вакуфа: Усеин Умер-оглу, Осман Усеин-оглу. Собственное строение: Мемет Темирша-оглу и Абдураман Гафар-оглу. Аренда: Сеит Джелиль Сеит Сулейман-оглу (в строении А. Абкадыра), Халиль Мемет Эфенди-оглу, Али Самедин-оглу, Мемет Селямет-оглу и Сеит Сулейман Сеит Велиша-оглу (в строении Бекира Абла-оглу), Турецкоподданный Асан Мемет-оглу (в строении Эмир Вели) [3, л. 7–10].

Шорные и войлочные мастерские, а также золотых и серебряных дел мастера располагались в приходах Ени-Джами и Арслан-ага. Войлочное производство – «кийизджилер», широко использовавшегося в быту, являлось одним из основных и старейших кустарных промыслов крымских татар. За многие века своего существования войлоковаление практически не претерпело изменений. Выделка из войлока использовалась в качестве ковров. Для работы мастеру-войлочнику необходимо было довольно большое помещение, где можно было хранить и подготавливать к работе шерсть, кипятить воду, укатывать войлок. На данном производстве за год прибыль была свыше 30 тысяч рублей серебром. В Бахчисарае всего насчитывалось 12 войлочных заводов, на которых работало порядка 220 человек.

ФИО	Квартал	Расположение
Ягья Абдуль Керим-оглу	Ени-Джами	в своем строении
Али Ибраим-оглу	Ени-Джами	в строении вакуфа
Асан Мурадасиль –оглу	Арслан-Ага	строение Аджи Мустафа

Серебряных дел мастера изготовляли, преимущественно, татарские женские украшения: пояса, серьги, кольца. Особенно высок был спрос на экспорт изделий филигранного промысла. Филигрань представляет собой выделку, изготавливаемую из серебра, золота и мелких украшений. Каждое изделие украшается кружевным рисунком, сквозной выделкой, иногда в качестве украшения выбирается техника эмали [6, с. 76].

ФИО	Расположение	Профессия
Умер Аджи Халиль-оглу	в строении вакуфа	золотых и серебряных дел мастер
Велиша Аджи Селямий-оглу	в строении вакуфа	золотых и серебряных дел мастер
Ариф Халиль-оглу	в строении вакуфа	золотых и серебряных дел мастер
Шабан Ибраим-оглу	в строении вакуфа	золотых и серебряных дел мастер
Болат Ильмий-оглу	в строении вакуфа	золотых и серебряных дел мастер
Эреджеп Ибраим-оглу	в строении вакуфа	золотых и серебряных дел мастер
Абрам Яковлевич Акс, симферопольский мещанин	в строении караимского вакуфа	золотых и серебряных дел мастер
Яков Антонович Шигимонов	в городском строении	золотых и серебряных дел мастер

Лавки с медной посудой действовали во многих кварталах, но наибольшее количество их было в Хан-Джами, Ени-Джами и Арслан-Ага. Лавку медника «бакъырджы» среди других лавок можно было определить по звуку от удара молотка о медь. В самой же мастерской можно было видеть, как медники «из больших листов меди выковывают на вертикально вбитых в землю металлических брусках, оригинальной формы посуду: огромные тазы, кувшины и чашки, блюда с крышкой». Под действием молотка медь легко принимала нужную форму. Этот металл вытягивается, уплотняется, расплющивается, куется, имеет красивый крас-

новатый цвет. Правда медь окисляется, поэтому готовые изделия обычно покрывались оловом.

Много медной посуды в Крыму было в жилых домах, кофейнях, восточных банях. Изделия из металла украшены чеканкой, гравировкой, насечкой, ажурной и зубчатой резьбой, геометрическими, растительными, цветочными орнаментами, каллиграфическими надписями.

Мастера каретно-кузнечного ремесла располагались у въезда в старую часть города в кварталах Умм-Гульсум и Ени-Джами [3, л. 12–15]:

ФИО	Название квартала	Расположение
Рамазан Бекбав-оглу	Умм-Гульсум	в строении вакуфа
Аджи Мустафа Осман-оглу	Умм-Гульсум	в строении вакуфа
Ваджит Джелал-оглу	Умм-Гульсум	в строении М.Топалова
Григорий Мирошник, одесский мещанин	Умм-Гульсум	в своем строении
Митрофан Тарапин	Ени-Джами	в строении Аджи Сеитягъя
Дмитрий Тазинин	Ени-Джами	в строении Мумджи Али
Степан Балычев	Умм-Гульсум	в строении Аджи Османа
Николай Дмитриевич Волков	Умм-Гульсум	в своем строении
Герш Иосифович Щеголев, симферопольский мещанин	Ени-Джами	в строении Аджи Джеляла

Таким образом, во второй половине XIX в. ремесленное производство Бахчисарая развивалось интенсивно. Это проявилось как в возникновении новых, так и в усовершенствовании прежних традиционных ремесел. Однако постепенно значение кустарных промыслов падало, не выдерживая конкуренции с промышленным производством других городов.

Литература

1. ГАРК. Ф. 64, Оп. 1, Д. 456. О дозволении гражданам города Бахчисарая производить по планам новые постройки и перестройки старых домов, 1888 г., 8 л.
2. ГАРК. Ф. 64, Оп. 1, Д. 573. О разрешении владельцам города Бахчисарая производить новые здания и перестраивать старые, 1892 г., 5 л.
3. ГАРК. Ф. 64, Оп. 1, Д. 643. О доставлении губернскому статистическому комитету сведений по присланным формам о ремесленниках, 1892–1893 гг., 20 л.
4. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 688. Об открытии в городе Бахчисарае ремесленного училища, 1895 г., 14 л.
5. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1112. Об открытии в городе учебного мастерско-стационарного плотничного училища, 1902 г., 5 л.
6. Желтухина О. А. Крымские татары в XIX начала XX вв.: путеводитель по этнографическому отделу. – Симферополь: Домино, 2003. – 126 с.
7. История городов и сел УССР. Крымская область. – Киев, 1974. – С. 244.
8. Крым. Путеводитель. – Симферополь: Крымгосиздат, 1930. – Ч. 1. – 614 с.
9. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–94 годах. – М.: Наука, 1999. – 290 с.

Д. А. Прохоров

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ ЕВРЕЕВ-АШКЕНАЗОВ И КАРАИМОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ИСТОЧНИКАХ XIX ВЕКА

D. A. Prokhorov

TRADITIONAL COSTUME OF ASHKENAZI JEWS AND KARAITES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SOURCES OF THE 19TH CENTURY

Аннотация. Усиление интереса научной общественности к проблемам этногенеза, истории и культуры иудейских общин России приходится на вторую половину XIX в. Исследования по этому вопросу получили значительный импульс в связи с активизацией историко-краеведческого движения в России в целом и в Таврической губернии в частности. В контексте изучения культуры повседневности ашкеназских и караимских общин в публикации проанализированы нарративные источники XIX в., в которых приводится описание традиционного костюма евреев и караимов, а также причины его последующих трансформаций.

Ключевые слова: евреи-ашкеназы, караимы, Таврическая губерния, культура повседневности, традиционный костюм.

Annotation. The growing interest of the scientific community in the problems of ethnogenesis, history and culture of the Jewish communities of the Russia falls on the second half of the 19th century. Research on this issue received a significant impetus due to the activation of the local history movement in Russia in general, and in the Taurida province in particular. In the context of studying the culture of everyday life of the Ashkenazi and Karaite communities, the publication analyzed the narrative sources of the 19th century, which describe the traditional costume of the Jews and Karaites, as well as the reasons for its subsequent transformations.

Keywords: Ashkenazi Jews, Karaites, Taurida province, culture of everyday life, traditional costume.

В российских официальных источниках середины XIX в. приведена информация о том, что евреи-раввинисты, переселившиеся в Новороссийский край после разделов Польши, «говорят испорченным немецким языком, употребляемым у польских евреев и недавно носили ту же одежду. Теперь они находятся почти повсюду, занимаются торговлею, ремеслами, маклерством, а главное, водочною и другою питейною продажею. С некоторого, однако ж, времени занялись они и другими родами промышленности, содержанием почтовых станций и мелкими подрядами» [3, с. 104]. В соответствии с «Положением» о евреях 1835 г. (и дополнявшим его указом от 1 мая 1850 г.), им повсеместно воспрещалось ношение традиционной национальной одежды, а женщинам-еврейкам запрещалось брить головы; за нарушение этого правила грозил штраф до 5 рублей серебром. Пункт 10 «Положения» гласил, что «во время же самого пребывания за чертой, евреи, кроме тех же случаев, обязаны носить одежду, употребляемую в местах временного пребывания, без всякого отличия от прочих обитателей одинакового с ними гражданского состояния». В 1840 г. власти приняли окончательный запрет на ношение еврейской одежды, и евреи должны были сменить её на «общую, в государстве употребляемую, сообразно с состоянием, к которому они принадлежат». Евреи Царства Польского, проживавшие в северо-западных губерниях России, направлявшиеся в губернии вне «черты оседлости», обязаны были носить одежду, «употребляемую христианскими жителями», как это декларировалось законом от 27 февраля 1851 г. [12, с. 310; 14, с. 266–267].

Традиционный костюм еврея-ашкеназа в странах Восточной Европы сформировался в XVI–XVIII вв. и был идентичен одежде горожанина: полотняная или холщовая рубашка, штаны до колена, белые чулки, жилет (*вестл*, *шпенцер*) и черный шелковый или кожаный плетеный пояс с кистями (*гартл*). В России до 1845 г. одежда еврея состояла из длиннополого кафтана (*капоте* или *бекеше*), который подпоясывался широким кушаком. В качестве головного убора использовалась ермолка (*кепл*, *ярмолке*), меховая шапка (*сой-блхут*, *итраймл*) или же отделанная мехом шляпа с плюшевым основанием (*сподек*). На ноги одевали чулки (*зогны*), а в качестве обуви использовали туфли без задника (*пантофли*) [6, с. 246–252].

Информативным выглядит описание деталей и особенностей повседневной одежды одесских евреев-ашкеназов, относящееся к

40-м гг. XIX в.: «Костюм одесских евреев вовсе не схож с костюмом евреев литовских. Те носят длинное полукафтанье, унизированное от шеи и до пояса сплошными металлическими белыми крючками и петлями, обложенные довольно широкими черного бархата полосами или тесьмами, в два или три ряда, сверх коего, выходя из дома, надевают черные шелковые или суконные мантии без рукавов, длинные до самых пяток, без воротника, с длинными тесьмами и кутасами, завязывающимися спереди, всегда в белых шерстяных чулках и в башмаках, нередко с пряжками». Женщины-еврейки носили на головах род продолговатых тюрбанов, выдающихся немного вперед: выходя на улицу, они покрывали головной убор полотняными или миткалевыми покрывалами. «Скрывая все волосы, плотно обхватывая открытое лицо и зашливаясь под подбородок, они [покрывала] падают до самой земли и называются *шпрейдухи*. Обуваются еврейки не в ботинки или красивые башмачки, а в туфли без задка, на высоких каблуках, которыми, ударяя о мостовую, с товарами под мышкою, с аршином в руках, предуведомляют о своем приближении на далекое расстояние» [9, с. 3]. Относительно же занятий женщин-евреек сообщалось, что «женский пол в Одессе обыкновенно занимается хозяйством, не промышленяет, не купечествует, поэтому хлопотливых евреек встречают только на базаре и в мелочных лавках» [9, с. 3].

О евреях Таврической губернии в официальных источниках XIX в. писали, что «нельзя не заметить их сильного стремления выйти из племенной замкнутости и слиться с господствующим русским населением. Каждому известно стремление здешних евреев говорить по-русски, так что часто встречаются еврейские семьи, дети которых едва знакомы с еврейским языком. С другой стороны, о характерном еврейском костюме, бритых головах замужних евреек и других наружных отличиях западных евреев здесь ничего неизвестно; здешние евреи по костюму ничем не отличаются от остального городского населения <...> здешние раввины далеко не похожи на фанатиков раввинов западных губерний» [15, с. 516–517].

В дальнейшем повседневный городской костюм евреев-ашкеназов существенно трансформировался, практически утратив национальную идентичность. Это произошло не в последнюю очередь после принятия в 40–50-х гг. XIX в. соответствующих постановлений о запрещении ношения евреями национальной одежды.

Что касается крымских караимов, в конце XVIII — начале XIX вв. их основными занятиями оставалась торговля, садоводство, ремесленное производство и ростовщичество. Большинство караимов специализировались на торговле и ремеслах — в основном на кожевенном, кузнечном и керамическом производстве, соледобыче, на солеварении и ювелирном деле. Наиболее многочисленной и состоятельной по праву считалась караимская община Евпатории, а её представители занимались «внутреннюю и заграничную торговлею, имея постоянные связи с Константинополем и пользуясь там особенным приемом» [1, с. 180]. В Евпатории и Бахчисарае караимские общины были вторыми по количеству жителей после крымских татар. До начала XIX в. в «пещерном городе» Чуфут-Кале насчитывалось до 700 жителей-караимов [1, с. 180]. По сведениям, приведенным русским ученым и этнографом Н. И. Надеждиным, в Бахчисарае вся торговля была сосредоточена в руках караимов: «... обитатели отделенного подоблачного предместья, известного под именем Чуфут-Кале, которые ежедневно, с рассветом утра спускаясь в город, а к ночи возвращаясь в свое птичье гнездо на тощих, ленивых ослах, придают картине еще больше оригинальности, они разнообразят её живостью своих физиономий, наследственную у сынов Израиля и противоположно величавому покою мусульман, от которых, впрочем, они почти не отличаются костюмом» [10, с. 376].

Описание традиционного одевания караимов приведено в несколько раз переизданной публикации «Память о Чуфут-Кале» бахчисарайского и чуфут-кальского караимского газзана Шеломо бен Авраама Бейма (1817–1867), который также занимался археологическими и этнографическими исследованиями в рамках работы ряда российских научных обществ. В частности, он констатировал, что «усвоенные караимами костюмы, мужские и женские, гражданские и церковные, бывают различны и представляют смесь татарского со славянским; цвет одежды, любимый караимами, обыкновенно кофейный, зеленый и синий; а красный, белый и другие цвета они употребляют редко; обыкновенные принадлежности их одежды: чистота, простота и отсутствие излишних украшений. Притом они стараются всегда подражать своими обрядами и обычаями господствующим народам, среди которых они живут покорно и миролюбиво». И далее он продолжал (уже наставительно, обращаясь к караимской молодежи): «Желательно бы было, чтобы

красивый и экономный костюм караимов, который они носят до настоящего времени, не изменялся и не уступал моде, влекущей за собою лишние расходы и нравственную порчу» [2, с. 62].

«Все эти караимы, — заключал один из авторов историко-этнографического описания караимов, проживавших в Таврической губернии, — придерживаются вообще обычаев Татарских: одеваются совершенно по-татарски, и, как татары, в молодости бреют бороду, а в возмужалом отпускают <...> в домашнем быту употребляют особое наречие языка татарского» [8, с. 100]. В этом нарративе, напечатанном в 1844 г. в «Курских губернских ведомостях», частично продублированы сведения, опубликованные годом ранее в «Журнале министерства народного просвещения» директором Одесского еврейского училища Бецалелем Штерном [7, с. 110–113].

Относительно караимов, проживавших в западных губерниях Российской империи, в частности, в Виленской и Ковенской губерниях, в том же источнике указывалось, что «из них только старики носят еще бороды, но одеваются они как туземные мещане христианской веры, то есть по-польски», а представители молодого поколения сбрасывали бороды и носили общее европейское платье [8, с. 100]. Что касается основных занятий литовских караимов, то в их числе упоминались огородничество, торговля и мелкие подряды [4, с. 46]. Многие караимы занимались ростовщичеством: «...и по сие время зажиточные люди этого общества не оставляют этого прибыльного промысла; и отдавая свои капиталы в рост, в обеспечение их берут у своих должников в арендное содержание мельницы, корчмы, а чаще всего ссудят под заклад движимого имущества» [11, с. 37–38]. Караимы Волынской губернии, проживавшие, в основном, в Луцке (о них был сделан вывод, что они невежественнее и беднее единоверцев), носили бороды и пейсы, а одевались так же, как и литовские караимы; представители же караимской общины Галича в Австро-Венгрии «наружностью были схожи с караимами Волынскими», а занимались, преимущественно, торговлей лошаадьми [8, с. 100–101].

Содержательными источниками по изучению прошлого крымских караимов являются различные травелоги, географические описания, записки и реляции дипломатов и послов, в разное время и с различными целями посетивших Крымский полуостров. Среди авторов подобных нарративов Ш. Пейсонель, Ж. Ромм, Ф. де Тотт,

П. С. Паллас, Э. Кларк, М. Холдернесс и многие другие. Встречающиеся в их сочинениях сведения в большинстве своем носят субъективный характер, и зачастую грешат многочисленными неточностями. Однако, ценность данных трудов состоит в том, что на их страницах встречается описание традиционного караимского костюма, практически не претерпевшего за несколько столетий со времен средневековья существенных изменений.

Важно упомянуть и об источниках иллюстративного характера, отражающих эволюцию костюма крымских караимов. В 1837 г. известный филантроп и общественный деятель А. Н. Демидов организовал научную экспедицию. Одним из её участников стал французский художник Д.-О.-М. Раффе, выполнивший 64 литографии, изображающих быт, одежду, обычаи и традиции этносов Крыма, в том числе и крымских караимов [5]. В 1862 г. увидела свет книга Г.-Ф. Х. Паули «Этнографическое описание народов России» [16], где приведены изображения евреев и караимов в национальной одежде. В книге Ж. Х. Рауля «Несколько народных типов России» (1878) опубликованы фотографии типов населения Российской империи, среди которых встречаются фотографические изображения евреев Новороссийской, Херсонской, Бессарабской губерний, а также Одесского градоначальства [13].

Таким образом, нарративы XIX в., в которых приводится описание традиционного костюма евреев и караимов, а также их быта, культурных особенностей и религиозных обычаев, являются важным информативным источником по изучению элементов культуры повседневности евреев-ашкеназов и караимов Российской империи, и позволяют проследить причины последующих трансформаций.

Литература

1. А. Ш. О караимах, преимущественно живущих в Евпатории // Новороссийский календарь на 1839 год. – Одесса: гор. тип., 1838. – С. 179–182.
2. Бейм С. Память о Чуфут-Кале. – Одесса: Тип. Х. Алексомати, 1862. – 82 с.
3. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м Отделении Департамента Генерального штаба. – Т. XI, Ч. 2: Таврическая губерния. – СПб.: тип. Генерального Штаба, 1849. – [6], 225, 50 с.
4. Григорьев В. В. Еврейские религиозные секты в России // ЖМВД. – 1846. – Ч. XV. – С. 11–49.

5. Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. – М.: тип. А. Семена, 1853. – [2], 543 с.

6. Евреи / отв. ред. Т. Г. Емельяненко, Е. Э. Носенко-Штейн. – М.: Наука, 2018. – 783 с.

7. [Штерн Б.] Евреи-караимы // ЖМНП. – 1843. – Ч. 39, № 7, отд. 6. – С. 110–113.

8. Евреи Караимы // Курские губернские ведомости. – 1844. – № 10. – 4 марта. – С. 99–104.

9. Маркевич. Замечания на статью г. Финкеля об одесских евреях // Одесский вестник. – 1843. – № 49. – 19 июня. – С. 1–4.

10. Надеждин Н. И. Русская Алгамбра // Одесский альманах на 1839 г. – Одесса: гор. тип. 1839. – С. 371–487.

11. [Перлштейн А.] Древние привилегии литовско-волинских караимов, извлеченные из актов замка Луцкого, сообщ. Перлштейном // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. – М.: Университетская тип., 1853. – Кн. 16. – С. 37–53.

12. ПСЗРИ. Собр. 2. – СПб.: тип. Отд-ия Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. – Т. 10, Отд. 1.

13. Рауль Ж. Несколько народных типов России. – Одесса: лит. Г. Бекеля, [1878]. – Ч. II. – 78 с.

14. Свод законов Российской империи. – Т. 11. Ч. I.: Уставы духовных дел иностранных исповеданий. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1857. – 266 с.

15. Труды губернских комиссий по еврейскому вопросу Ч. 2: Харьковская, Екатеринославская, Киевская, Таврическая, Волинская, Бессарабская, Полтавская, Херсонская, с Одесским градоначальством, и Подольская. – СПб.: тип. Министерства Внутренних Дел, 1884. – X, 1242, 127 с.

16. [Pauly Th., de] Description ethnographique des peuples de la Russie. Par T. de Pauly. Publie a l'occasion du jubile millenaire de l'Empire de Russie. – Saint-Petersbourg: F. Bellizard Publ., 1862. – XIV, 72 p.

Рис. 1. Еврейские купцы и торговцы Одессы («Поездки по России» 1837 год, худ. О. Раффе)

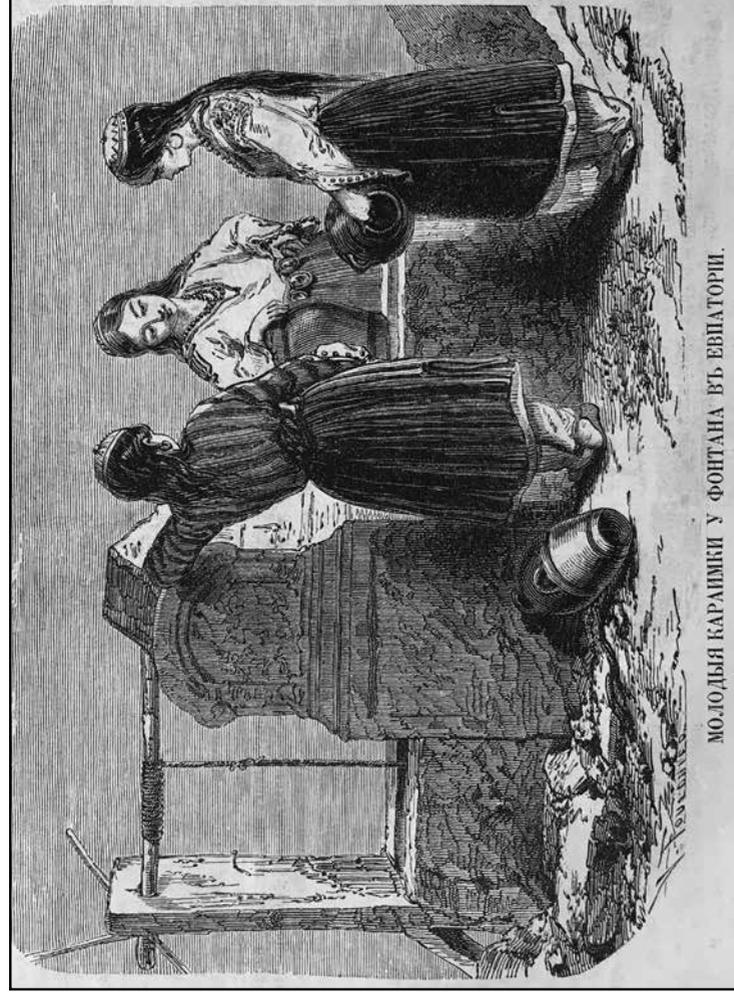

Рис. 2. Молодые караимки у фонтана в Евлатории (рисунок из «Иллюстрация. Всемирное обозрение», февраль 1859 г.)

М. А. Пуздровская

**КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕДМЕТОВ БЫТОВОЙ
И КУХОННОЙ УТВАРИ БЕЛОРУСОВ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА,
ПЕРЕДАННАЯ В ДАР КРЫМСКОМУ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ МУЗЕЮ В 2022 ГОДУ**

М. А. Puzdrovskaia

**COLLECTION OF HOUSEHOLD
AND KITCHEN UTENSILS OF BELARUSIANS
OF THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY,
DONATED TO THE CRIMEAN
ETHNOGRAPHIC MUSEUM IN 2022**

Аннотация. В статье представлен обзор предметов бытовой и кухонной утвари белорусов первой половины XX века, переданных Общественной организацией «Региональная национально-культурная автономия белорусов Республики Крым «Белорусы Крыма». Коллекция систематизирована на основе тематического классификатора этнографических памятников, разработанного сотрудниками Российского этнографического музея. В научный оборот введены ранее не публиковавшиеся материалы из фондов музея.

Ключевые слова: белорусы, восточные славяне, бытовая и кухонная утварь, народные ремесла.

Annotation. The article presents an overview of household and kitchen utensils of Belarusians of the first half of the XX century, donated by the Public Organization «Regional National and Cultural Autonomy of Belarusians of the Republic of Crimea «Belarusians of Crimea». The collection is systematized based on the use of a thematic classifier of ethnographic monuments developed by the staff of the Russian Ethnographic Museum. Previously unpublished materials from the museum's funds have been introduced into scientific circulation.

Keywords: Belarusians, Eastern Slavs, household and kitchen utensils, folk crafts.

В рамках акции «Подарок музею» в мае 2022 г. собрание Крымского этнографического музея пополнила коллекция предметов бытовой и кухонной утвари белорусов первой половины XX в. Она была передана в дар музею Общественной организацией «Региональная национально-культурная автономия белорусов Республики Крым «Белорусы Крыма».

Данная акция проводится с января 2017 г. За этот период жители и гости Крыма передали в дар Крымскому этнографическому музею около 1500 различных предметов, характеризующих особенности материальной и духовной культуры русских, украинцев, чехов, крымских татар, армян, греков и других народов, проживающих на полуострове. В 2022 г. впервые в истории музея в его фонды единовременно поступило 80 предметов бытовой и кухонной утвари белорусов. В настоящей статье приводится описание 51 предмета из данной коллекции.

Белорусская диаспора является одной из крупнейших в Крыму, занимая четвертое место после русских, украинцев и крымских татар. Белорусы оказали значительное влияние на развитие сельского хозяйства Крыма. Исследователи выделяют их лучшие качества – трудолюбие и полезность.

История появления белорусов на территории Крыма прослеживается с конца XVIII в. После присоединения полуострова к России в 1783 г. среди первых русских поселенцев были белорусы. В последующие годы сюда переселяются крепостные крестьяне из Могилевского наместничества, вольные военные люди «панцирных бояр», а также малоземельные крестьяне из различных губерний с целью освоения изобильных и плодородных крымских земель. На протяжении XIX в. в Крыму появлялись белорусские переселенцы из числа отпущенных на волю крестьян после отмены крепостного права, а также отставные солдаты, оставшиеся здесь после окончания Крымской войны. В 1944 г. переселение белорусов было связано с необходимостью восстановления хозяйства и заселения Крыма после освобождения от немецко-фашистских захватчиков. Также в 50-е гг. XX в. образовался новый поток переселенцев, за счет которого сформировалась основная масса современного белорусского населения Крыма. Местами их компактного проживания стали ряд сел Симферопольского (с. Широкое), Красногвардейского (с. Марьяновка), Красноперекопского (с. Ишунь и с. Воинка) и других районов полуострова [5, с. 41–42].

Согласно данным переписи 1897 г., в графе «белорусы» числилось 2058 человек. Перепись 1989 г. зафиксировала 50007 человек, а в 2014 г. 21694 человека идентифицировали себя белорусами [3, с. 433, 441, 445].

В Крыму они занимались сельским хозяйством, садоводством, табаководством, «отхожими» промыслами (рубкой дров, ломкой камня, выжиганием древесного угля). Традиционным занятием белорусов являлось плетение из соломки и лозы.

В настоящее время белорусы Крыма имеют две общественные организации – «Региональную национально-культурную автономия белорусов Республики Крым «Белорусы Крыма» и «Белорусскую общину Крыма». Объединения белорусов ведут активную работу по сохранению и развитию национальной культуры, языка и обычаев своего народа. С целью популяризации собственной культуры среди широких масс и обогащения белорусской коллекции Крымского этнографического музея представители общины передали в фонды музея коллекцию бытовой и кухонной утвари.

Согласно классификатору этнографических памятников Российского этнографического музея, в новой коллекции Этнографического музея можно выделить следующие тематические группы предметов: хозяйственная деятельность и ремесла, культура жизнеобеспечения (утварь) [4, с. 64–82].

Хозяйственная деятельность белорусов отображена в данной коллекции через традиционные орудия для уборки урожая – серпы (3 ед. хр.; ВХ-2637/1, ВХ-2637/2, ВХ-2637/3), и обработки земли – мотыга (ВХ-2637/4) и мотыга трехзубая (ВХ-2637/4). Для обмола зерна зерновых культур использовался цеп (ВХ-2637/6) [7]. Этот комплекс сельскохозяйственных орудий труда ясно подчеркивает, что основным занятием белорусов традиционно было земледелие (Рис. 1).

Изготовление тканей на ткацких станках являлось одним из наиболее распространенных ремесел у многих народов, в том числе и у белорусов. Основным сырьем для ткачества в домашних условиях были лен, конопля и овечья шерсть. Весь процесс проходил в домашнем хозяйстве.

Народные ремесла характеризуют разнообразные орудия труда для обработки льна. Для оббивания созревших льняных головок использовался пральник (КП-9935, ИБ-5492). В дальнейшем лен мяти и трепали с помощью специального орудия – трепала (2

ед. хр.; КП-9932, ИБ-5489; КП-9933, ИБ-5490). Чесали волокно гребнем, изначально деревянным с вырезанными на нем зубьями, позднее появилась чесалка с металлическими зубьями (КП-9939, ИБ-5496). Прядение осуществлялось с применением механической самопрялки (КП-9940, ИБ-5497), приводимой в движение с помощью педали и колеса. Также использовали веретено (КП-9941, ИБ-5498) – небольшой деревянный предмет цилиндрической формы для изготовления пряжи. Изготовление тканей в домашних условиях выполнялось на ткацком станке. Бёрдо (2 ед. хр.; КП-9942, ИБ-5499; КП-9943, ИБ-5500) представляет собой приспособление в виде частого гребня. «Зубцы» бердышек изготавливались из дранки, тонких деревянных щепочек одинаковой толщины и правильной формы, скрепленных на концах с помощью палочек, длина которых равнялась длине бёрда. «Зубцы» расположены на одинаковом расстоянии друг от друга, равном толщине нити, которая использовалась для основы. Челнок с цевкой (2 ед. хр.; КП-9944, ИБ-5501; КП-9945, ИБ-5502), катушка с нитью, являлись частью ткацкого станка. Наматывание нитей на цевку осуществлялось при помощи специального приспособления – скально (КП-9946, ИБ-5503) [1].

Важную роль в хозяйстве белорусов играло овцеводство. Овцы давали необходимое сырье для домашних промыслов: овчину на кожу и шапки, шерсть на ткани, вязаные и валяные изделия. Валяльным промыслом занимались во многих хозяйствах. Сукносырец для мягкости и прочности валяли с помощью ручных приспособлений. Сукно топтали босыми ногами в корыте или на полу, толкли толкачом в ступе, мяти на ребристой поверхности в ручных «валюшах» различной конструкции, например, использовали большой деревянный рубель для валяния шерсти (КП-9947, ИБ-5504). При этом сукно смачивали горячей водой. Такой трудоемкий процесс обычно выполняли коллективно в осеннее и зимнее время (Рис. 3).

Широко распространенным домашним ремеслом среди белорусов было плетение. Из лозовых прутьев плели корзины (КП-9948, ИБ-5505), из бересты делали лапти (пара) (КП-9949, ИБ-5506) (Рис. 2).

В сельской среде наибольшее развитие получила деревообработка. В деревнях существовало до 30 ремесленных профессий, связанных с обработкой дерева, в том числе плотницкое и столярное дело, бондарное и токарное ремесло. Столяры использовали

рубанки (3 ед. хр.; ВХ-2637/11, ВХ-2637/12, ВХ-2637/13) – ручной деревообрабатывающий инструмент для строгания, фуганки (2 ед. хр.; ВХ-2637/14, ВХ-2637/15) – разновидность рубанка, которую использовали, чтобы выровнять поверхность большого размера, зензубели (3 ед. хр.; ВХ-2637/16, ВХ-2637/17, ВХ-2637/18) – столлярный и плотницкий инструмент, также разновидность рубанка, предназначенный для чистовой обработки прямоугольных срезов, фальцев, четвертей на досках, брусках и рейках. Начерно фальцы формировали фальцгебелем (2 ед. хр.; ВХ-2637/19, ВХ-2637/20), который отличался от зензубеля наличием бокового упора, позволявшего отбирать ровные фальцы относительно кромки заготовки.

Бондарное ремесло преобладало в форме кустарного промысла. Бондари работали преимущественно на заказ и на местный рынок. Изготавливали бочки и посуду из дубовой, сосновой, еловой и осиновой клепки. Бондарное ремесло в коллекции музея представлено полукруглым скобелем (ВХ-2637/21) – орудием плотников и столяров в виде изогнутого ножа с рукоятями на концах, предназначенным для сдирания коры с бревен и их первичного обстругивания, круглыми (2 ед. хр.; ВХ-2637/22, ВХ-2637/23) и полукруглыми (ВХ-2637/24) скобелками, использовавшимися для выравнивания внутренних поверхностей бондарной посуды, особенно в стыках клепок (в отличие от скобеля, скобелки имеют одну ручку), и коловоротом (ВХ-2637/25) – ручным инструментом для сверления отверстий в дереве [2] (Рис. 4).

Наличие большого количества глины в Крыму способствовало развитию гончарства. Посуду формовали на ножном гончарном круге, обжигали в горнах или домашней печи и подвергали декоративной обработке. В нашей коллекции представлены два вида гончарных глазурованных изделий – крынки для молока (3 ед. хр.; КП-9925, ИБ-5482; КП-9926, ИБ-5483; КП-9927, ИБ-5484) и горшок-опарница (КП-9928, ИБ-5485), в котором готовилась опара под кислое тесто (Рис. 2).

Всего группа предметов хозяйственной деятельности и ремесел в коллекции Крымского этнографического музея насчитывает 39 единиц хранения.

В домашнем хозяйстве пользовались разнообразными предметами, изготовленными из металла и дерева. Группу бытовой и домашней утвари составляют 12 ед. хр.: хват (ВХ-2637/7), кочерга (ВХ-2637/8), безмен-кантарь (ВХ-2637/9), утюг угольный (ВХ-2637/10)

и рубель (КП-9936, ИБ-5493) – приспособление для разглаживания холста (Рис. 1). К кухонной утвари можно отнести деревянные корыта (3 ед. хр.; КП-9929, ИБ-5486; КП-9930, ИБ-5487; КП-9931, ИБ-5488;) – открытые продолговатые емкости из дерева с округленными стенками, предназначенные для различных бытовых нужд, стирки белья, шинковки капусты, замеса теста, деревянную ступку (ВХ-2637/26), деревянный пест (КП-9937, ИБ-5494), толкушку (КП-9938, ИБ-5495), кухонную лопатку (КП-9934, ИБ-5491) для приготовления вторых блюд [6] (Рис. 2).

Таким образом, собрание Крымского этнографического музея пополнилось предметами, отражающими особенности хозяйственной деятельности, ремесел и культуры жизнеобеспечения белорусов первой половины XX в. Эта коллекция предметов имеет хорошую сохранность и большое историко-культурное значение.

Литература

1. Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. – М.: Издательство АН СССР, 1956. – С. 461–542.
2. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
3. Народы Крыма. Фотоальбом / ред.-сост. Ю. Н. Лаптев. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2016. – 448 с.
4. Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология: Справочник: в 2-х кн. Кн. 1. Общая методика атрибуции этнографического памятника. Классификаторы. Понятийные словари. – СПб.: Нестор-История, 2017. – 524 с.
5. Энциклопедия народов Крыма. — Симферополь: Доля, 2016. – 256 с.
6. Этнография Беларуси: энциклопедия. – Минск: Беларуская савецкая энцыклапедыя імя Пётруся Бровкі, 1989. – 575 с.
7. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. – М.: Наука, 1987. – 556 с.

Рис. 1. Крымский этнографический музей. Коллекция белорусов:
 1 – безмен (ВХ-2637/9); 2 – серп (ВХ-2637/1); 3 – кочерга (ВХ-2637/8);
 4 – рубель (КП-9936); 5 – утюг угольный (ВХ-2637/10);
 6 – мотыга трехзубая (ВХ-2637/4); 7 – цеп (ВХ-2637/6);
 8 – ухват (ВХ-2637/7); 9 – мотыга (ВХ-2637/4)

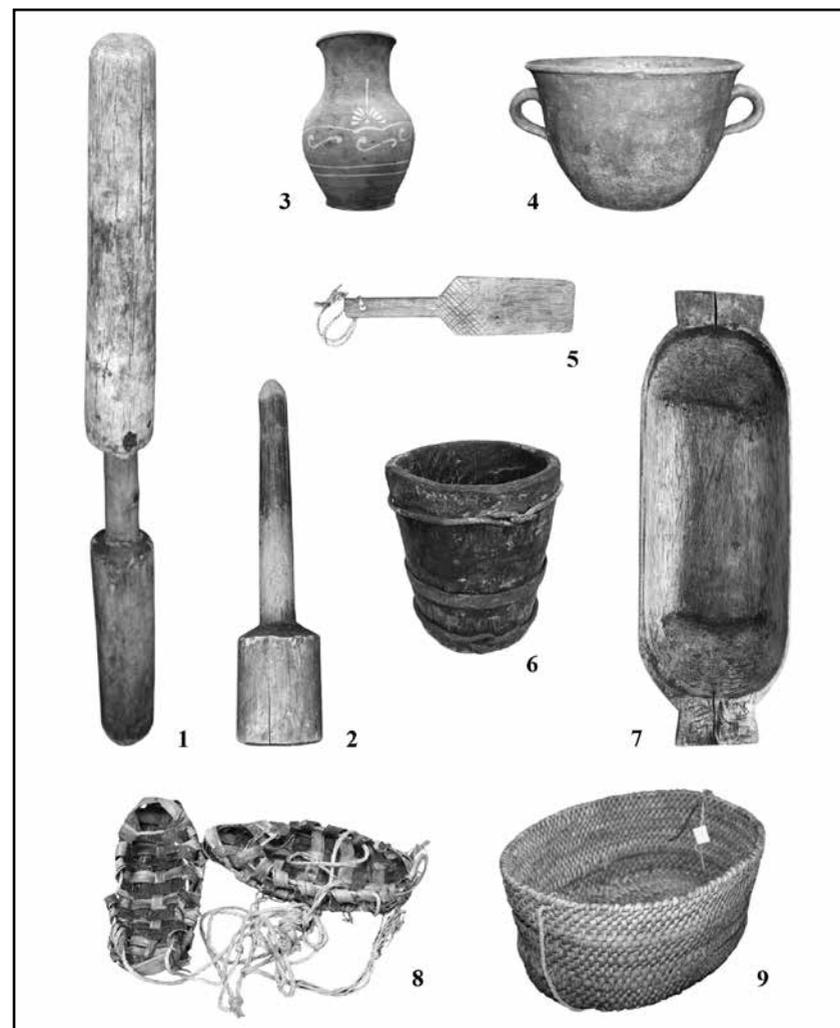

Рис. 2. Крымский этнографический музей. Коллекция белорусов:
 1 – пест деревянный (КП-9937); 2 – толкушка (КП-9938); 3 – крынка для
 молока (КП-9926); 4 – керамический горшок (опарница) (КП-9928);
 5 – лопатка кухонная (КП-9934); 6 – деревянная ступка (ВХ-2637/26);
 7 – деревянное корыто (КП-9930); 8 – лапти (пара) (КП-9949);
 9 – корзина плетеная (КП-9948)

Рис. 3. Крымский этнографический музей. Коллекция белорусов:
 1 – рубель для валяния шерсти (КП-9947);
 2 – чесалка с металлическими зубьями (КП-9939); 3 – трепало (КП-9932);
 4 – челнок с цевкой (КП-9944); 5 – скально (КП-9946);
 6 – пральник (КП-9935); 7 – веретено (КП-9941);
 8 – бёрда (КП-9942, КП-9943); 9 – самопрялка (КП-9940)

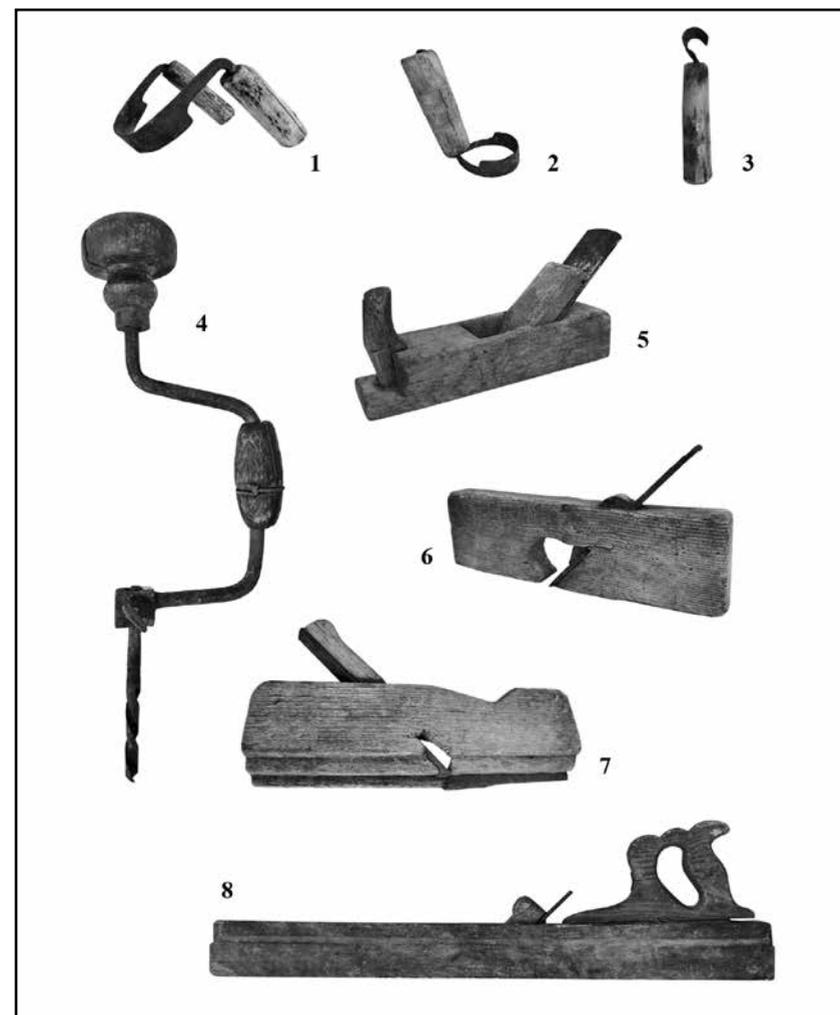

Рис. 4. Крымский этнографический музей. Коллекция белорусов:
 1 – полукруглый скобель (ВХ-2637/21);
 2–3 – круглая и полукруглая скобели (ВХ-2637/23; ВХ-2637/24);
 4 – коловорот (ВХ-2637/25); 5 – рубанок (ВХ-2637/12);
 6 – зензубель (ВХ-2637/16); 7 – фальцгебель (ВХ-2637/20);
 8 – фуганок (ВХ-2637/15)

V. L. Ruev

**ПОМЕЩИЧЬЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В КРЫМУ
В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XX ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ ЯГМУРЧИНСКОЙ ДАЧИ
У СИМФЕРОПОЛЯ)**

V. L. Ruev

**THE LANDLORDS' ESTATES IN THE CRIMEA
AT THE END OF THE XVIII — EARLY XX CENTURIES
(ON THE EXAMPLE
OF THE YAGMURCHINSKAYA ESTATE
NEAR SIMFEROPOL)**

Аннотация. На примере Ягмурчинской дачи у Симферополя демонстрируются особенности развития помещичьего землевладения после присоединения Крыма к России в 1783 г., до его упадка к началу XX в. вследствие земельной реформы 1861 г. Сделан вывод о том, что формирование помещичьего землевладения в Крыму после 1783 г. является продолжением традиций Крымского ханства. Поэтому изучение поместной системы Крыма конца XVIII — начала XX вв. может дать важные сведения для реконструкции культурных ландшафтов и исторической географии Крымского ханства.

Ключевые слова: Крым, Крымское ханство, Российская империя, поместье, дача, Симферополь, Ягмурча, Ланг, Муромский.

Annotation. Using the example of the Yagmurchinskaya estate near Simferopol, the author demonstrated the peculiarities of the development of landowner land ownership after the annexation of the Crimea in Russia in 1783 until its decline by the beginning of the XX century due to the land reform of 1861. It is concluded that the formation of landowner land ownership after 1783 in the Crimea is a continuation of the traditions of the Crimean Khanate. Therefore, the study of the local system of the Crimea of the late XVIII — early XX centuries can provide important data for the reconstruction of cultural landscapes and historical geography of the Crimean Khanate.

Keywords: the Crimea, Crimean Khanate, Russian Empire, estate, dacha, Simferopol, Yagmurcha, Lang, Muromsky.

Словарь Брокгауза и Ефрона определяет термин «дача» как «единицу генерального межевания, пространство земли, обведенное при генеральном межевании круговыми межами и приуроченное не к именам владельцев, но к именам сел, деревень и пустошей. Происхождение этого названия коренится в поместной системе, при которой государь раздавал земли за службу, причем в одной и той же местности зачастую отводились земли различным лицам, без указания границ их владений в натуре» [23, с. 162]. К началу 1890-х гг. на территории Таврической губернии всего насчитывалось 1686 дач с уточненными границами [22, с. 320].

На территории Крымского ханства феодальная система землевладения получила классическую схему развития. Наследственное вотчинное землевладение крупных феодалов складывается к концу XV — началу XVI вв., а уже в первой половине XVI в., при хане Сахиб Герае I, из фонда ханского домена (мирийе) начинается процесс выделения поместий служивому дворянству. По всей вероятности, из ханских земель также были выделены угодья для калга-султана — калгалык [10, с. 480]. Как отмечают И. В. Зайцев и Э. И. Сейдалиев, подобно русской поместной системе, служилое землевладение в Крыму прошло путь от поместий к вотчине. Произошло это довольно быстро. Уже в XVII в. есть случаи передачи пожалованной ханом земли по наследству [10, с. 481].

Интеграция территорий Крымского ханства в правовую систему Российской империи после 1783 г. происходила с сохранением имущественных прав местного населения. Поэтому ставшие наследственными поместья крымскотатарской знати при получении новых жалованных грамот, проведении межевания и осуществлении сделок купли-продажи получают наименования на общероссийский манер «дачи».

В классическом варианте крымская дача представляла собой село с помещичьей усадьбой, мечетью (или мечетями), домами и дворами крепостных или государственных крестьян, сельскохозяйственной (возможно, и лесной) территорией, насчитывающей сотни и тысячи десятин. В качестве пограничья выбирались знаковые географические объекты — возвышенности, балки,

источники, долины рек. Для исторической географии Крыма дачно-поместное землевладение является основой культурных ландшафтов для конца XVIII — начала XX вв.

Классическим примером дачно-поместного землевладения является Ягмурчинская дача на территории юго-западных окрестностей Симферополя (старое село Ягмурча располагалось на территории современного с. Фонтаны Симферопольского района). Первое упоминание о селении Ягмурча содержится в Статейном списке подьячего Посольского приказа Василия Айтемирева. Отправленный в 1692 г. с дипломатической миссией в Крым, он стал жертвой ханских интриг, вследствие чего вплоть до весны 1695 г. находился в заточении в крепости Чуфут-Кале: «Декабря 7 дня [1693 года. – В. Р.] был в жидовском городке [крепость Чуфут-Кале. – В. Р.] Тохтамыши Гирея Султана (что бывал при Мурат Гирее хане калгою) сын Шагин Гирей Султан, который имеет себе от роду лет четырнадцать и живет в Крыму: близко к Ак-Мечети в селе Иангурчу у талыка [аталыка. – В. Р.] своего алказы [атасы – В. Р.]» [17, с. 100]. Эти данные могут свидетельствовать о том, что земли с селом Ягмурча могли принадлежать ханскому роду Гераев в качестве домена (личных владений), на что обращал внимание крымский историк Ф. Ф. Лашков [13, с. 73]. Как и Таш-Джарган, село Ягмурча в Крымском ханстве было административно приписано к Ак-Мечетскому кадылыкку Ак-Мечетского каймаканства.

После присоединения Крыма к России 1783 г. село упоминается в списке сел в «Камеральном описании Крыма» 1784 г. под названием «Ягмурче» [11, с. 45]. Первый известный нам межевой план села Ягмурча датирован 1798 годом (автор – Яков Нестеров). На нем указаны 10 дворов (в заглавии к плану говорится о 17) и мечеть [4]. Площадь земель помещиков, местных жителей и духовенства (вакуфы) составляла свыше 1300 га. Они занимали всю Холодную балку, склоны горы Каялар и тянулись до современной автостанции «Западная». В 1805 г. в Ягмурче числились 24 двора с населением из крымских татар в количестве 54 человек мужского и 39 лиц женского пола [14, с. 93]. На карте Мухина 1817 г. указано 14 дворов [15], на верстовой карте полковника Бетева второй половины 1830-х гг. [20] и карте Бетева и Оберга 1842 г. [21] зафиксированы 20 дворов. По состоянию на 1864 г. отмечается всего 13 дворов с 72 жителями (38 мужчин и 36 женщин) из числа русских и крымских татар [19, с. 15]. Такое резкое сокращение населения в Ягмурче связано с эми-

грацией крымских татар после Крымской войны. Впоследствии это привело к изменению этнического состава Ягмурчи.

В конце XIX в. численность населения здесь возрастает. По данным на 1887 г. зафиксирован 21 двор со 186 жителями [16, с. 68]. На верстовой карте 1890-х гг. количество дворов уменьшается до 11 дворов исключительно с русским населением [12].

Статистические данные на 1915 г. уже разделяют Ягмурчу на два отдельных села – Верхнюю и Нижнюю Ягмурчу, которые были полностью заселены русскими жителями. Население Верхней Ягмурчи состояло из 58 человек при 10 дворах, Нижней – 27 человек при 6 дворах. Жители села активно занимались скотоводством. К примеру, в Верхней Ягмурче держали 40 коров, 60 волов, 30 лошадей, 30 жеребят и телят, 20 овец, свиней и коз. Это можно считать показателем зажиточности [1, с. 134–145].

В конце XVIII в. генеральное межевание, охватившее многие губернии Российской империи для наведения порядка в землевладении, было решено провести и на Крымском полуострове. Оно началось в 1798 г., однако, вскоре было признано преждевременным и приостановлено. К этому привели многие причины, в том числе незнание землемерами местных традиций землепользования, отсутствие у старожильческого населения документов, подтверждающих куплю-продажу земли, нехватка переводчиков [18, с. 607]. Благодаря программе Генерального межевания сохранился план селения Ягмурча 1798 г. Как говорилось выше, на этом плане показан десяток дворов с одной улицей в районе тальвега Ягмурчинской балки. Эта карта – единственная, на которой указано месторасположение мечети. Мечеть владела немалым количеством вакуфных земель, причем не только в окрестностях Ягмурчи, но и в других близлежащих селах и поместьях. Удалось восстановить название этой мечети, которое является традиционным для молитвенных домов мусульман Крыма – «Джума-Джами» («пятничная мечеть») [3].

Если наложить территорию Ягмурчинской дачи на современный картографический материал, то возможно отметить, что в её состав входили земли, занимаемые микрорайонами Симферополя – Залесская, 7-я больница, Заводское, аэродром «Заводское», Новоромановка, автостанция «Западная», Фонтаны, с. Фонтаны, Холодная балка с садоводческими кооперативами «Пейзаж», «Фонтан», «Надежда», «Лесное» (Рис. 1).

В 1815 г. семейство инспектора Таврической врачебной управы Петра Ивановича Ланга приобретает село Ягмурча и окрестные земли, в том числе с лесными участками на горе Каялар (к югу от Ягмурчи), у помещика Эр мурзы Едилерского. Посредником в этой сделке стал коллежский секретарь Семен Тереховский, благодаря которому права на имущество были зарегистрированы неверно, а также использованы подложные документы. В результате покупка этого участка затянулась до 1818 г. В конечном итоге, Устинья Ланг стала полноправной хозяйкой этого участка. Семье Лангов покупка нового земельного надела обошлась в 7600 рублей серебром [2]. Отметим, что в состав Ягмурчинской дачи Лангов также вошел хутор у источника Бор-Чокрак (ныне – источник и пруд на ул. Данилова в Симферополе).

В 1830–1840-х гг. владельцем участка лесного массива на горе Каялар становится Таврический гражданский губернатор Матвей Матвеевич Муровцев. Сохранилась межевая карта, которая запечатлела не только лесные участки Каялара, но и всю Холодную балку и склоны горы Таш-Джарган [5].

На топонимической карте Игоря Леонидовича Белянского источник Бор-Чокрак в верховьях Ягмурчинской балки также назван «Пушкинский». Связь гидронима с великим поэтом отсутствует, а вот причину появления подобного гидронима объясняет межевой план 27 августа 1866 г. [6]. Здесь показаны территория села Ягмурчи и владения новой хозяйки – Клавдии Ивановны Лазовой, супруги действительного статского советника. Клавдия Ивановна была урожденной Мусиной-Пушкиной, и это объясняет название ныне несуществующего родника. Она была старшей дочерью (рожд. 10.02.1815) в семье боевого генерал-майора Ивана Клавдиевича Мусина-Пушкина, участника Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. По состоянию на 1860 г. Клавдии Ивановне принадлежали имение Ягмурча и хутор Бор-Чокрак с 16 крепостными и 11 дворовыми крестьянами [9, с. 2].

В 1870–1880-х гг. хозяином имения Ягмурча и хутора у Бор-Чокрака становится коллежский асессор Игнат Менжинский. На межевом недатированном плане ягмурчинских владений «господ Менжинских» фактически отражены земельные участки, ранее принадлежавшие семейству Лангов [7]. В эти владения площадью около 1370 га были включены не только ближайшие окрестности Ягмурчи и Бор-Чокрака, но и вся Холодная балка, гора Каялар и

юго-восточный склон Таш-Джаргана. Игнат Менжинский взял кредит в Бессарабско-Таврическом земельном банке под залог своего имения, однако, вернуть его не смог. Ягмурчинская дача была отчуждена, и впоследствии на ней происходит нарезка мелких участков для последующей перепродажи новым владельцам.

К началу XX в. земли имения Ягмурча уже выкуплены крупными землевладельцами-дворянами и крестьянами, что отражено на межевых планах 1898 и 1900 гг. [8]. Часть своих земель земельные магнаты сдавали в аренду крестьянам. Именно с этого времени Ягмурчинская дача как целостный культурный ландшафт прекращает существовать, что, по сути, можно считать прямыми последствиями земельной реформы 1861 г.

На территории села Фонтаны Симферопольского района до настоящего времени сохранились основания межевых стен, с которыми совпадают границы села, указанные на планах конца XVIII — начала XX в. В результате сопоставления данных картографических источников и современных земельных участков полностью удалось локализовать месторасположение старинного села Ягмурча в пределах села Фонтаны Симферопольского района, его домов и мечети.

Таким образом, изучение помещичьего землевладения имеет огромное значение не только в рамках идентификации культурных ландшафтов Крыма периода Российской империи, но и дает возможность детализировать историческую географию Крымского ханства. При этом культурный ландшафт Ягмурчинской дачи и хозяйственно-культурный тип местного населения можно считать традиционными в рамках природных и ландшафтных особенностей этого участка Внутренней гряды Крымских гор.

Литература

1. Андриевский Ф. Н. Статистический справочник Таврической губернии. [Статистический очерк Таврической губернии со списком населенных пунктов по уездам]. – Симферополь, 1915. – С.134–135.
2. ГАРК. Ф. 27: Таврическое губернское правление. Оп. 1. Д. 1642: По указу Правительственного Сената продажа селения Ягмурча помещику коллежскому секретарю Тереховскому. Л. 50, 133.
3. ГАРК. Ф. 377: Таврическая губернская чертежная. Оп. 13. Д. 256: Вакуфная земля, состоящая внутри дачи деревни Будке, принадлежащая деревни Ягмурчи мечети Джумаджами татарского духовенства. Л. 1.
4. ГАРК. Ф.377: Таврическая губернская чертежная. Оп. 13 Д. 1174: Ягмурчи деревня татарского духовенства. 1 л.
5. ГАРК. Ф.377: Таврическая губернская чертежная. Оп. 14. Д. 978: Ягмурчи владение генерала Муромцева. Л. 1.
6. ГАРК. Ф.377: Таврическая губернская чертежная. Оп. 14. Д. 976: Ягмурчи владение Лазовой урожденной Мусиной-Пушкиной. Л. 1.
7. ГАРК. Ф.377: Таврическая губернская чертежная. Оп. 14. Д. 982: Ягмурчи владения Менжинских. Л. 1.
8. ГАРК. Ф.377: Таврическая губернская чертежная. Оп. 14. Д. 993: Ягмурчи владения Семенова, Джаксон. Л. 1.
9. Извлечение из описаний помещичьих имений от 21 души и свыше. Таврическая губерния // Сведения о помещичьих имениях. – СПб., 1860. – Т. 6. – 11 с.
10. История крымских татар / отв. ред. И. В. Зайцев. – Казань, 2021. – Т. III. Крымское ханство XV–XVIII вв. – 1024 с.
11. Камеральное описание Крыма, 1784 г. (продолжение). Сообщение Ф. Ф. Лашкова // ИТУАК. – 1888. – №6. – С. 36–63.
12. Карта Таврической губернии. Симферопольский уезд. М 1:42000. – СПб., 1892. – Л. XIV-13.
13. Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения (продолжение) // ИТУАК. – 1895. – №23. – С. 71–117.
14. Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения (окончание). – ИТУАК. – 1897. – №26. – С. 24–154.
15. Мухин С. А. Военная топографическая карта полуострова Крыма, составленная по новейшим астрономическим наблюдениям, исправленная и пополненная из лучших военных съемок, Свиты его императорского величества по квартирмейстерской части генерал-майором Мухиным 1816 года, по приказанию г-на генерал-адъютанта князя Волконского 2-го во время управления его оною частию. – СПб., 1817. – 1 карта (10 л.).
16. Памятная книжка Таврической губернии [на 1889 год] / под ред. К. А. Вернера. – Симферополь, 1889. – 695 с. – (Сборник статистических сведений по Таврической губернии; Т.9).
17. Статейный список подьячего Василия Айтемирева в Крым, 1692–1695 гг. / Василий Айтемирев; изд. под ред. А. Маркевича. – Одесса, 1896. – 138 с.
18. Степанова Л. Г. Экономические примечания о межевании Крыма в конце XVIII – первой половине XIX в. // МАИЭТ. – 2020. – Вып. XXV. – С. 605–621.
19. Таврическая губерния. Список населенных мест по сведениям 1864 г. – СПб, 1865. – Вып. 41. –137 с.
20. Топографическая карта полуострова Крым. Год выпуска: 1835–1838 гг. Масштаб: 1:42000 / Полковник Бетев. – СПб., 1855. – Л. NOA1.
21. Топографическая карта полуострова Крыма, составлена в 1/210000 долю настоящей величины и гравирована при военно-топографическом депо со съемок тригонометрической ген. штаба подполковника Оберга, топографической ген. штаба полковника Бетева. – СПб., 1842.
22. Энциклопедический словарь / под ред. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. – СПб., 1892. – Т.8. – 478 с.
23. Энциклопедический словарь / под ред. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. – СПб., 1893. – Т.10. – 480 с.

Рис. 1. Границы Ягмурчинской дачи и село Ягмурча на ортофотоплане г. Симферополя и его окрестностей (спутниковая съемка использована с ресурса <http://ru.wikipedia.org>)

Л. А. Слостникова

**ВКЛАД С. С. НЕКРАСОВА
В КОМПЛЕКТОВАНИЕ ФОНДОВ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТДЕЛА
РУССКОГО МУЗЕЯ**

L. A. Slastnikova

**THE MERIT OF S.S. NEKRASOV
TO ACQUISITION THE COLLECTION
OF THE ETHNOGRAPHIC DEPARTMENT
OF THE RUSSIAN MUSEUM**

Аннотация. Архитектор С. С. Некрасов принимал участие в реставрационных работах в Бахчисарайском ханском дворце в 1912–1915 гг. В это время им были выполнены многочисленные фотографии Бахчисарая, Ханского дворца, жителей Крыма. Негативы многих этих фотографий он передал в Этнографический отдел Русского музея. Также им были приобретены для отдела редкие старинные предметы быта крымских татар. Данные коллекции по этнографии крымских татар, приобретенные для музея С. С. Некрасовым – ценный вклад в формирование собрания РЭМ.

Ключевые слова: крымские татары, Бахчисарай, архитектор С. С. Некрасов, фотографии Крыма, Российский этнографический музей.

Annotation. Architect S. S. Nekrasov took part in the restoration work in the Bakhchisaray Khan's Palace in 1912–1915. At this time, he made numerous photographs of Bakhchisaray, the Khan's Palace, and the inhabitants of the Crimea. He handed over the negatives of many of these photographs to the Ethnographic Department of the Russian Museum, as well as rare antiques made by Crimean Tartars he purchased. The collection and data on ethnography of the Crimean Tatars, acquired for the museum by S. S. Nekrasov, is a valuable contribution to the formation of the REM collection.

Key words: Crimean Tatars, Bakhchisaray, architect S. S. Nekrasov, photographs of the Crimea, Russian Ethnographic Museum.

При создании в начале XX в. Русского музея императора Александра III в Санкт-Петербурге планировалось, что комплектование фондов его Этнографического отдела будет производиться силами сотрудников отдела, а также, ввиду масштабности задачи, лицами, привлекаемыми на местах «или же командированием из Петербурга лиц, известных Отделу или рекомендованных ему учреждениями и лицами» (НА РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Ед.хр. 14. Л. 51.). Одним из таких корреспондентов Этнографического отдела стал Сергей Семенович Некрасов.

Сергей Семенович Некрасов родился в Санкт-Петербурге в 1885 г. В 1907–1915 гг. он учился на архитектурном отделении Высшего Художественного Училища при Академии художеств на архитектурном факультете, по окончании которого получил звание архитектора-художника. Еще будучи студентом, побывал в Олонецкой губернии, где знакомился с северной деревянной архитектурой, по заданию Академии художеств в Архангельской губернии составлял чертежи памятников деревянного церковного зодчества. Помимо чертежей С. С. Некрасов проводил фотографирование интерьеров этих памятников. По заданию Императорской Археологической комиссии в эти же годы он работал на раскопках в Старой Ладого (зарисовывал раскопы и снимал размеры), аналогичную работу выполнял на раскопках в Херсонесе. Кроме снятия размеров и составления чертежей С. Некрасов также фотографировал некоторые из этих объектов.

Летом 1912 г. С. Некрасов был командирован Императорской Археологической Комиссией в Бахчисарай для архитектурно-археологического исследования зданий Ханского дворца (проведения обмеров дворца и изготовления чертежей, необходимых для реставрационных работ). Работу в Ханском дворце в 1912–1915 г. С. Некрасов не только совмещал с продолжением обучения в Академии художеств, но также неоднократно выступал на заседаниях Императорской Археологической Комиссии, рассказывая о ходе работ в Крыму. В Бахчисарае С. Некрасов проведение обмеров и съемку чертежей Ханского дворца дополнил фотофиксацией процесса реставрационных работ. Эти фотографии состояния Ханского дворца и проводимых работ в первые десятилетия XX в. являются чрезвычайно важным материалом при последующих реставрациях. В те же годы (1912–1915 гг.) С. С. Некрасовым выполнены фотографии различных районов Бахчисарая, как общих видов улиц, так и от-

дельных строений. Интересовали его не только архитектурные объекты, но и жители Крымского полуострова, что нашло отражение на выполненных им photographиях.

Исследователи, занимающиеся историей архитектурной реставрации в России и, в частности, в Крыму, историей советской архитектуры 1920-х гг., высоко оценивают роль С. С. Некрасова в исследовании и сохранении памятников архитектуры [1, 3, 4]. В 2017 г. была опубликована большая статья М. В. Медведевой о фотоработах С. С. Некрасова [2]. В этой статье также подробно изложена биография С. С. Некрасова до начала 1920-х гг.

Известны две автобиографии С. С. Некрасова: 1914 г., которая хранится в Рукописном отделе Института истории материальной культуры (РО НА ИИМК РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 215. Л. 4–5.) и 1922 г., хранящаяся в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Санкт-Петербурге (ЦГАЛИ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 529. Л. 108, 108 об). Сведения о деятельности С. С. Некрасова в 1920–30-х гг. более отрывочны, но известно, что в эти годы он принимал участие в деятельности Ленинградского отделения Союза архитекторов СССР. Среди документов, находящихся в ЦГАЛИ, есть сведения о включении архитектора С. С. Некрасова в Комиссию по охране памятников (ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д.1), относящиеся к 1918 г., и о его участии в обследовании памятников архитектуры, находящихся под государственной охраной в 1939 г. (ЦГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1 Д. 35. Л. 91.). Сохранилась стенограмма заседания производственного сектора Дома архитектора с подготовленным С. С. Некрасовым докладом об авторском праве для Общества архитекторов-художников и прочитанном им в 1937 г. (ЦГАЛИ Ф. 341. Оп. 1. Д. 10. Л.1–34), а также стенографический отчет заседания общества архитекторов о докладе С. С. Некрасова «Дворец и некоторые постройки Ханского времени в г. Бахчисарае» от 10 мая 1916 г. (ЦГАЛИ. Ф. 598. Оп. 1. Д.155. Л. 1–12). С. С. Некрасов умер в блокадном Ленинграде в 1942 г. Место захоронения его, как и многих других ленинградцев, умерших в блокадном городе, неизвестно.

В настоящее время известны три организации, хранящие фотографические снимки, сделанные С. С. Некрасовым в 1908–1915 гг. Крымские фотографии, выполненные С. С. Некрасовым, есть в Бахчисарайском историко-культурном и археологическом музее-заповеднике, 50 из которых были представлены на выставке «На-

кануне перемен. Бахчисарай в фотографиях 1912–1915 гг.», проходившей осенью 2017 г. в музее-заповеднике. 270 фотоотпечатков хранятся в фотоотделе Научного архива ИИМК РАН. Это альбомы с фотографиями, сделанными С. С. Некрасовым на Русском Севере и в Крыму. Среди них большое место занимают фотографии отдельных построек Ханского дворца в процессе реставрационных работ 1912–1915 гг. (Дворец и его интерьеры, Посольский корпус, Соколиная башня, Главная и Малая мечети и др.). В фототеке Российского этнографического музея (до 1934 г. музей был Этнографическим отделом Русского музея) имеются не только фотоотпечатки сделанных С. С. Некрасовым фотографий, но также негативы, поступившие от автора в 1913–1918 гг.

Так, в 1913 г. от С. С. Некрасова Этнографическим Отделом Русского Музея императора Александра III (далее – ЭО РМ) были приобретены фотографические негативы и отпечатки церковных древностей Епархиального древнехранилища г. Архангельска (кол. № 2791), а также церковных древностей и образцов работы по дереву, демонстрировавшихся на выставке во время XV Археологического съезда в Новгороде (кол. № 2792). В этом же году от С. С. Некрасова ЭО РМ приобрел негативы и фотоотпечатки снимков старинных церквей и церковных предметов с. Чухчерья Холмогорского уезда Архангельской губернии (кол. № 2785), сел Каргополье, Малонемножское, Сура и Шетогорское Пинежского уезда Архангельской губернии, Реркольского и Красногорского монастырей (кол. № 2784). Негативы этих коллекций погибли во время Великой Отечественной войны, но большинство фотоотпечатков сохранилось. Фотографии, выполненные С. С. Некрасовым, донесли до наших дней мельчайшие подробности церковной утвари работы мастеров русского Севера XVII–XIX вв. Некоторые фотографии церквей, хранящиеся в ИИМК, составляют комплект с находящимися в фототеке РЭМ. Фотографии выполнены С. С. Некрасовым профессионально, со знанием особенностей фотографируемых объектов и позволяют нам увидеть постройки, интерьеры и предметы начала XX в. и более древние, в большинстве своем, к нашему времени утраченные.

В 1918 г. от С. С. Некрасова ЭО РМ были приобретены негативы фотографий памятников на Ханском кладбище Бахчисарая (кол. № 3886), видов Бахчисарая и Ханского дворца (кол. №№ 3930 и 3931). Из подписей С. С. Некрасова известны номера сфотогра-

фированных домов в кварталах Бахчисарая. Поскольку в настоящее время крымские фотографии С. С. Некрасова находятся как минимум в трех учреждениях культуры, известно, что некоторые фотографии сохранились в нескольких экземплярах, как, например, фотография двора крымскотатарского дома с сидящей маленькой девочкой, а некоторые – в одном экземпляре.

В Крыму С. С. Некрасова интересовала не только архитектура, но также быт крымских жителей. В течение трех лет (1912–1915 гг.) С. С. Некрасов по заданию ЭО РМ собирал для музея предметы быта крымских татар. Сохранилась его переписка с А. А. Миллером, бывшем в то время хранителем Этнографического отдела. В первом письме Сергей Семенович сетовал на закрытость жизни татар для иноверцев, трудности приобретения вещей. Тем не менее, впоследствии он уже описывал свои посещения татарских домов (НА РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 430).

Среди предметов, приобретенных С. С. Некрасовым для музея, были семь подставок под чашечки для кофе. В письме А. А. Миллеру он писал: «Пока выбрал следующие вещи: ... 3 серебряных подставки для чашек — 9 рублей (цена несколько высока, но действительно редкие вещи» (НА РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 430. Л. 15 об.). Три из них (№№ 3205-22, 3205-23, 3205-24) выполнены из низкопробного серебра в форме полуэллипса, на небольшой круглой ножке со слабо выраженным уступом, украшены штампованным орнаментом. На подставке № 3205-22 это чередование стилизованного цветка и овального с заполнением в виде ростка медальона. На подставках №№ 3205-23 и 3205-24 этот орнамент повторен более упрощенным, стилизованным. Четвертая серебряная подставка для чашки (№ 3205-25) несколько отличается от предыдущих. Она изготовлена из серебра 875 пробы, имеет форму полушария на низкой с двумя уступами ножке. Широкий орнаментальный пояс в её верхней части выполнен штамповкой и гравировкой, образован чередованием плоских ваз с фруктами и пальметок на наканфаренном фоне. Высокое качество чеканки позволяет отнести её к высокохудожественным образцам изделий серебряных дел мастеров. При различии в декоре верхней части этих четырех подставок обращает на себя внимание то, что общим для них является наличие многолепестковой розетки в нижней части подставки.

Три медных подставки под кофейные чашечки, приобретенные для музея С. С. Некрасовым (№ 3205-26, 3205-27, 3205-28) с че-

канным и гравированным декором, демонстрируют разнообразие орнаментальных мотивов, использовавшихся медниками и ювелирами Крыма, а также то, какие элементы орнамента были предпочтительными, тиражировались и копировались с большим или меньшим мастерством. С. С. Некрасовым в 1912–1913 гг. были приобретены для музея разнообразные предметы утвари крымских татар: медные чаши, тарелки и блюда различного диаметра и декора, два ручных зеркала в деревянных резных оправках, деревянный, инкрустированный перламутром и костью сундук, подвесные фонари, старинная вышивка, музыкальный инструмент, копье-дротик (два последних экспоната не сохранились). Еще два экспоната (намазлыки) переданы им в музей в 1918 и 1919 гг. Всего Сергеем Семеновичем Некрасовым были приобретены для музея 34 экспоната.

Разносторонне образованный, обладающий большим художественным вкусом С. С. Некрасов сумел приобрести предметы, максимально характеризующие этнические особенности быта крымских татар и отличающиеся высоким качеством исполнения, в том числе старинные и редкие уже в начале XX в. Эти небольшие, но имеющие высокое художественное и историческое значение коллекции, а также выполненные им фотографии являются ценным вкладом в формирование собрания РЭМ.

Литература

1. Казузь И. А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 464 с.
2. Медведева М. В. Архитектор С. С. Некрасов и его коллекция фотографий начала XX в. из собрания Научного архива ИИМК РАН // Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII. В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. – СПб.: Невская Книжная Типография, 2017. – С. 311–324.
3. Османов Э. Э. Ремонтно-реставрационные работы в архитектурном комплексе Хансарая во второй половине XIX — начале XX вв. // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2012. – №228. – С. 108–111.
4. Памятники архитектуры в дореволюционной России. Очерки истории архитектурной реставрации. – М.: Терра-Книжный клуб, 2002. – 525 с.

*Рис. 1. Женщина в покрывале. Крым, 1913 г., крымские татары.
Фотограф С. С. Некрасов. № РЭМ 8989-24*

Рис. 2. Семейная группа. Крым, 1913 г., крымские татары.
Фотограф С. С. Некрасов. № РЭМ 8989-25

Е. Е. Таратухина

**ОБРАЗЫ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ БОГИНЬ
В ВЫШИВКЕ XIX–XX ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИИ
КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)**

Е. Е. Taratukhina

**IMAGES OF ANCIENT SLAVIC GODDESSES
IN EMBROIDERY OF XIX–XX CC.
(BY MATERIALS OF CRIMEAN'S
ETHNOGRAPHIC MUSEUM COLLECTION)**

Аннотация: В статье мы знакомимся со славянской мифологией через имеющиеся в вышитых изделиях музея символы и знаки, скрывающие в себе древнеславянские женские божества. Мы прослеживаем, как эти образы традиционно запечатлевались, буквально кодировались в вышивке, и как менялось изображение в веках. Статья позволяет ввести в научный оборот имеющуюся в музее коллекцию вышивки с древнейшими символами.

Ключевые слова: древнеславянские богини, символы вышивки, орнамент.

Annotation: In this article we get acquainted with Slavic mythology through the symbols and signs that presents in the embroidered products of our museum, hiding the ancient Slavic female deities. We trace how these images were traditionally imprinted, literally encoded in embroidery and how the image was changed over the centuries. The article allows to introduce into scientific circulation the collection of embroidery with ancient symbols that available in the museum.

Key words: ancient Slavic goddesses, symbols of embroidery, ornament.

Славянское язычество – одна из самых загадочных и мало изученных мифологий мира. До нас не дошло подлинных языческих текстов, и мы вынуждены опираться на косвенные и вторичные источники.

Низшую мифологию древних славян (поверья о духах, окружающих человека) мы знаем благодаря более поздним фольклорным записям. Русская деревня сумела сохранить народное православие – форму религиозных представлений, где христианские представления перемешаны с остатками язычества, а под именами христианских святых угадываются древние боги. О высшей мифологии (представлениях о богах) нам сообщают древнерусские литературные источники, к числу которых относятся летописи и поучения против язычников, в которых христианские священники излагали те представления, с которыми вели борьбу [3, с. 7–12].

Источники о древнеславянской религии, которыми мы сейчас располагаем в музее, представлены образцами декоративно-прикладного искусства, прежде всего, примерами народной вышивки. В них присутствует значительное количество орнаментальных мотивов, которые в древности отражали элементы символики различных культов, поклонение божествам, просьбы о счастье и благополучии. На протяжении многих веков, безусловно, точный и первоначальный смысл таких символов оказался утраченным, на первый план вышла их декоративная функция. Однако традиции использования символики в вышивке не исчезли. Несмотря на то, что орнаментальные формы дошли до нас более абстрактными, семантика их в основном сохранилась.

Целью настоящей работы является знакомство со славянской мифологией через имеющиеся в вышитых изделиях символы и знаки, скрывающие в себе древнеславянские женские божества. Одной из задач работы является демонстрация того, как эти образы традиционно запечатлевались, кодировались в вышивке, и как менялось их изображение со временем. Другой не менее важной задачей является введение в научный оборот имеющейся в Крымском этнографическом музее коллекции предметов вышивки с древнейшими славянскими символами.

В литературе известны имена и функции нескольких богинь славянского пантеона – Рожаница, Макошь, Лада и Леля [10, с. 287–288].

Род и Рожаницы упоминаются в поучениях против язычества «Слове о идолах» и «Слове Исаяи пророка». Рожаниц было две, что в древнерусских текстах выражено формой двойственного числа. Концепцию этой божественной триады тщательно разработал в своих трудах Б. А. Рыбаков [3, с. 150; 10, с. 340–368]. Одной из

его заслуг было исследование образа Рожаниц в русской вышивке и раскрытие символики узора типа «распластанная лягушка», который изображает рожаящую женщину с поднятыми руками, широко расставленными ногами, иногда с появляющимся младенцем. Это изображение напрямую связано с символикой плодородия, зачатия и благополучных родов.

В коллекции нашего музея мы находим этот образ на нескольких полотенцах (КП-9655, ИБ-5269 и КП-1544, ДП-509), изготовленных в Крыму в первой половине XX в. (Рис. 1–2). Данные изображения до сих пор рассматривались исключительно в качестве декоративного элемента вышивки. На одном из них рядом с Рожаницей присутствует стилизованное изображение коней. Образ божественных коней (позднее божественных всадников), везущих солнце на своей колеснице, был настолько почитаем у славян, что органично вошел в народное православие с представлениями о них как о защитниках людей [3, с. 33–35].

Иногда в вышивке могли встречаться и более архаичные мифы, например, о двух богинях-оленихах, которые, вероятно, являлись зооморфными прототипами Рожаниц [10, с. 367–380]. В этом контексте можно рассматривать сюжет вышивки на полотенце КП-2816, ДП-770, где изображены птицы с рогами оленя.

Образ Рожаниц на протяжении столетий неизбежно упрощался, и от величественных Прародительниц, дарительниц жизни и Небесных Хозяек, частично заслоненных впоследствии Родом, но сохранявших еще свое могущество, порой снижался до уровня богинь деторождения [10, с. 386]. Вышивать их стали не только на ритуальных полотенцах, но и на подзорах, по подолу рубах. По мнению исследователей, с течением времени символика забывалась, и Рожаница превращалась в женщину-вазон или цветочную композицию. Подобных вышивок множество в коллекции Этнографического музея. Они встречаются на полотенцах КП-2862, ИБ-1038, КП-5689, ИБ-2415, КП-3800, ИБ-1725, КП-3208, ИБ-1294, КП-8989, ИБ-4665, ДП-524, на рукавах сорочек КП-8442, ИБ-4146 и КП-8433, ИБ-4137 (Рис. 2). Важнейшей чертой этого изображения являются поднятые вверх руки, которые превращались то в рога, то в ветви, что характерно для образа Богини-Матери в целом [4, с. 4–7]. В мифологии разных народов именно внутри деревьев живут богини, помогающие при родах и защищающие младенцев, поэтому такая трансформация образа вполне

объяснима, так как она объединяет две идеи – рождение человека и рост растений [3, с. 150–152].

Еще один атрибут Богини матери – две птицы, поднятые на руках или с цветами в руках. На полотенце КП-8989, ИБ-4665 наряду с мелкими, стилизованными под цветочный узор Рожаницами, изображены свастики под названием «солард», относящиеся к свадебной обережной символике и несущие счастье в любви, лад в семье, рождение здоровых детей [11] (Рис. 3). В конечном итоге фигура Рожаницы трансформируется в знак «ромб с крючками», который наблюдается в орнаментах до настоящего времени. Подобных изображений на вышитых и тканых изделиях в нашей коллекции множество. Они представлены, например, на полотенцах с номерами КП-3240, ИБ-1324 и КП-7551, ИБ-3575, в виде тканого узора на поневе КП-8708, ИБ-4404 (Рис. 4).

Остановимся на вышивке двуглавых орлов на декоративных подзорах и полотенцах. Часто орла изображают в центре композиции из пары птиц, обращенных к нему, рядом со знаками плодородия и в окружении цветущих побегов. Это позволяет сделать вывод о том, что его изображение является трансформацией образа распластанной лягушки – рожаницы, в котором ноги орла соответствуют расставленным ногам лягушки, его крылья – раскинутым в сторону рукам, хвост – младенцу, покидающему лоно матери. Забытый символ заменяется понятным, таким же по структуре и такой же магической функцией. Это объясняет в свою очередь, почему византийский орел так хорошо прижился в русской вышивке [6, с. 87–98; 7; 8, с. 70; 1, с.14–27] (Рис. 5). На наших полотенцах КП-6248, ИБ-2797, КП-2816, ДП-770 присутствует изображение стилизованных двуглавых орлов.

Литература о богине Ладе крайне противоречива. Из многообразного общеславянского фольклорного материала выделяются две мифологические фигуры: Лада как великая богиня весенне-летнего плодородия и покровительница свадеб, брачной жизни в целом и её дочь (?) Леля или Ляля, олицетворяющая весну, весеннюю зелень, расцвет обновленной природы [10, с. 315–316]. К сожалению, сложно сделать основательные выводы о том, как в вышивке кодировалось изображение этих богинь.

Последней из древнеславянских богинь является Макошь или Мокошь. Вариант «Макошь» трактуют как «мать урожая», она является покровительницей урожая, судьбы, жизни как таковой [10,

с. 296–303]. Вариант «Мокошь» связан с корнем «прядение», в таком случае Мокошь является богиней-пряхой и богиней судьбы [3, с. 222–223]. Это дает возможность посмотреть на Макошь (Мокошь) как на универсальное женское божество. Богине подносили пряжу, холсты, вышивку, бросая их в колодцы или оставляя рядом. Она была связана со стихией воды, магией и ведовством. В мифологическом календаре день богини – пятница. И именно в этот день существовал запрет на всякого рода рукоделия. Считалось, что если в этот день Макошь доделает за женщиной работу, то это сократит её жизнь. В вышивке фигура этой богини обычно изображалась крупно, с опущенными вниз руками, с образами более мелких женских фигур и богатым растительным орнаментом [3, с. 225]. К сожалению, в коллекции музея нет подобных полотенцев. Однако, образ Макоши закодирован в другом символе – ромбе с перекрестиями и с точками внутри (Рис. 6).

Ромб у древних славян считался универсальным символом плодородия и деторождения, символом женского начала в природе. С материалистической точки зрения происхождение символа вполне объяснимо: землю как территорию, дающую урожай, люди представляли в виде квадрата, прямоугольника, покрытого густой сеткой, то есть вспаханную и засеянную. Поскольку плодородие земли и женщины неразрывно связано между собой, этот символ стал универсальным. Точка в центре ромба означала зачатие (засеянность поля), то, что может родить и является источником благополучия и изобилия [9, с. 108–109]. Кроме того, слова «участок», «участь», «счастье» этимологически равнозначны, связаны с распределением благ, в котором не могла не принимать участие богиня Судьбы. В целом узор связан со свадебной обрядностью и жизнью молодой замужней женщины. Поэтому ромбо-точечная композиция в вышивке рубах имела возрастное ограничение. Кроме того, узор встречается на свадебных и обрядовых полотенцах, поневах, в вышивке подзоров.

В современной вышивке узор ромба активно используется как декоративный элемент. В нашей коллекции он встречается на женских сорочках Воронежской и Курской губерний с номерами КП-8580, ИБ-4281, КП-8557, ИБ-4260, на кружеве от полотенца КП-8413, ИБ-4118, в виде аппликации на поневе КП-8276 ИБ-4046, в виде тканого узора на поневе КП-8730, ИБ-4426, на полотенце КП-6981, ИБ-1075 и на современных изделиях декоративно-прикладного искусства (Рис.7).

Иногда на изделиях встречается изображение неизвестной богини в виде женской фигуры с колоколовидной или треугольной юбкой, ромбовидной головой, опущенными или поднятыми схематично изображенными руками. Её художественные признаки – куполообразная юбка, ромбовидная голова, нередко сильно стилизованная, статичность, узорчатость. Можно предположить, что эти изображения объединили в себе образы древних богинь в единый образ Богини Матери, дающей блага и дающей защиту в жизни. Отсюда изображение стали называть Берегиней. На рубашках Воронежской губернии с черно-узорной вышивкой встречаются такие изображения в виде орнаментальной полосы.

В русской вышивке присутствуют изображения храмов с разнообразными антропоморфными фигурами внутри. Храмы иногда представлены в виде незатейливых построек, но встречаются и сложные архитектурные сооружения с куполами, украшенными крестами. Здание декорировалось снаружи длинными шестами, завершающимися головами птиц или изображениями цветов. Изображения богинь в храмах подразделяются на две группы. Первую составляют одетые монументальные женские ростовые фигуры внутри теремка-храма, вторую – богини-рожаницы, представленные «в муках рождения» (вплоть до позднейшей трансформации в двуглавого орла) [12, с. 119–132]. В большинстве случаев Макошь внутри храмов изображается с полусогнутыми и опущенными вниз руками. Возможно, этим жестом авторы подобных композиций хотели подчеркнуть связь богини с землей. Известны вышивки, где по сторонам храма-теремка с Макошью поставлены две вещицы – Сирины, являющиеся обычным образом русалок в русском средневековом искусстве [10, с. 382–385]. В этом контексте интересно полотно КП-2816, ДП-770 с изображением многоярусного храма с зооморфными и антропоморфными фигурами внутри (Рис. 8). На нем есть стилизованное изображение Рожаниц в виде двуглавых орлов, вещих птиц и узора в виде перекрещивающихся линий (знаков плодородия). Сирины изображены на нашем полотне с оленьими рогами. Над ними женская фигура с опущенными вниз руками (изображение Макоши).

Таким образом, в орнаменте предметов вышивки отразилась тысячелетняя мудрость народа, его мировоззрение и первые попытки воздействовать на таинственные для него силы природы. В древних узорах не было лишних элементов, все имело значение и смыслы.

Литература

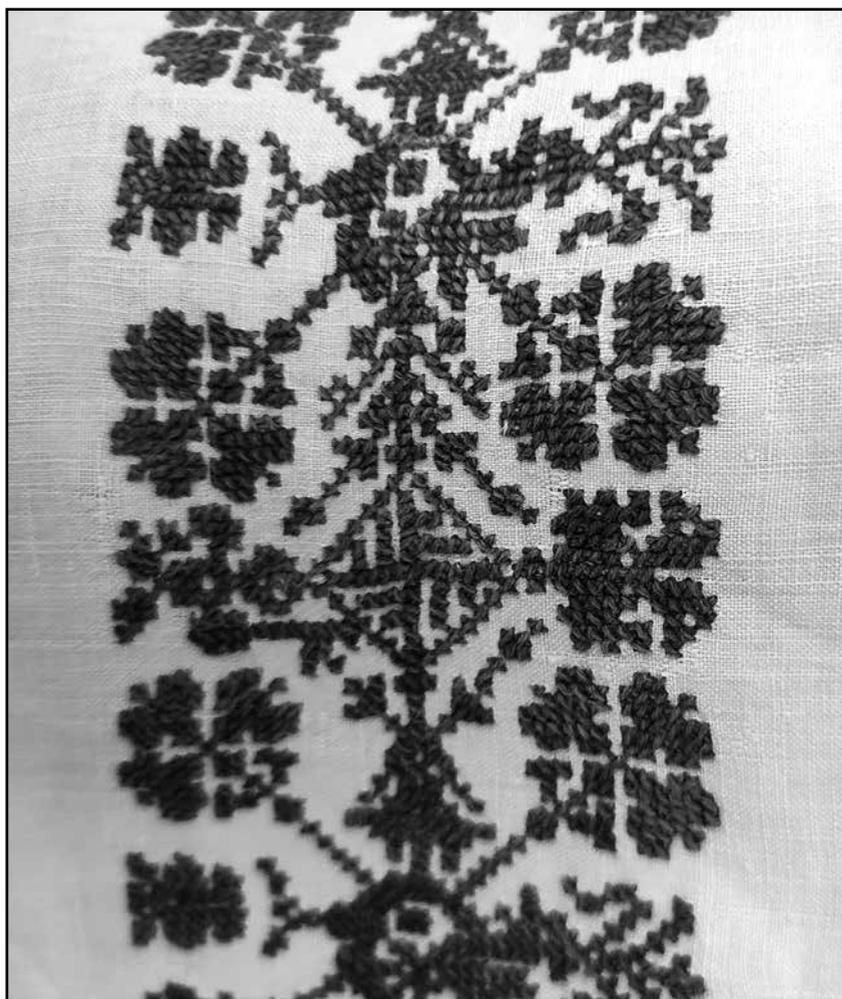
1. Амброз А. К. Раннеземледельческий культовый символ «ромб с крючками» // СА. – 1965. – № 3. – С. 14–27.
2. Амброз А. К. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа // СА. – 1966. – №1. – С.69–72.
3. Баркова А. Б. Славянские мифы от Велеса и Мокоши до птицы Сирины и Ивана Купалы. – М., 2022. – 248 с.
4. Богуславская И. Я. О трансформации орнаментальных мотивов, связанных с древней мифологией, в русской народной вышивке. – М., 1964. – 7 с.
5. Гангур Н. А. Орнамент народной вышивки славянского населения Кубани. – Краснодар: Советская Кубань, 1999. – 80 с.
6. Дурасов Г. П. Попытка интерпретации значения некоторых образов русской народной вышивки архаического типа // СЭ. – 1980 – № 6. – С.87–98.
7. Жарникова С. В. «О попытке интерпретации значения некоторых образов русской народной вышивки архаического типа (по поводу статьи Г. П. Дурасова) // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/001/073/j8.htm>
8. Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. – М.: Наука, 1978. – 207 с.
9. Рыбаков Б. А. Религия и миропонимание первых земледельцев Юго – Восточной Европы (IV–III тысячелетия до н. э.) // Доклады советской делегации на VII конгрессе историков в Праге в 1966 г. – С. 107–111.
10. Рыбаков Б. А. Язычество Древних славян. – М.: Наука, 1981. – 607 с.
11. Свастика солард // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://xn--80aejvnu5h.xn--80aswg/solard/>
12. Фалеева В. А. Женский персонаж в русской народной вышивке // Фольклор и этнография Русского Севера. – Л.: Наука, 1973. – С. 119–132.

*Рис. 1. Стилизованное изображение коней. КП-1544, ДП-509.
Из коллекции КЭМ*

*Рис. 2. Стилизованное изображение Рожаниц. КП-8433, ИБ-4137.
Из коллекции КЭМ*

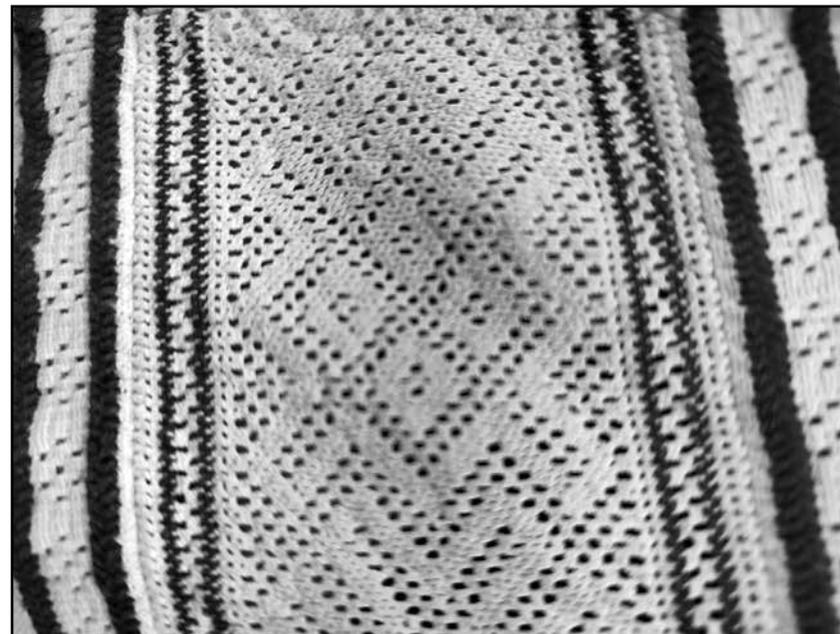
*Рис. 3. Солард – свадебная обережная символика.
КП-8989, ИБ-4665. Из коллекции КЭМ*

*Рис. 4. Фигура Рожаницы в виде «ромба с крючками».
КП-3240, ИБ-1324. Из коллекции КЭМ*

*Рис. 5. Вышивка двуглавых орлов. КП-6248, ИБ-2797.
Из коллекции КЭМ*

*Рис. 6. Образ Макоши, закодированный в ромбе с перекрестиями
и с точками внутри. КП-8557, ИБ-4260. Из коллекции КЭМ*

Рис. 7. Ромбо-точечная композиция в вышивке. КП-8276, ИБ-4046.
Из коллекции КЭМ

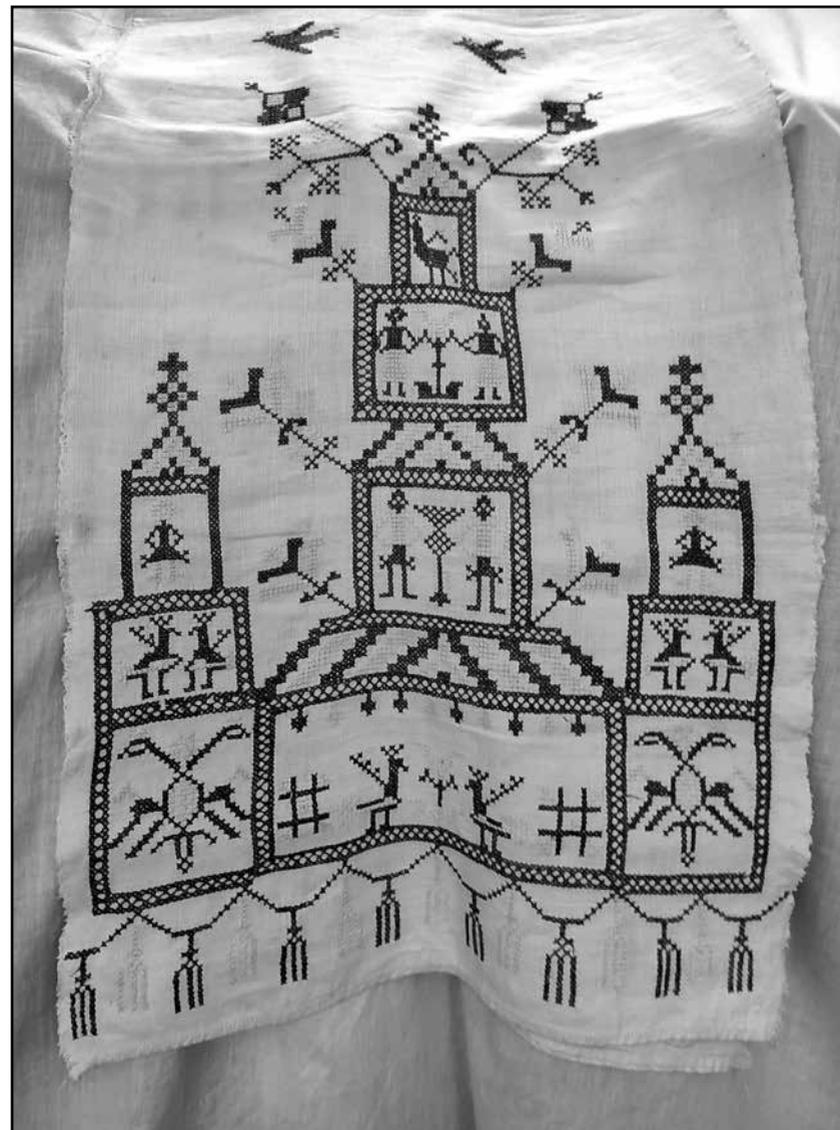

Рис. 8. Изображение многоярусного храма с зооморфными
и антропоморфными фигурами. КП-2816, ДП-770. Из коллекции КЭМ

Н. А. Филиппова

**ЛАПТИ, ЧУНИ, САПОГИ...
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ
КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ.
РОЛЬ ОБУВИ
В РУССКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ**

*Во что обуешься, в том и ходить станешь.
(народная мудрость)*

N. A. Filippova

**BAST SHOES, CHUNIS, BOOTS...
FROM THE COLLECTION OF THE CRIMEAN
ETHNOGRAPHIC MUSEUM.
THE ROLE OF SHOES
IN RUSSIAN FOLK CULTURE**

*What you put on, you will walk in.
(folk wisdom)*

Аннотация. В статье содержится краткая характеристика коллекции традиционной русской обуви. Обозначены роль и значение обуви в семейно-бытовых, хозяйственных обрядах и обычаях русских, в устном народном творчестве. В работе используются и вводятся в научный оборот новые материалы музея.

Ключевые слова: русские, обычай, традиции, обряд, Крымский этнографический музей, обувь, лапти, сапоги, постолы, туфли, валенки, чуни.

Annotation. The article contains a brief description of the collection of traditional Russian shoes. The role and significance of shoes in family, household, household rituals and customs of Russians, oral folk art are indicated. The new materials of the museum are used and introduced into scientific circulation.

Keywords: Russian, custom, traditions, rite, Crimean Ethnographic Museum, shoes, bast shoes, boots, postols, shoes, valenki, chunis.

В фондах Крымского этнографического музея представлена коллекция традиционной русской обуви, которая насчитывает 14 предметов: лапти (3 ед.), постолы (1 ед.), чуни (1 ед.), сапоги (2 ед.), валенки (3 ед.), туфли (4 ед.). Они изготовлены в Белгородской, Воронежской, Курской губерниях и на территории Крыма. Эта обувь выполнена кустарным способом, но в некоторых случаях известны фамилии мастеров. Надо отметить, что пять экспонатов поступили в музей в результате закупок (в 1993 и 2017 гг.), девять предметов были переданы жителями Крыма в качестве даров в 1994, 1999, 2001, 2004 и 2007 гг. В настоящей статье предполагается рассмотреть эту коллекцию русской традиционной обуви, относящуюся к концу XIX – 80-м гг. XX вв., дать её общую характеристику, показать важную роль и значение обуви в семейно-бытовых и хозяйственных обрядах, обычаях и устном народном творчестве русского народа.

У каждого народа есть своя традиционная обувь, которая является важным элементом костюма. Её облик, способы и технологии изготовления передавались по наследству от отца к сыну. Так, рассматривая историю развития обуви, можно проследить особенности материальной и духовной культуры народа в целом. Обувь является своего рода источником информации, который дает представление о датировке предмета, социальном статусе его владельца.

В древности обувь не разделяли на мужскую и женскую. Основными её видами в старину были лапти и сапоги. Лапти – распространенный тип русской народной обуви, символ русского крестьянства. Плели их из лыка липы, вяза, ракиты, вереска и березы. Самые нарядные лапти делали из вязового розового лыка. Лапти были в широком употреблении в сельской местности вплоть до 1930-х гг.

Лапоть был неглубоким, с относительно коротким носком, и закреплялся на ноге. В задник вплеталась петля, в которую продевали тонкую лыковую веревку – оборы, обматывали голень крест-накрест и завязывали под коленом. Оборы обвязывали на предварительно обмотанные вокруг ноги узкие полосы холста или сукна – онучи (портянки).

Лапти плели преимущественно из липового лыка – полосок коры шириной примерно 1,0 см со снятым верхним слоем, иногда на деревянной колодке, при помощи кочедыка – крючкообразного инструмента из кости, но чаще железного. Иногда лапти плели из бересты [1, с. 243]. Русские лапти отличались косоугольным плетением, бока и нос у них были глубокие. Своей высотой и фор-

мой они напоминали низкий башмак [3, с.128]. Плетением лаптей для всей семьи занимались мужчины зимой. Лаптей изготавливали много, ведь срок службы одной пары составлял от 3 до 10 дней. Поэтому их старались делать прочнее за счет двойного плетения дна. Подошву с этой целью подшивали подметками, сплетенными из веревок или полосок дубовой коры, а также сыромятной кожи.

В собрании Крымского этнографического музея представлено три пары лаптей, переданных в дар музею, имеющих общие черты: использовано косое плетение, слегка скругленные нос и пятка.

В 1994 году в фонды музея поступили лапти (КП-952, ИБ-400) кустарного производства, выполненные косым плетением, с высоким носком и пяткой, слегка скругленные, которые привязывались к ноге длинными шнурами-оборами (Россия, южные районы, 50-е гг. XX в.).

Жительница г. Симферополя Таратухина Т. А. в 2001 г. передала в дар музею пару лаптей (КП-3063, ИБ-1168), которые бытовали в Курской области (Дмитриевский район, село Коробкино) и датируются 30-ми гг. XX в. В лаптях использовано косое крупное плетение, с высокими бочками. Носок и пятка также высокие, прямоугольные, слегка скругленные. В подошву вплетена веревка, которая далее крепится в пяточной области, по бокам и оставлена для завязывания вокруг ног; длина её около 1,5 м.

В 2004 г. коллекция русской обуви музея была дополнена парой лаптей (КП-3533, ИБ-1529), также бытовавших в Курской области в 30-е гг. XX в. Они выполнены косым крупным плетением, с высокими бочками. Носок и пятка высокие, прямоугольной формы, слегка скругленные. Для прочности подошва проплетена веревкой из конопля (Рис. 1).

Низкая обувь, похожая на лапти, которую также привязывали к ноге длинными оборями, но плели из пеньки, называется чуни. При плетении пользовались продолговатой четырехугольной колодкой. Неношенные чуни сохраняли прямоугольную форму этой колодки [3, с. 128]. В 2004 г. в фонды музея были переданы чуни (КП-3543, ИБ-1539), сплетенные из конопляных веревок серого цвета. Они имели овальную форму, с пяткой, с толстыми бочками и отверстиями для обор – веревок, которыми оплетали ногу. Обувь относится к 30-м гг. XX, выполнена в Крыму.

Еще в XIV–XV вв. в России распространяются кожаные сапоги, особенно в городах. Раньше сапоги не имели каблуков, но уже в XIV в. на них появляются высокие каблуки. Кожаная обувь была

орнаментирована. Вышитые и ажурные украшения характерны для мягкой обуви, тиснения – для жесткой [4, с. 319]. В отличие от лаптей, именно сапоги являлись престижной обувью, указывающей на высокий статус хозяина. Это нашло свое отражение в пословицах и поговорках: «Сапог с сапогом, а лапоть с лаптем», «Правда в лаптях, а кривда в сапогах», «Сапог лаптю не брат» [5, с. 279]. Сапоги носили как мужчины, так и женщины. В Европейской части России из-за высокой стоимости сапог в большинстве крестьянских семей они были только праздничной обувью и лишь в зажиточных семьях – повседневной [1, с. 244].

Две пары кожаных сапог, выполненных кустарным способом, имеются в собрании Крымского этнографического музея. В 1999 г. Т. В. Лобанова передала в дар музею женские хромовые сапоги (КП-2633, ИБ-934), изготовленные из дубленой кожи черного цвета, с высоким прямоугольным голенищем, с округлым носком и низким каблуком. Сапоги с кожаной подошвой, подбитой двумя рядами деревянных гвоздей. Обувь изготовил мастер Василий Лобанов (Крым, Симферополь, 50-е гг. XX в.). В результате закупки в 2017 г. коллекция музея пополнилась парой женских сапог (КП-8566, ИБ-4269). Изготовлена эта обувь в России, в Курской губернии, в с. Старый Оскол, в конце XIX — начале XX вв. Сапоги черного цвета, кожаные, с округлым носком и округлой пяткой, украшенной медными гвоздиками. Они изготовлены на высоком многослойном каблуке с длинным голенищем в виде «гармошки». По верху голенище украшено узором из металлических «елочек». Подкладка кожаная, подошва закреплена деревянными гвоздиками, каблук с металлической подковообразной набойкой (Рис. 2).

Кроме сапог носили и другие виды кожаной обуви. Очень популярной и доступной всем слоям населения была обувь, изготовленная из мягкой коровьей или свиной кожи – постолы (поршни, моршни). Её не шили, а закладывали складками, «морщили», то есть стягивали кусок кожи веревкой таким образом, что полоски по бокам образовывали сборки. Такую обувь к ноге привязывали длинной веревкой или кожаным шнуром. В зависимости от формы носовой части и способа её стягивания эта обувь была тупоносой и остроносой [3, с. 128].

Можно выделить три типа поршней: простые, ажурные и составные. Простые шились из прямоугольного куска кожи толщиной 2–2,5 мм, края которого загибались сверху и сшивались. По бокам

в верхней части делались прорези для кожаного ремешка, с помощью которого поршень крепился к ноге. Длина ремешка достигала 1 метра. Ажурные поршни отличались тем, что на их верхней передней части было несколько рядов прорезей, в которые заплетался ремешок. Составные поршни изготавливались из более толстой кожи, к основе пришивался треугольный кусок кожи. Постолы (поршни), относящиеся к простому типу, овальной формы с острым носом, выполнены из сыромятной кожи черного цвета с помощью метода «морщения». На обуви имеется шнур для обтягивания ноги. Такая кожаная обувь использовалась в России вплоть до начала XX в.

В 1993 г. в результате экспедиции в русское село Мазанка (Крым, Симферопольский район) в фонды Крымского этнографического музея поступила пара постолов (КП-397, ИБ-154), изготовленных в начале XX в. мастером-шорником Кондратом Тимофеевичем Лопатиным (Рис. 3).

Наряду с лаптями, сапогами и поршнями были виды обуви, которые носили только женщины. К ним относятся, например, туфли – обувь на жесткой кожаной подошве с широким каблуком, низкая, в виде глубоких галош. Верхняя часть изготавливалась из кожи, вышивалась золотой нитью, украшалась парчой. Они были распространены в основном в северных губерниях европейской части России, надевались по большим праздникам с чулками [6, с. 324].

В собрании Крымского этнографического музея представлено четыре пары туфель. В 1999 г. Т. В. Лобанова передала женские туфли (КП-2635, ИБ-935), изготовленные мастером Василием Лобановым (Крым, г. Симферополь, 50-е гг. XX в.). Туфли черного цвета из кожи тонкой выделки, на высоком трапецевидном каблуке, с округлым носком, с высоким подъемом, со вшитым «язычком». В результате закупок в 2017 г. коллекция традиционной русской обуви была дополнена тремя парами женских туфель, которые датируются концом XIX — началом XX вв. Одна пара туфель (КП-8485, ИБ-4189) из Белгородской губернии изготовлена из черной кожи с войлочными вставками и стелькой, без каблука, с округлым носком и плотной пяткой. Войлочные вставки украшены белой машинной строчкой. Вторая пара (КП-8575, ИБ-4276) из Воронежской губернии, Бирючинского уезда, села Малобыково. Туфли кустарного производства из кожи темного цвета на невысоком каблуке с округлой плотной пяткой с петелькой и прямоугольным носком. В петельку продета цветная тканая тесьма для завязывания

на ноге. Стелька кожаная. Вырез туфель фигурной формы. Третья пара женских туфель (КП-8851, ИБ-4527) представляет собой интересный вариант праздничной, возможно, свадебной обуви, характерной для Курской области (Белгородский уезд, с. Александровка). Обувь выполнена из черной кожи, с округлым носком и округлой пяткой, на невысоком наборном каблуке. Украшены вставкой из черного войлока с разноцветными машинными строчками и вышивкой бисером – белые цветы с серединками из золотисто-желтых пуговиц. Композиция дополнена вышивкой желтой шерстяной нитью. Под центральным бисерным цветком остатки малиновых и зеленых шерстяных нитей. К пятке крепится петелька, в которую продет черный шнур с бисерно-ниточным украшением на концах. По верхнему краю туфли обшита белым бисером. Подошва кожаная, с деревянными гвоздями (Рис. 4).

В последней трети XIX в. в деревню из города пришла мода на калоши – мужская и женская кожаная или резиновая обувь, надевавшаяся на сапоги и полусапожки. Их носили в любую погоду по праздникам молодые женщины, парни и молодые мужчины из богатых семей. Калоши были распространены во всех губерниях Европейской России. Однако особенно модными они были на севере Европейской России и в центральных губерниях [6, с. 101].

Еще один вид русской обуви – валенки, войлочная обувь с высоким единым с нижней частью голенищем. Их изначально стали делать в Сибири. Потом эта обувь стала обычной для зажиточных крестьян Европейской России. С конца XIX в. она начала широко распространяться среди остального населения [1, с. 245].

Валенки делали без различий правой и левой ноги и цвета (от черного до белого). Голенище в верхней части слегка надрезали для удобства в ходьбе, подошву подшивали кожей, чтобы войлок не намокал во время оттепели. У богатых людей валенки украшались вышивкой, цветным гарусом, бисером [1, с. 246].

В коллекции музея войлочная обувь представлена тремя парами валенок. В фонды музея в 2004 г. переданы валенки (2495 НВ) кустарного производства (Крым, Кировский район, с. Изюмовка, вторая половина XX в.), черного цвета, с округлым носком, высоким голенищем. Житель г. Симферополя А. Ю. Манаев в 2007 пожертвовал музею две пары детских валенок (3165 НВ) серого цвета, с высоким голенищем, черными резиновыми галошами, прикрепленными к подошве, и валенки (3165 НВ) черного цвета, с высоким

голешищем и округлым носком. Обе пары валенок изготовлены в Крыму в 70–80 гг. XX в.

Необходимо сказать, что в ходе изучения семейно-бытовой обрядности русских, отмечается важное место, которое отводится обуви. Безусловно, важную роль обувь играла в свадебных обрядах и традициях. Обувь – лапти, сапоги, валенки, коты, башмаки, была обязательным подарком жениха невесте [2, с. 27].

Обряды с обувью на свадьбе можно разделить на две группы: обряды с новой и старой обувью. Большинство обрядов на свадьбе связаны с использованием новой обуви, правилами её ношения, изготовления и т.д. Каждый обычай, связанный с обувью, имел свое символическое значение.

У всех восточных славян во второй половине XIX — начале XX века был распространен обычай снимать сапоги с мужа молодой. Когда молодые оставались одни, молодая должна была разуть мужа. Она снимала с него сначала правый сапог, в котором находила деньги и брала их себе. В Сарапульском уезде Вятской губернии это называлось «утренний дар» [2, с. 66]. Обряд разувания мужа – переход молодой во власть мужа, означал подчинение ему и был известен на Руси еще в XVI–XVII вв.

Жених дарил свои подарки на смотринах, на девичнике или в утро перед свадьбой, нередко посредником выступал дружок или другие родственники жениха. Основным подарком жениха – обувь и верхняя одежда, называется «передатью» или «наряжальной передатью», очевидно, потому, что передавался невесте кем-нибудь из родственников жениха, одаривая молодую и родных невесты [2, с. 26].

В Курской губернии, когда жених шел свататься, он нес невесте лапти. Если невеста их принимала, это означало, что она согласна на брак. В день свадьбы невеста надевала подаренную женихом обувь (башмаки), которую принято было подавать невесте через стол. Эти башмаки она надевала, когда ехала к венцу. Считалось, что если невеста надевала сперва правый башмак, то она будет склоняться к посторонним людям, а не к мужу. Иногда обувь изготавливали будущий свёкр. Так, например, было в Олонецкой губернии.

Обувь как подарок имела не только практическое значение, но и являлась символом привязанности будущей жены к дому. Обувь не всегда была дорогой, часто собственного изготовления, и состояла из лаптей, которые должен был сплести жених.

В первой половине XIX в. в Калужской губернии сохранялся обычай, когда невеста и жених избегали друг друга, однако, же-

них обязан был до самой свадьбы снабжать невесту «писаными» лаптями [2, с. 27]. Это вид праздничных лаптей, головки которых оплетались узенькими, шириной примерно в 3 мм полосками белой липовой коры и красной ольховой, вязовой или дубовой, благодаря чему получается ровный шахматный узор. Обычай плести «писаные» лапти существовал в Рязанской, Орловской и Тамбовской губерниях. Обычай в Дмитриевском уезде Орловской губернии привязывать подаренные лапти к ножкам стола головками книзу, возможно также имел значение пожелания крепкой связи невесты с домом будущего мужа [2, с. 27].

Обряды со старой обувью несли в себе иные значения: пожелание доброго пути, выполнение возложенного поручения и благополучия. Так вслед свахе, которая отправлялась сватать, бросали изношенный лапоть (Рязанская губерния); свата забрасывали лаптями, сапогами, башмаками, приговаривая: «на счастье, на веселье» (Нижегородская губерния). Когда жених был вдовцом, его также забрасывали старыми лаптями: «иначе брак будет несчастным» (Казанская губерния). Стоптаные лапти вывешивались у входа [2, с. 66]. Во второй половине XIX — начале XX века обряды еще сохранялись, но уже носили развлекательный характер.

В похоронной обрядности обуви придавалось особое значение. Босыми ногами никогда не хоронили. Обували в чулки, башмаки, чаще всего сшитые из сукна, холста или завертывали онучами и одевали лапти [2, с. 91]. Крестьяне, соблюдающие традиции, вне зависимости от своего благосостояния, одевали умершему новые лапти. Обували лапти даже тогда, когда при жизни человек их не носил. Иногда хоронили в сапогах.

Лапти, игравшие большую роль в семейной обрядности, использовали и в аграрно-скотоводческих обрядах. В Московской губернии отелившуюся корову принято было окуривать из лаптя. Это был старый способ, замененный затем окуриванием из глиняной курильницы. Так называемый «куриный бог», который вывешивали в курятнике (ему придавалась защитная сила), нередко состоял из стоптанного лаптя [2, с. 123].

Защитное значение в русской народной традиции имела стоптанная обувь. Известную роль играло и то, что лапоть плелся крестом, который считался охранительным знаком. Лапоть с уложенной в него травой-мокрицей во время засухи бросали в реку, чтобы вызвать дождь.

В фольклоре также отражена тема традиционной русской обуви, её разновидностей. В народе сохранилось большое количество пословиц и поговорок, в которых часто встречается упоминание различных видов обуви, что указывает на её огромное значение.

К примеру, достаточно много внимания уделяется лаптям и сапогам: «Гули да гули, ан в лапти обули» [5, с. 70], «Два сапога пара, и оба на левую ногу» [5, с. 74], «Жена не лапоть – с ноги не сбросишь» [5, с. 96], «Жениться – не лапоть надеть» [5, с. 97], «Сапог – то скрипит, да в горшке не кипит», «Муж не сапог, не башмак, не лапоть – с ноги не скинешь», «Не лыком шит» [5, с. 187], «Сапог лаптю не брат», «Сапог хорош, да ногу жмет», «Сапожки со скрипом, а каша без масла», «Сапожник без сапог», «Сапоги каши просят» [5, с. 279], «Сегодня гули да завтра гули: держись, чтоб в лапти не обули», «Сегодня сапоги шьют, завтра пироги печут», «Сесть в галошу» [5, с. 282], «Хорошо из лаптей обувать в сапоги, а не из сапог в лапти» [5, с. 319].

Таким образом, важность обуви в русской народной культуре неоспорима. Наличие множества обычаев в свадебной, погребальной, аграрно-скотоводческой обрядности, связанной с обувью, широкое распространение в фольклорной традиции, говорят о её большом значении. Коллекция традиционной русской обуви в собрании Крымского этнографического музея многочисленна, однако, позволяет представить её особенности, определить основные материалы и виды украшений.

Литература

1. Бузин В. С. Этнография русских: учебное пособие. – СПб.: Издательство СПб. университета, 2007. – 421 с.
2. Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX. – М.: Наука, 1984. – 220 с.
3. Науменко Л. А., Таратухина Е. Е. Восточные славяне Крыма. Одежда, обувь, аксессуары. Из коллекции КРУ «Этнографический музей» // Л. А. Науменко, Е. Е. Таратухина; МАИЭТ – Supplementum. – Вып.12. – Симферополь-Керчь, 2013. – 160 стр.
4. Русские / Отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полишук. – М.: Наука, 2005. – 828 с.
5. Русские пословицы и поговорки / под. ред. В. Аникина. – М.: Художественная литература, 1988. – 431 с.
6. Русский традиционный костюм: иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост. Н. Соснина, И. Шангина. – СПб.: Искусство – СПб, 2001. – 400 с.

*Рис. 1. Лапти.
КП-3533, ИБ-1529.
Из коллекции КЭМ*

*Рис. 2. Сапоги женские.
КП-8566, ИБ-4269.
Из коллекции КЭМ*

Рис. 3. Постолы. КП-397, ИБ-154. Из коллекции КЭМ

Рис. 4. Туфли женские. КП-8851, ИБ-4527. Из коллекции КЭМ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАРК** – Государственный архив Республики Крым
ЖМВД – Журнал Министерства Внутренних дел
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ИИМК – Институт Истории материальной культуры
ИТУАК – Известия Таврической Ученой Архивной комиссии
КФУ – Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
КЭМ – Крымский этнографический музей
МАИАСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
РЭМ – Российский этнографический музей
СА – Советская археология
СЭ – Советская этнография
УЗ ТНУ – Ученые записки
HUS – Harvard Ukrainian Studies

Сведения об авторах

Баранова Евгения Михайловна, заведующая отделом информации и культурно-просветительской работы ГБУРК «Крымский этнографический музей».

Бариева Марина Ренатовна, научный сотрудник научно-исследовательского отдела этнографии народов Крыма ГБУРК «Крымский этнографический музей».

Гайворонская Ольга Борисовна, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела этнографии народов Крыма ГБУРК «Крымский этнографический музей».

Демидович Валерия Викторовна, методист по музейно-образовательной деятельности отдела информации и культурно-просветительской работы ГБУРК «Крымский этнографический музей».

Дмитриев Владимир Александрович, доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории ФГБУК «Российский этнографический музей».

Ельяшевич Вячеслав Алексеевич, руководитель Местной религиозной организации «Караимская религиозная община города Симферополя», самостоятельный исследователь.

Ломакина Мария Александровна, научный сотрудник научно-исследовательского отдела этнографии народов Крыма ГБУРК «Крымский этнографический музей».

Миронова Наталья Викторовна, заведующая отделом учета и хранения фондов ГБУРК «Крымский этнографический музей».

Науменко Анна Валентиновна, методист по музейно-образовательной деятельности отдела информации и культурно-просветительской работы ГБУРК «Крымский этнографический музей».

Науменко Людмила Анатольевна, заместитель директора ГБУРК «Крымский этнографический музей».

Носкова Инна Аркадьевна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник научно-исследовательского отдела этнографии народов Крыма ГБУРК «Крымский этнографический музей».

Османов Эльвиз Эдемович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова.

Прохоров Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры документоведения и архивоведения ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского».

Пуздоровская Мария Александровна, методист по музейно-образовательной деятельности отдела информации и культурно-просветительской работы ГБУРК «Крымский этнографический музей».

Руев Владимир Леонидович, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского».

Сластникова Людмила Александровна, научный сотрудник высшей категории ФГБУК «Российский этнографический музей».

Спирина Ирина Владимировна, специалист по учету отдела учета и хранения фондов ГБУРК «Крымский этнографический музей».

Таратухина Елена Евгеньевна, хранитель музейных предметов отдела учета и хранения фондов ГБУРК «Крымский этнографический музей».

Филиппова Наталья Александровна, заведующая научно-исследовательским отделом этнографии народов Крыма ГБУРК «Крымский этнографический музей».

Научное издание

**V МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
ПОСВЯЩЕННАЯ 30-ЛЕТИЮ
ГБУРК «КРЫМСКИЙ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»**

***Этнография Крыма XIX–XXI вв.
и современные этнокультурные процессы***

(г. Симферополь, 21–23 сентября 2022 г.)

Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка *А. Н. Гладкая*

Подписано в печать 00.11.2023
Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 9.53 Тираж 100 экз.

Издательство-типография ООО «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушка, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail.ru